

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

1

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rubanov.bsu@gmail.com
- Заместители главного редактора** **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
- ФУРМАНОВ И. А.** – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigor@gmail.com
- Ответственный секретарь** **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Агилера М.** Малагский университет, Малага, Испания.
- Андрющенко В. П.** Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
- Бабосов Е. М.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Безнюк Д. К.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Водопьянов П. А.** Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
- Вольферт П.** Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
- Гигин В. Ф.** Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Го Шухун** Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
- Данилов А. Н.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Журавлев А. Л.** Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Зеленков А. И.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Иванич П.** Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Карамушка Л. Н.** Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
- Кирвель Ч. С.** Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Козловский В. В.** Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
- Королева И.** Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
- Купченко В. Е.** Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
- Лазаревич А. А.** Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Лаптёнок А. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Мазилев В. А.** Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
- Порус В. Н.** Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
- Румянцева Т. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Сайганова В. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Слепович Е. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Стелинговска Б.** Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
- Титаренко Л. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Тощенко Ж. Т.** Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
- Шатравский С. И.** Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Якубовска В.** Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
- Янчук В. А.** Независимый исследователь, Минск, Беларусь.
- Яскевич Я. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

Deputy editors-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

.....
FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.* University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov E. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Guo Shuhong Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel Ch. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Saiganova V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopianov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A. Independent researcher, Minsk, Belarus.
Yaskevich Ya. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091)

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ А. ШОПЕНГАУЭРА

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Изложены взгляды А. Шопенгауэра на понятие «житейская мудрость». Выявлено, что философ, вопреки своей метафизико-этической точке зрения, рассматривает его в качестве искусства провести жизнь как можно приятнее и счастливее. Показано, что счастливая жизнь человека связана с тем, кем он является как личность, а также с его отношением к собственности и мнению других людей. Названы два главных фактора, препятствующих достижению счастья, – боль и скука. Первый фактор соотносится с состоянием здоровья, второй фактор – с внутренней пустотой. Указано, что преодоление внутренней пустоты заключается в формировании духовных потребностей, благодаря которым жизнь человека наполняется смыслом. Приведены практические советы А. Шопенгауэра по достижению счастья.

Ключевые слова: житейская мудрость; счастье; личность; потребности; паранезы; максимы.

THE WORLDLY WISDOM OF A. SCHOPENHAUER

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The views of A. Schopenhauer on the concept «worldly wisdom» are presented. It is revealed that the philosopher contrary to his metaphysical-ethical point of view considers this term as an art of spending life as pleasantly and happily as possible. It is shown that a person's happy life is connected with who he is as a person, as well as with his attitude to property and the opinion of other people. Two main factors that hinder the achievement of happiness (pain and boredom)

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Житейская мудрость А. Шопенгауэра. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2025;1:4–15.
EDN: SYELNU

For citation:

Rubanau AV. The worldly wisdom of A. Schopenhauer. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2025;1:4–15. Russian.
EDN: SYELNU

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4821-1937>

are named. The first factor correlates with the state of health, the second factor correlates with inner emptiness. It is pointed out that overcoming the inner emptiness consists in the formation of spiritual needs thanks to which a person's life is filled with meaning. Practical advice of A. Schopenhauer on achieving happiness is given.

Keywords: worldly wisdom; happiness; personality; needs; paranesis; maxims.

В работе «Афоризмы житейской мудрости», являющейся «наставлением в счастливом существовании», А. Шопенгауэр определяет понятие «житейская мудрость» как «искусство провести свою жизнь возможно приятнее и счастливее» [1, с. 10]. Прежде чем раскрыть обозначенную тему мыслитель разъясняет свою принципиальную позицию: «Возникает вопрос, соответствует ли человеческая жизнь понятию о таком существовании... моя философия, как известно, отвечает на этот вопрос отрицательно... <...> Поэтому, если я все-таки принимаюсь за такого рода сочинение, мне надлежит совершенно покинуть ту высшую, метафизико-этическую точку зрения, к которой, собственно, должна вести вся моя философия. Все, следовательно, приводимые здесь рассуждения основаны до известной степени на компромиссе...» [1, с. 10–11].

Философ начинает размышление с утверждения о том, что «...то, от чего зависит разница в жребии смертных, может быть... сведено к трем основным пунктам. Вот они:

1) что есть индивид, то есть личность в самом широком смысле слова. Сюда относятся, следовательно, здоровье, сила, красота, темперамент, нравственный характер, ум и его развитие;

2) что имеет индивид, то есть всякого рода собственность и владение;

3) чем индивид представляется... ..Здесь мы имеем дело с... мнением о нем, которое проявляется в тройной форме... честь, ранг и слава» [1, с. 13]. Раскрывая понимание того, что есть индивид, А. Шопенгауэр выдвигает тезис, лежащий в основе его системы взглядов: «Для счастья нашей жизни первое и самое существенное условие – то, что мы есть, наша личность...» [1, с. 20–21]. Данная мысль развивается им следующим образом: «...личность и ее достоинство – вот единственное, с чем непосредственно связано... благополучие. <...> Поэтому-то зависть, направленная на личные преимущества, бывает наиболее непримиримой, да и скрывают ее всего тщательнее. <...> ...Несчастье, всецело зависящее от внешних обстоятельств, мы переносим с большей твердостью, чем вызванное собственной виною... <...> ...Важнейшим условием для нашего счастья являются, следовательно, субъективные блага: благородный характер, способная голова, счастливый нрав, бодрое настроение и хорошо сложенное, вполне здоровое тело, то есть вообще *mens sana in corpore sano* (здоровый дух в здоровом теле. – А. Р.)» [1, с. 28]; «...самый ближайший путь к счастью – веселое настроение, ибо это прекрасное

свойство немедленно вознаграждает само себя. <...> ...Если он (человек. – А. Р.) весел, то безразлично, молод ли он или стар, строен или горбат, беден или богат, – он счастлив. <...> По этой причине мы должны широко раскрывать свои двери веселью, когда бы оно ни являлось, ибо оно никогда не приходит не вовремя» [1, с. 29].

А. Шопенгауэр связывает счастливое состояние человека с его здоровьем: «Вообще же нашего счастья зависят исключительно от здоровья» [1, с. 32]; «Здоровью отчасти родственна по своему значению красота. Хотя, собственно, это субъективное преимущество содействует нашему счастью не прямо, а лишь косвенным путем, через впечатление на других, оно все-таки имеет большую важность, даже для мужчины» [1, с. 37].

Философ сопровождает размышления о счастливой жизни утверждением о том, что препятствует ее достижению: «Самый общий взгляд на жизнь укажет нам на двух врагов человеческого счастья – боль и скуку» [1, с. 37]. Он подчеркивает взаимосвязь данных явлений: «...жизнь качается, подобно маятнику, взад и вперед между страданием и скукой, на которые действительно распадается в своих последних элементах вся жизнь. Это нашло себе замечательное выражение и в том, что, когда человек отнес все страдания и муки в ад, для неба не осталось ничего, кроме скуки» [2, с. 298]. Рассматривая этот тезис с точки зрения социальной жизни, мыслитель пишет: «Как нужда – постоянный бич народа, так скука – бич знатных. В обыденной жизни скука представлена воскресеньем, а нужда – шестью днями недели» [2, с. 300]. По мнению А. Шопенгауэра, источником скуки является внутренняя пустота. Для пояснения данной мысли он сравнивает два возможных образа жизни: «Человек с богатым внутренним миром прежде всего будет стремиться к отсутствию боли, досады, к покою и досугу, то есть избрет тихое, скромное, но по возможности свободное от тревог существование и потому после некоторого знакомства с так называемыми людьми будет избегать общения с ними, а при большом уме – даже искать одиночества. <...> Представитель другой крайности, коль скоро у него не стоит за плечами нужда, во что бы то ни стало гонится за забавами и обществом и легко довольствуется всем, ничего не избегая так старательно, как самого себя» [1, с. 40]. Именно внутренней пустотой объясняется погоня за всякого рода развлечениями, удовольствием и роскошью. Например, «такими именно мотивами служат *игры*...» [1, с. 41]. Философ переносит тему карточного азарта на общее состояние общественной жизни, когда говорит, что «...дух игры

заключается именно в том, чтобы всячески, всеми хитростями и уловками выиграть у другого его деньги. А привычка поступать так в игре укореняется, проникает в практическую жизнь...» [1, с. 43].

Исследуя природу человека, А. Шопенгауэр выделяет следующие источники возможных наслаждений: «...во-первых, наслаждения *репродуктивной силы*... заключаются в еде, питье, пищеварении, покое и сне. <...> Во-вторых, удовольствия *раздражимости*... заключаются в ходьбе, прыганье, борьбе, танцах, фехтовании, верховой езде и всякого рода атлетических играх, а также в охоте и даже в сражениях и войне. В-третьих, удовольствия *чувствительности*... заключаются в созерцании, мышлении, чувствовании, занятии поэзией, изобразительными искусствами, музыкой, в учении, чтении, размышлении, изобретении, философствовании и т. д.» [1, с. 50]. Философ отдает первенство духовным наслаждениям: «...человек, одаренный преимущественно духовными силами, живет жизнью полной мысли, проникнутой одушевлением и смыслом... <...> ...Такой человек имеет в сравнении с другими новую потребность – учиться, видеть, изучать, размышлять, совершенствоваться...» [1, с. 52–53]. Он отмечает, что «жизнь остальных людей проходит в тупой монотонности, так как их помыслы и усилия всецело направлены на мелочные интересы личного благополучия, а потому на всякого рода пустяки, так что ими овладевает невыносимая скука, как только они перестают заниматься этими целями и должны иметь дело с самими собою» [1, с. 52]. Для обозначения человека без духовных потребностей мыслитель вводит термин «филистер».

Переходя к вопросу о том, что имеет индивид, А. Шопенгауэр приводит выделенные Эпикуром, «учителем счастья», классы человеческих потребностей: «Во-первых, потребности естественные и необходимые... Сюда относятся, следовательно, лишь *victus et amictus* (пища и одежда). Они легко находят себе удовлетворение. Во-вторых, потребности естественные, но не необходимые: это потребность в удовлетворении полового чувства... Удовлетворить эту потребность уже труднее. В-третьих, потребности ни естественные, ни необходимые: это потребности роскоши, пышности, великолепия и блеска; они не имеют границ, и их удовлетворение сопряжено с большой трудностью» [1, с. 67]. Последний класс потребностей становится предметом рассуждений философа: «Затруднительно, если не невозможно, установить пределы наших разумных желаний касательно имущества. Ибо удовлетворенность каждого отдельного человека в этом отношении зависит не от абсолютной, а от чисто относительной величины, именно от соответствия между его притязаниями и его достоянием...» [1, с. 67–68]. Он показывает относительность человеческих притязаний на конкретном примере: «Вот почему огромное состояние богатых не является предметом вождлений бедня-

ка, а... богач, если не осуществляются его планы, не находит себе утешения в том многом, что у него уже есть» [1, с. 68].

Дальнейшая логика размышлений приводит А. Шопенгауэра к анализу механизма формирования желаний: «Богатство подобно морской воде: чем больше ее пьешь, тем сильнее становится жажда. То же самое и со славой. После утраты богатства либо благосостояния, коль скоро пережиты первые минуты горя, в нашем обычном настроении не заметно бывает большой разницы с прежним; это происходит потому, что, после того как судьба уменьшит фактор нашего имущества, мы сами в равной мере сокращаем фактор своих потребностей. <...> Наоборот, при удаче пружина наших вождлений развертывается, и они растут: это связано с радостью. Но и она длится не дольше, чем пока вполне завершится эта операция: мы привыкаем к расширенному масштабу потребностей и уже равнодушно относимся к соответственно умноженному достоянию» [1, с. 68–69]. Философ указывает на своеобразную черту мира человеческих желаний: «Людам часто ставится в упрек, что их желания направлены главным образом на деньги, которые они любят больше всего другого. Однако ведь... естественно, даже прямо неизбежно любить то, что... во всякую минуту готово превратиться в любой предмет наших изменчивых желаний и многообразных потребностей. <...> Одни деньги – абсолютное благо: они отвечают не какой-нибудь потребности *in concreto*, а потребности вообще, *in abstracto*» [1, с. 70]. Мыслитель останавливается на причинах различий в отношении к богатству и на вытекающих из них особенностях жизненной позиции и поведения: «...человеку, от рождения окруженному богатством, последнее представляется как нечто необходимое, как условие единственно возможной жизни, как воздух; поэтому он хранит его, как свою жизнь, и оттого большей частью обнаруживает любовь к порядку, предусмотрительность и бережливость. Наоборот, кому от рождения уделом была бедность, тот в ней видит естественное состояние, а в доставшемся после богатстве – нечто излишнее, годное лишь для наслаждений и мотовства; если оно опять исчезнет, человек, как и прежде, станет обходиться без него, еще освобожденный от лишней заботы» [1, с. 72–73].

При рассуждении о том, каков человек в представлении других, А. Шопенгауэр констатирует, что «нашему бытию во мнении других обычно... придается слишком большое значение» [1, с. 79]. Выражая свое отношение к данному факту, он пишет: «...желательно... по возможности умерить такую чувствительность к чужому мнению – будет ли оно лестно, будет ли оно обидно... Иначе человек остается рабом чужого мнения и чужого суждения» [1, с. 80]. Повышенное внимание к чужому мнению «...проявляется главным образом в трех формах: в виде честолюбия, тщеславия и гордости. Разница между двумя

последними состоит в том, что *гордость* – это уже закрепившееся сознание обостренного превосходства в каком-либо отношении, *тщеславие* же – это желание привить подобное убеждение другим, сопровождающееся большею частью скрытой надеждой, что оно таким путем может обратиться и в наше собственное» [1, с. 90]. Философ четко высказывается о гордости: «Хотя гордость всюду вызывает против себя порицание и осуждение, я полагаю тем не менее, что последние исходят преимущественно от тех, у кого нет ничего, чем они могли бы гордиться» [1, с. 91].

Мыслитель указывает: то, что мы есть в глазах других, можно «подразделить на *честь*, *ранг* и *славу*» [1, с. 94]. Ранг, «сколь ни важен он в глазах толпы и филистеров и сколь ни велика его польза в механизме государственной машины», является «условным, то есть, собственно, вымышленным, достоинством: его эффект заключается в поддельном почтении, и, в общем, это просто комедия для толпы» [1, с. 94].

А. Шопенгауэр определяет честь как «...мнение других о нашем достоинстве, а субъективно – наш страх перед этим мнением. В этом последнем отношении она часто оказывает в человеке чести очень благотворное, хотя и вовсе не чисто моральное влияние» [1, с. 95]. Он объясняет причины повышенной чувствительности людей к чести тем, что отдельный человек «...лишь в сообществе с другими представляет... собою нечто могущественное. ...И в нем возникает тогда стремление считаться дельным членом человеческого общества... А этого он достигнет в том случае, если он... делает то, чего требуют и ожидают от всех вообще, затем то, чего требуют и ожидают от человека в том особом положении, какое он занимает. <...> ...Ничто в такой мере не поднимает его жизненной энергии, как достигнутая либо восстановленная уверенность в благоприятном мнении других людей, ибо она обещает ему защиту и помощь соединенных сил всего человечества, которые служат бесконечно большей гарантией против житейских зол, чем одни его собственные силы» [1, с. 96–97].

Выбрав в качестве критерия различные отношения, в которых человек может находиться с другими людьми, философ выделяет гражданскую, служебную и половую честь. Он отмечает, что «...честь в известном смысле имеет *отрицательный* характер, именно как противоположность *славе* с ее *положительным* характером. Ибо честь есть мнение не о каких-либо особенных, исключительно данному субъекту принадлежащих свойствах, а лишь о качествах, которые предполагаются как правило и которые не должны отсутствовать у него. Таким образом, оно выражает только, что этот субъект не составляет исключения, тогда как слава отмечает его как таковое. Славу поэтому надо еще сначала приобрести, честь же нужно только не терять. ...Отсутствие у человека славы... есть понятие отрицательное; отсутствие чести будет уже позор, нечто положительное»

[1, с. 99]. Мыслитель приходит к следующему выводу: «Честь обладает лишь косвенной ценностью. Ибо... мнение о нас других лишь постольку может быть для нас важно, поскольку оно определяет или может при случае определить их поведение относительно нас» [1, с. 101].

Честь в том виде, в котором она рассмотрена выше, «встречается в качестве общего правила у всех народов и во все времена» [1, с. 110]. Однако существует особый вид чести – рыцарская честь. А. Шопенгауэр указывает, что «в одном случае получается *человек чести*, а в другом – *честный человек*» [1, с. 110]. Так, он приводит следующие принципы рыцарской чести: «Честь состоит не во мнении других о нашем достоинстве, а исключительно только в выражениях такого мнения, все равно, высказывает ли выраженное мнение то, что действительно думают о нас, или нет, не говоря уже о его основательности» [1, с. 111]; «Честь человека основана не на том, что он *делает*, а на том, что он *претерпевает*, что с ним случается. Если по принципам разобранным выше общепризнанной чести эта последняя зависит исключительно от того, что *человек* сам говорит либо делает, то рыцарская честь, напротив, зависит от того, что говорит или делает кто-либо другой. <...> ...Честь каждую минуту подвергается риску быть утраченной, коль скоро кому-нибудь заблагорассудится *обругать* его...» [1, с. 112]; «Честь совершенно не имеет никакого отношения к тому, что такое человек сам по себе и для себя, или к вопросу, может ли когда-либо измениться его моральная природа... если она оскорблена или в данное время утрачена, нужно только действовать с достаточной быстротой, чтобы весьма скоро и вполне ее восстановить с помощью единственно универсального средства – дуэли. <...> Но сверх того... мы имеем еще паллиативное средство в “авантаже”. Средство это состоит в том, что, если противник был груб, мы проявляем по отношению к нему гораздо большую грубость» [1, с. 116]; «Насколько быть обруганным – позор, настолько обругать – честь. <...> Таким образом, грубость есть свойство, которое в вопросе чести заменяет или устраняет всякое другое: кто всех грубее, тот всегда прав...» [1, с. 117]; «Высший правовой трибунал, к которому при всех ссорах можно апеллировать от всякого другого, поскольку дело касается чести, – это трибунал физической силы... <...> ...Сообразно этому рыцарскую честь надлежало бы называть кулачной честью» [1, с. 119]; «Если выше мы нашли гражданскую честь очень щепетильной в вопросе о моем и твоём, о принятых на себя обязательствах и о данном слове, то рассматриваемый здесь кодекс, напротив, отличается в этом отношении благороднейшей либеральностью. <...> ...Существует только один долг, безусловно требующий оплаты, – долг карточный, который поэтому и носит название “долг чести”» [1, с. 119–120]. Философ обобщает свое отношение к рыцарской чести: «Беспристрастный человек сразу видит, что этот странный,

варварский и смешной кодекс чести берет свое начало не в сущности человеческой природы и не в здравом понимании человеческих отношений. Это подтверждается к тому же крайне ограниченной сферой его действия... он применяется исключительно в Европе, притом лишь со времени Средних веков, да и здесь только у дворян, военных и их подражателей» [1, с. 120]. Он дает критическую оценку современного ему общества: «Две вещи главным образом отличают общественную жизнь нового времени от общества древнего, притом в невыгодную для первой сторону, так как они придали ей серьезный, суровый, мрачный колорит, от которого была свободна древность, ясная и веселая, как утро жизни. Это – принцип рыцарской чести и венерическая болезнь, *rag nobile fratrum* (друг друга достойные братцы. – А. Р.). Они сообща отравили *neicos cai philian* (вражду и дружбу. – А. Р.) жизни» [1, с. 143].

Мыслитель обращается к соотношению понятий чести и славы: «Слава и честь – это сестры-близнецы... слава – бессмертная сестра смертной чести. Это, разумеется, надо понимать лишь о славе наивысшего порядка, о действительной и подлинной славе, ибо существует, конечно, и разного рода эфемерная слава. <...> ...Честь касается лишь таких свойств, какие требуются от всех находящихся в одинаковом положении; слава – лишь таких, которых нельзя требовать ни от кого. Честь имеет в виду качества, которые вправе всенародно приписать себе каждый; слава – качества, которых никто не имеет права себе приписывать. <...> На честь может претендовать каждый, на славу – лишь люди исключительные, ибо слава достигается только необычайными заслугами, а эти последние опять-таки выражаются либо в *делах*, либо в *творениях*, так что к славе открыто два пути. По пути дел направляет главным образом великое сердце; по пути творений – великий ум. У каждого из этих путей имеются свои особые преимущества и невыгоды. Главная разница между ними та, что дела проходят – творения остаются» [1, с. 147]; «Если, таким образом, *честь* обыкновенно находит себе справедливых судей и не подвергается опасности со стороны зависти, так что даже ее заранее, по доверию, признают в каждом человеке, то за *славу* приходится бороться против зависти, и лавры ее раздает трибунал явно недоброжелательных судей» [1, с. 155]; «Насколько трудно поэтому достигнуть славы, настолько же легко сохранить ее. И в этом также обнаруживается ее противоположность чести. Честь признается за всяким, даже в кредит; нужно только сберечь ее. Но в этом-то и заключается вся задача, ибо достаточно одного только недостойного поступка, чтобы честь была утрачена навеки» [1, с. 157]; «Таким образом, кто только *заслуживает* славы, тот, даже не пользуясь ею на деле, обладает, бесспорно, самым главным, что может служить ему утешением в ее отсутствие. Ибо человека делает достойным зависти не то, что его считает великим лишенная рассудительности и столь часто под-

верженная обману толпа, а то, что он действительно велик; и высокое счастье состоит не в том, что он будет известен потомству, а в том, что в нем зарождаются мысли, заслуживающие, чтобы их хранили и передумывали в течение веков» [1, с. 162]; «Счастье его, значит, состояло в самом факте больших достоинств, стяжавших ему славу, и в том, что ему привелось развить их, то есть что у него была возможность поступать так, как ему было свойственно, и заниматься тем, чем он занимался с охотой и любовью; ибо только при таких условиях создаются творения, приобретающие посмертную славу. Счастье его состояло, следовательно, в его великом сердце или же в богатстве ума, отпечаток которого в его созданиях привлекает восхищение грядущих веков, оно состояло в самих мыслях, продумать которые стало делом и наслаждением благороднейших умов беспредельного будущего. Итак, ценность посмертной славы заключается в том, чем ее заслуживают, и это – подлинная награда за заслугу» [1, с. 163].

Пятая глава работы «Афоризмы житейской мудрости» имеет название «Паранезы и максимы» и содержит в себе наставления и принципы. Изложение материала А. Шопенгауэр предваряет объяснением построения главы: «Чтобы... внести известный порядок в великое многообразие принадлежащих сюда воззрений и советов, я распределю их на принципы всеобщие, на принципы, касающиеся нашего поведения относительно нас самих, затем на принципы нашего поведения относительно других и, наконец, на принципы нашего поведения относительно миропорядка и судьбы» [1, с. 171–172].

Сначала философ описывает три всеобщих принципа. О первом он пишет так: «В качестве высшего правила всякой житейской мудрости я признаю положение, мимоходом высказанное *Аристотелем*... *O phronimos to aluron diokei, u to edy* (рассудительный ищет свободы от страдания, а не того, что доставляет удовольствие. – А. Р.)» [1, с. 172]. Эти слова А. Шопенгауэр трактует как рекомендуемые «направлять свой взор не на наслаждения и приятности жизни, а на то, чтобы, насколько возможно, избегать ее бесчисленных зол» [1, с. 173]. Он развивает свою мысль следующим образом: «...самым счастливым жребием обладает тот, кто проводит свою жизнь без чрезмерных страданий, как духовных, так и телесных, а не тот, кому достались в удел живейшие радости либо величайшие наслаждения. <...> Если же к свободному от страданий состоянию присоединится еще отсутствие скуки, то будут налицо все существенные элементы земного счастья: остальное – одна мечта. <...> Мы остаемся... в барышах, если жертвуем наслаждениями, чтобы избежать страданий. <...>

Пренебрежение к этой истине, поддерживаемое оптимизмом, служит источником многих несчастий. <...> ...Надежнейшее средство, чтобы не быть очень несчастным, – это не требовать для себя большого счастья. <...> Поэтому рекомендуется умерять

свои притязания на наслаждение, обладание, ранг, честь...» [1, с. 174–179]. При этом мыслитель ссылается на основные принципы своего философского учения: «Кто же вполне усвоил учение моей философии и потому знает, что все наше бытие – нечто такое, чего лучше бы совсем не было, и что величайшая мудрость заключается в самоотрицании и самоотказе, тот не соединит больших надежд ни с какой вещью и ни с каким состоянием, ничего на свете не будет страстно добиваться и не станет много жаловаться на свои неудачи в чем бы то ни было» [1, с. 180].

Мыслитель приводит второй всеобщий принцип. Его суть сформулирована следующим образом: «Остерегайтесь строить счастье своей жизни на *широком фундаменте*, то есть предъясняя к ней слишком много требований; опираясь на такой фундамент, счастье это рушится всего легче, так как здесь открывается возможность для гораздо большего числа неудач... <...> Возможно больше понижать свои притязания в соответствии со своими ресурсами всякого рода – вот, стало быть, надежнейшее средство избежать большого несчастья» [1, с. 184].

Третий всеобщий принцип заключается в том, что «одна из величайших и самых частых глупостей... *широкие приготовления* к жизни в какой бы то ни было области» [1, с. 184]. Это связано с тем, что «...у нас не может на всю жизнь сохраняться одинаковая способность к деятельности и к радости. Отсюда происходит, что мы часто трудимся над вещами, которые, будучи наконец достигнуты, перестают уже удовлетворять нашим запросам, а также что мы посвящаем целые годы подготовке к какому-нибудь замыслу, подготовке, незаметно отнимающей у нас тем временем силы для его осуществления» [1, с. 185]. В итоге «...с нами в жизни случается то самое, что с путником, перед которым, по мере его движения вперед, предметы принимают иной вид, чем какой они имели издавна... В особенности происходит это с нашими желаниями» [1, с. 186].

Затем А. Шопенгауэр излагает принципы, касающиеся поведения человека по отношению к себе. Говоря о житейской карьере человека, он отмечает: «Чем она достойнее, значительнее, планомернее и индивидуальнее, тем нужнее и полезнее, чтобы перед его глазами время от времени появлялся ее сокращенный абрис – план» [1, с. 188]. Содержание и значение этого плана для его составителя философ разъясняет следующим образом: «...чтобы он знал, чего он, собственно, главным образом и прежде всего желает, в чем, следовательно, самое существенное условие для его счастья, а затем, что стоит на втором и третьем месте после этого. Надо также, чтобы он понял, каково в целом его призвание, его роль и его отношение к миру. Если он предназначен для важного и грандиозного, то взгляд на план своей жизни в уменьшенном масштабе более всего другого укрепит его, поддержит, возвысит, поощрит к деятельности и удержит от уклонений в сторону» [1, с. 188–189].

Важный принцип житейской мудрости состоит в правильном распределении внимания между настоящим и будущим: «Многие слишком живут в настоящем: это – легкомысленные. Другие слишком поглощены будущим: это – тревожные и озабоченные» [1, с. 190]. Философ утверждает, что люди никогда не должны «...забывать, что одно только настоящее реально и только оно достоверно... <...> ...В нем исключительно лежит наше бытие» [1, с. 191]. По этой причине необходимо «не омрачать его унылым видом по поводу несбывшихся надежд в прошлом или тревогою о будущем» [1, с. 191]. Мыслитель указывает, что «мы переживаем наши лучшие дни, не замечая их: нам хочется вернуть их лишь тогда, когда наступает время скорби» [1, с. 194]. А. Шопенгауэр подкрепляет свою позицию относительно прошлого, настоящего и будущего словами таких выдающихся личностей, как Гомер и Сенека: «Но забываем мы все прежде бывшее, как ни прискорбно; гнев оскорбленного сердца в груди укрощаем по нужде» [1, с. 192]; «Помни, что дни не повторяются, что жизнь одна» [1, с. 192]. Он обращается к своему главному наставлению: «...и это единственно реальное время мы должны сделать себе возможно более приятным» [1, с. 192]. Философ говорит: «...чтобы не жертвовать покоем нашей жизни из-за недостоверных или неопределенных по времени бед, у нас должна образоваться привычка на первые смотреть, как если их никогда и не будет, а относительно последних думать, что они, наверное, достигнут нас не так уж скоро» [1, с. 192]. Предостережение от возможного нежелательного последствия такого отношения к жизни заключается в следующем: «...чем меньше тревожится человек опасениями, тем больше беспокоят его желания, страсти и притязания» [1, с. 193].

Мыслитель рассуждает о самоограничении как способе достижения счастливой жизни. Суть его принципа сформулирована так: «Всякое же ограничение, даже духовное, благоприятно для нашего счастья. Ибо чем меньше возбуждается воля, тем меньше страданий... Ограниченность сферы деятельности отнимает у воли внешние поводы для возбуждения, ограниченность духа – внутренние» [1, с. 195].

Особая значимость интеллектуальной деятельности для плодотворной и счастливой человеческой жизни подчеркнута в следующем принципе: «По отношению к нашему благу и злу все дело в последнем итоге сводится к тому, чем именно заполнено и занято наше сознание. А здесь, в общем, всякая чисто интеллектуальная деятельность дает способному к ней уму гораздо больше, чем действительная жизнь со своей непрерывной сменой удач и неудач, при своих потрясениях и терзаниях» [1, с. 196]. Автор уточняет свою позицию: «...постоянный умственный труд делает нас более или менее непригодными к заботам... действительной жизни; вот почему рекомендуется совершенно отказаться от него

на некоторое время, когда приходят обстоятельства, требующие почему-либо энергичной практической деятельности» [1, с. 196–197].

А. Шопенгауэр приводит еще один принцип: «Чтобы жить вполне *обдуманно* и извлекать из собственного опыта все те поучения, какие в нем содержатся... нужно чаще обращаться мыслью назад и делать сводку тому, что пережито, сделано, испытано и пережито, а также сравнивать свои прежние суждения с теперешними, свои намерения и стремления с достигнутыми результатами и полученным от них удовлетворением. <...> Данный здесь совет имеется в виду и правилом Пифагора, по которому вечером, прежде чем заснуть, человек должен пересмотреть, что им сделано в течение дня» [1, с. 197–198]. Он отмечает, что для сохранения знаменательных моментов жизни большую пользу приносят дневники.

Суть принципа самодостаточности такова: «Довольствоваться собой самим, быть для себя самого всем во всем и иметь возможность сказать: “*Omnia mea mecum porto*” (все свое ношу с собой. – А. Р.)... конечно, благоприятствует нашему счастью...» [1, с. 199]. Философ обосновывает свою мысль от противного: «Нет более ошибочного пути к счастью, чем жизнь в большом свете, среди суеты и шума... ибо она имеет целью превратить наше жалкое существование в смену радостей, наслаждений, удовольствий, причем неизбежно разочарование...» [1, с. 199]. Рассуждение дополняется следующими положениями: «Всецело *быть самим собой* человек может лишь до тех пор, пока он один; кто, стало быть, не любит одиночества, тот не любит и свободы, ибо лишь в одиночестве бываем мы свободны» [1, с. 200]; «...что касается общительности людей, она зависит от их неспособности переносить одиночество, а в нем – себя самих. Именно внутренняя пустота и пресыщение гонят их как в общество, так и за границу, заставляя пускаться в путешествия» [1, с. 205].

Мыслитель формулирует свое отношение к зависти: «*Зависть* свойственна человеку от природы; тем не менее это – порок и одновременно несчастье. Нам надлежит поэтому считать ее врагом нашего счастья и стараться уничтожить ее как злого демона» [1, с. 220]. Для этого «мы должны чаще брать в расчет тех, кому приходится хуже нашего, нежели тех, которые, как представляется, пользуются лучшим жребием» [1, с. 220]. Приведенные выше слова относятся к активной стороне зависти. Ее пассивная сторона состоит в том, что «никакая ненависть не бывает столь непримиримой, как зависть: вот почему мы не должны неустанно и ревностно стремиться к ее возбуждению в других, напротив, мы лучше бы сделали, если бы отказались от этого удовольствия... из-за... опасных последствий» [1, с. 221].

А. Шопенгауэр учит разумной тактике действий: «Надо зрело и неоднократно обсуждать всякое предприятие, прежде чем пустить его в ход, и даже после

того как все продумано самым основательным образом, остается еще отнести кое-что на долю недостаточности всякого человеческого познания, в силу чего всегда еще могут оказаться обстоятельства, выяснить или предусмотреть которые не было возможности и которые при случае подорвут весь расчет» [1, с. 222]. Приняв решение и начав действовать, «остается все предоставить своему течению и только ожидать результатов – тогда нечего терзаться, постоянно вновь обдумывая то, что уже совершено, и беспрестанно вспоминая о возможной опасности; теперь, напротив, надо считать дело вполне решенным, отказаться от всякого дальнейшего его обсуждения и спокойно довольствоваться убеждением, что мы все в свое время зрело взвесили» [1, с. 223].

Правильному отношению к жизненным неудачам посвящен следующий принцип: «При несчастном событии, которое уже наступило и не может более измениться, не следует даже допускать мысли о том, что дело могло бы сложиться иначе, а еще менее – о том, каким образом несчастье можно было бы предотвратить, ибо именно эта мысль и делает горе нестерпимым... <...> ...Как это по большей части бывает, виновна... наша собственная небрежность или дерзость, то постоянная, мучительная дума о том, каким образом можно было бы избежать несчастья, является благодетельным самонаказанием...» [1, с. 224–225]. Необходимо обязательно извлечь урок на будущее: «...при явно совершенных ошибках мы не должны, как это обыкновенно делают, стараться оправдать, приукрасить или умалить их перед самими собой, а должны признаться в них и ясно представить их себе во всем их объеме, чтобы можно было принять твердое намерение избегать их в будущем» [1, с. 225].

Философ переходит к рассуждению о позиции человека в разных жизненных ситуациях, отчасти повторяя высказанные им ранее мысли: «Мы должны *налагать узду на свое воображение* во всем, что касается нашего блага или горя. ...Прежде всего не надо строить никаких воздушных замков... Но еще более надо остерегаться тревожить свое сердце картинами только возможных несчастий» [1, с. 225]; «Ко всему неприятному нужно... относиться крайне прозаически и трезво, чтобы мы в состоянии были возможно легче его перенести» [1, с. 230]; «При взгляде на то, что не наше, в нас очень легко возникает мысль: “А что, если бы это было моим?” – и мысль эта заставляет нас чувствовать известное лишение. Вместо того мы чаще должны бы спрашивать: “А что, если бы это не было моим?” – я хочу сказать, что мы должны стараться по временам так смотреть на то, чем владеем, как если бы мы вспоминали о нем уже после его утраты» [1, с. 230–231]; «...большей частью потеря впервые открывает нам ценность вещей. При рекомендуемой же точке зрения на них, во-первых, обладание ими непосредственно станет для нас дороже, чем прежде, а во-вторых, мы всячески постараемся сохранить их за собой...» [1, с. 231]; «Хорошо

даже представлять себе иногда большие несчастья, какие могут нас случайно постигнуть, именно чтобы легче переносить действительно постигающие нас потом гораздо меньшие беды: мы находим утешение в мысли о худшем, которого не случилось» [1, с. 231–232]; «...когда мы что-нибудь предпринимаем, нам надлежит отвлечься от всего остального... Этим устраняется возможность того, чтобы какая-нибудь тягостная забота отравляла всякое маленькое наслаждение в настоящем и лишала нас всякого покоя...» [1, с. 232]; «Конечно, для того чтобы таким образом себя направлять и сдерживать, нужно, как и для многого другого, самопринуждение... <...> Ничто в такой мере не избавляет нас от внешнего принуждения, как самопринуждение. Это выражено в изречении Сенеки: “Si tibi vis omnia subjicere, te subjice rationi” (если хочешь взять власть над всем, отдай власть над собою разуму. – А. Р.)» [1, с. 233]; «Ставить предел своим желаниям, держать в узде свои страсти... словом, *arcschein cai aneschein* (воздерживаться и терпеть. – А. Р.) – вот правило, без соблюдения которого ни богатство, ни власть не помешают нам чувствовать себя жалкими» [1, с. 234]; «“O bios en te cinesei esti” (жизнь состоит в движении. – А. Р.) – с несомненным правом замечает Аристотель; и как сообразно с этим наша физическая жизнь заключается лишь в непрестанном движении... точно так же и для нашей внутренней, духовной жизни требуется постоянная работа, какое-нибудь занятие в виде действия или мысли...» [1, с. 234]; «Делать усилия и бороться с препятствиями являются для человека такой же потребностью, как для крота рыть землю. Бездействие, порожденное абсолютным довольством длительного наслаждения, было бы ему невыносимо» [1, с. 236]; «Путеводной звездой своих стремлений надо избирать не образцы фантазии, а отчетливо осознанные понятия. В большинстве случаев, однако, происходит обратное... Для наших решений окончательное значение имеют... не понятия и суждения, а воображение, которое рисует и отстаивает перед нами одну из альтернатив. <...> ...Стоит нам только добраться до них, как они исчезают бесследно, и мы узнаем, что не получим от них решительно ничего из ими обещанного. Таковы отдельные сцены семейной, гражданской, общественной, деревенской жизни, мечты о жилище, обстановке, знаках отличия, выражениях почета... сюда же часто принадлежит и образ милой» [1, с. 237–238].

А. Шопенгауэр завершает свои наблюдения общим выводом: «...человек всегда должен сохранять власть вообще над всеми впечатлениями от наличных и наглядных предметов. <...> Где же мы не в силах совершенно преодолеть его (впечатление. – А. Р.) с помощью одних мыслей, там самое лучшее – парализовать данное впечатление противоположным, например, впечатление обиды – общением с лицами, которые относятся к нам с большим уважением, впечатление угрожающей опасности – реаль-

ным созерцанием того, что ей противодействует» [1, с. 238–240].

Немецкий философ начинает рассуждение о поведении человека относительно других с общего положения: «Чтобы пройти свой путь в мире, полезно взять с собой большой запас *предусмотрительности* и *снисходительности*: первая предохранит нас от убытков и потерь, вторая – от споров и ссор» [1, с. 245]. Мысль развивается следующим образом: «...мы, если желаем жить с людьми, должны каждого принимать и признавать с данной его индивидуальностью, какова бы она ни оказалась, и вправе заботиться лишь о том, чтобы извлечь из нее пользу, какую она может дать по своему характеру и свойствам; но нам не подобает ни надеяться на ее изменение, ни осуждать ее... Таков истинный смысл выражения “жить и давать жить другим”» [1, с. 246]. А. Шопенгауэр приходит к выводу: «Изменить я его не изменю, постараюсь поэтому его использовать» [1, с. 247]. Раскрытию содержания данного тезиса посвящены следующие высказывания: «...каждый может иметь для другого лишь такое значение, какое тот имеет для него» [1, с. 248]; «Никто не может видеть *выше* себя. Этим я хочу сказать: всякий усматривает в другом лишь то, что содержится и в нем самом, ибо он может постичь и понимать его лишь в меру своего собственного интеллекта» [1, с. 251].

Мыслитель дает оригинальную характеристику неободряемого им поведения других людей. Он указывает: «Тот человек, один избранник из сотни, снискивает себе мое уважение, который, когда ему приходится чего-нибудь ждать, то есть сидеть без дела, не принимается немедленно отбивать или выстукивать такт всем, что только ему попадается в руки... Он, вероятно, о чем-нибудь думает. По многим же людям можно наблюдать, что у них зрение вполне заступило место мышления: они стараются возбудить в себе сознание своего бытия с помощью стука...» [1, с. 253].

Отношения с другими людьми описываются А. Шопенгауэром на примере уважения и любви: «*Ларошфуко* верно заметил, что трудно чувствовать к кому-нибудь одновременно и глубокое уважение, и большую любовь. Нам остается поэтому выбор: добиваться от людей любви или уважения» [1, с. 253]. Особенности данных чувств он раскрывает следующим образом: «Любовь... всегда своекорыстна, хотя и на крайне различные лады. К тому же то, чем она приобретает, не всегда бывает таково, чтобы это льстило нашей гордости. Нас любят главным образом в зависимости от того, насколько низко стоят наши претензии к уму и сердцу других, притом эти малые требования должны быть серьезны и непритворны, а также не должны зависеть просто от той снисходительности, которая имеет свой корень в презрении. <...> С уважением же людей дело обстоит наоборот: его приходится вынуждать у них против их собственного желания; именно потому они его большей частью и скрывают.

Вот почему оно дает нам в глубине души гораздо большее удовлетворение: оно стоит в связи с нашей ценностью, чего нельзя сказать непосредственно о людской любви, ибо последняя субъективна, тогда как уважение объективно. Но выгоднее для нас, без сомнения, любовь» [1, с. 253–254].

Философ анализирует, как отдельные качества человека сказываются на его поведении и отношении к другим людям. Так, он рассуждает о чрезмерной ориентации человека на самого себя, через призму которой воспринимается все происходящее вокруг: «Большинство людей настолько субъективны, что, в сущности, их ничто не интересует, кроме... их самих. Отсюда и происходит, что, о чем бы вы ни говорили, они тотчас думают о себе и всякое случайное, хотя бы самое отдаленное отношение к чему-нибудь касающемуся их личности привлекает к себе... все их внимание, так что они становятся уже не способны понимать объективное содержание речи; равным образом никакие доводы не имеют для них значения, коль скоро доводы эти идут вразрез с их интересами или с их тщеславием» [1, с. 254–255]. В этой связи А. Шопенгауэр дает совет, как воспринимать неодобрительное отношение к себе: «При всяком вздоре, который, будучи сказан на публичном собрании либо в обществе или написан в литературном произведении, находит себе благосклонный прием или, во всяком случае, не встречает опровержения, не следует впадать в отчаяние и думать, будто так останется и впредь. Надо знать и утешаться мыслью, что потом и постепенно дело будет разобрано, освящено, обдуманно, взвешено, обсуждено и по большей части в заключение получит себе правильную оценку...» [1, с. 256–257].

Следующий совет связан с переоценкой личностной значимости и излишней претенциозностью: «Люди уподобляются детям в том отношении, что, если им спускать, они становятся непослушными, поэтому ни для кого не надо быть слишком уступчивым и ласковым. <...> В особенности же люди не могут выдержать мысли, что в них нуждаются: ее неразлучными спутниками бывают высокомерие и претенциозность. <...> *Превосходство* над окружающими приобретается исключительно тем, что мы ни в какой форме и ни в каком отношении не нуждаемся в других и показываем им это» [1, с. 257–258]. Об особой роли собственного жизненного опыта в оценке людей мыслитель говорит так: «То обстоятельство, что люди с более благородными задатками и высшими дарованиями так часто, особенно в юности, обнаруживают поразительное отсутствие знания людей и практического ума и потому легко попадают в обман или делают иные промахи, тогда как низменные натуры могут ориентироваться на свете гораздо быстрее и лучше... объясняется тем, что при недостатке опыта приходится судить а priori и что вообще никакой опыт не может в этом отношении соответствовать а priori. Ну а это а priori людям обыкновенного

пошиба дает критерий в собственном “Я”, людям же благородным и даровитым – нет... <...>

Однако и такой человек может а posteriori, то есть из чужих наставлений и собственного опыта, увидеть наконец, чего надо ждать от людей в их целом...» [1, с. 259–260]. В итоге А. Шопенгауэр делает вывод: «Прощать и забывать – значит бросать за окно приобретенный драгоценный опыт» [1, с. 263].

Тезисы одного из принципов философа касаются значимости правил. В первом утверждении констатируется их жизненная необходимость: «Нет такого характера, который мог бы обходиться собственными силами и быть всецело предоставлен самому себе: каждый нуждается в руководстве со стороны понятий и максим» [1, с. 266]. Второй тезис связан с путями вхождения правил в практику жизни: «...понять правило – одно, научиться применять его – другое. Первое достигается разумом и сразу, второе – упражнением и постепенно» [1, с. 267]. Третья мысль является предостережением от притворства: «Оно (притворство. – А. Р.) всегда возбуждает презрение: во-первых, как обман, который как таковой малодушен, ибо основан на страхе; во-вторых, как обвинительный приговор себе самому от себя самого...» [1, с. 268–269].

А. Шопенгауэр фиксирует внимание на отсутствии у людей должной самокритичности и предпочтительности познания своих ошибок. Его совет заключается в том, что «для познания собственных ошибок очень подходящим средством служит их наблюдение и порицание в других» [1, с. 270–271].

В очередном жизненном правиле он противопоставляет идеалистическим взглядам на отношения, в которых оцениваются личные качества, реальность жизни: «...на всякого смотрят сообразно его должности, занятию, национальности, семье, то есть вообще сообразно положению и роли, отведенным ему условностью; в зависимости от последней получает он себе место и шаблонное обращение. Что же представляет он сам по себе и для себя, то есть как человек, в силу своих личных свойств... спрашивают, лишь когда заблагорассудится и потому лишь в виде исключения...» [1, с. 271–272]. Во многом именно по этой причине «...вместо истинного уважения и истинной дружбы на свете циркулируют их внешние проявления... <...>

Истинная, подлинная дружба предполагает сильное, чисто объективное и вполне бескорыстное участие в радости и горе другого человека, а это участие, в свой черед, предполагает действительное отождествление себя с другом. Это настолько идет вразрез с эгоизмом человеческой природы, что истинная дружба принадлежит к вещам, относительно которых, как об исполинских морских змеях, остается неизвестным, принадлежат ли они к области басен или действительно где-нибудь существуют» [1, с. 272–273].

Также философ говорит о наивности человека, который «...мнит, будто обнаруживать талант и ум – это средство снискать себе любовь в обществе! Напротив,

в неисчислимо огромнейшем большинстве людей они возбуждают ненависть и злобу...» [1, с. 275]. Объяснение заключается в том, что «проявлять ум и понимание – это лишь косвенный способ ставить всем другим в упрек их неспособность и тупоумие» [1, с. 276].

В следующем принципе мыслитель подчеркивает не всегда оправданное доверие к людям и его причины: «В нашем доверии к другим очень часто огромную роль играют лень, себялюбие и тщеславие: лень, когда мы, вместо того чтобы самим исследовать, наблюдать, действовать, предпочитаем довериться другому; себялюбие, когда мы открываем другому что-нибудь под влиянием потребности говорить о своих делах; тщеславие, когда дело касается того, чем нам приятно похвалиться. Тем не менее мы требуем, чтобы доверие наше ценилось» [1, с. 278–279]. Недоверие к человеку не должно его раздражать по той причине, что «в нем содержится комплимент честности, именно искреннее признание ее великой редкости, благодаря чему она принадлежит к вещам, в существовании которых сомневаются» [1, с. 279].

Кроме того, А. Шопенгауэр поднимает тему вежливости, толкуя данное понятие как «молчаливое соглашение взаимно игнорировать слабые моральные и интеллектуальные свойства друг друга» [1, с. 279]. Особенности проявления вежливости описываются следующим образом: «Вежливость – это ум; невежливость, следовательно, глупость: без нужды и добровольно наживать себе с ее помощью врагов – безумие... Ибо вежливость, как расчетное средство, явно фальшивая монета: быть скупым на нее – значит не иметь ума... <...>

Вежливость, конечно, является трудной задачей, поскольку она требует, чтобы мы перед всеми людьми обнаруживали величайшее уважение, хотя большинство их не заслуживают никакого... Совместить вежливость с гордостью – великое искусство.

<...> Мы должны бы скорее постоянно помнить, что обычная вежливость – это просто улыбающаяся маска...» [1, с. 279–281].

Следующий принцип поведения постулируется немецким философом так: необходимо поступать сообразно своему характеру, обязательно подумав перед этим. Он замечает: «В своем образе действий не надо брать примером никого другого, так как положение, обстоятельства, отношения никогда не бывают одинаковы и так как разница в характере накладывает также особый отпечаток на поведение...» [1, с. 281–282].

Приведем некоторые принципы, касающиеся отношения человека к себе и способов представления себя другим людям: «...мы должны оставаться чуждыми для наших добрых знакомых за пределами того, что они видят собственными глазами» [1, с. 284]; «Вообще благоразумнее обнаруживать свой здравый смысл в том, о чем мы умалчиваем, нежели в том, что мы говорим. Первое есть дело ума, последнее – тщеславия» [1, с. 284]; «Даже при самом

бесспорном праве на это не поддавайся соблазну самовосхваления. Ибо... нашими устами говорит тщеславие, которому недостает ума понять, насколько это смешно» [1, с. 283]; «Никакие деньги не бывают помещены выгоднее, чем те, которые мы позволили отнять у себя обманым путем, ибо за них мы непосредственно приобретаем благоразумие» [1, с. 287].

Взаимоотношениям людей посвящены следующие принципы: «Надо, если возможно, ни к кому не питать неприязни, но хорошенько подмечать и держать в памяти деяния каждого человека, чтобы по ним установить его ценность, по крайней мере, для нас и сообразно тому регулировать наше по отношению к нему поведение, постоянно сохраняя убеждение в неизменяемости характера; забыть дурную черту в человеке – это все равно что бросить с трудом добытые деньги. А это правило ограждает нас от глупой доверчивости и глупой дружбы» [1, с. 287]; «“Ни любить, ни ненавидеть” – в этом половина всей житейской мудрости; “ничего не говорить и ничему не доверять” – другая ее половина» [1, с. 287]; «Не оспаривай ничьих мнений, помни, что если бы мы захотели разубедить кого-либо во всех нелепостях, в какие он верит, то можно было бы дожить до Мафусаиловых лет, не покончив с этим» [1, с. 282]; «Надо также воздерживаться в разговоре от всех, хотя бы самых доброжелательных поправок, ибо людей задеть легко, исправить же трудно, если не невозможно» [1, с. 282]; «Подозревая, что кто-нибудь лжет, притворимся, будто мы верим ему; тогда он становится наглым, лжет еще больше, и маска спадает. Если мы, напротив, замечаем, что в чьих-нибудь словах отчасти проскальзывает истина, которую собеседник хотел бы скрыть, надо притвориться недоверчивым, чтобы, спровоцированный противоречием, он пустил в ход арьергард – всю истину целиком» [1, с. 283–284].

В заключении рассмотрения принципов о поведении по отношению к другим людям А. Шопенгауэр дает несколько советов, касающихся манеры общения с ними: «Кому желательно, чтобы мнение его было встречено с доверием, тот пусть высказывает его хладнокровно и без страстности.

<...> Ибо тщеславие – вещь настолько обычная, а заслуга – настолько необычная, что всякий раз, как мы, на взгляд других, хвалим себя, хотя бы и окольным путем, каждый готов поставить сто против одного, что нашими устами говорит тщеславие, которому недостает ума понять, насколько это смешно» [1, с. 282–283]; «Выражать свой гнев или ненависть словами либо выражением лица бесполезно, опасно, неумно, смешно, пошло. Не надо, следовательно, никогда показывать своего гнева либо ненависти иначе как на деле» [1, с. 287–288]; «Parler sans accent (говорить без ударения. – А. Р.) – это старое правило светских людей, рассчитанное на то, чтобы предоставлять уму других разбираться в том, что мы сказали; он работает медленно, и прежде чем

он справится с этим, нас уже нет. Напротив, *parler avec accent* (говорить с ударением. – А. Р.) – значит обращаться к чувству, а здесь все получается наоборот. Иным людям можно с вежливой миной и в дружеском тоне наговорить даже настоящих дерзостей, не подвергаясь... непосредственной опасности» [1, с. 288].

В конце главы «Паранезы и максимы» философ описывает принципы о поведении человека относительно миропорядка и судьбы. Общий тезис сформулирован следующим образом: «Какую бы форму ни принимала человеческая жизнь... в своих существенных чертах она всюду одинакова...» [1, с. 288].

Затем мыслитель переходит к рассуждению по поводу аспектов, которые определяют жизненный путь: «...наше житейское поприще... это продукт двух факторов, именно ряда событий и ряда наших решений, причем оба эти ряда постоянно друг с другом переплетаются и друг друга видоизменяют. <...> ...Все, что в наших силах, – это постоянно соотносить решения с наличными обстоятельствами в надежде, что они будут удачны и приблизят нас к главной цели. Таким образом, по большей части события и наши основные стремления можно сравнить с двумя в разные стороны направленными силами; возникающая отсюда диагональ и представляет собой наш житейский путь. <...> Жизнь – это как бы шахматная игра: мы составляем себе план, однако исполнение его остается зависимым от того, что благорассудится сделать в шахматной игре противнику, в жизни же судьбе» [1, с. 290–291].

Он обращается к объяснению глубинных источников хода человеческой жизни: «...в нашей житейской карьере содержится еще нечто такое, что не подходит ни под один из указанных элементов. <...> ...В главных шагах своей жизни мы руководствуемся не столько ясным пониманием того, что надо делать, сколько внутренним импульсом, можно сказать, инстинктом, который исходит из самой глубины нашего существа» [1, с. 292]. Также отмечается, что «...поступать по абстрактным принципам трудно и удается только после большого упражнения, да и то не всякий раз, к тому же они часто бывают недостаточны. Напротив, у каждого есть известные врожденные конкретные принципы... Большей частью он не знает их in abstracto и лишь при ретроспективном взгляде на свою жизнь замечает, что он постоянно их держался... Сообразно своим свойствам они направляют его к счастью или несчастью» [1, с. 293]. А. Шопенгауэр говорит о необходимости «...непрестанно держать в уме действие времени и превратность вещей и потому при всем, что имеет место в данную минуту, тотчас вызывать в воображении противоположное, то есть в счастье живо представлять себе несчастье, в дружбе – вражду, в хорошую погоду – ненастье, в любви – ненависть, в доверии и открытости – измену и раскаяние, а также и наоборот. Это служило бы для нас постоянным источником истинной житейской мудрости, так как мы всегда оста-

вались бы осторожными и не так легко попадали бы в обман» [1, с. 294].

Автор выделяет две возможные жизненные позиции, проводя различие между «дюжинными и способными головами», которое «заключается в том, что первые при обсуждении и оценке возможных опасностей всегда желают знать и принимают во внимание лишь *прежние случаи* подобного рода, последние же сами соображают, какие *случаи* в будущем *возможны*» [1, с. 297]. В результате он приходит к описанию третьего возможного отношения к жизни: «Наша же максима пусть будет такова: приноси жертвы злым демонам! Это значит, что не следует отступать перед известной затратой труда, времени, неудобств, обходов, денег и лишений, чтобы закрыть доступ для возможности какого-нибудь несчастья; и чем больше последнее, тем меньше, отдаленнее, невероятнее может быть эта возможность, которую следует исключить» [1, с. 297–298].

Важно отметить, что философ предостерегает людей от излишней эмоциональности при восприятии и оценке происходящего. Он подчеркивает, что «ни при каком происшествии не подобает предаваться большому ликованию или большому унынию... ввиду изменчивости всех вещей, которая каждое мгновение может все повернуть в другую сторону, частью ввиду обманчивости нашего суждения о том, что нам полезно или вредно» [1, с. 298] и советует «выработать в себе такую осторожность в предвидении и предотвращении несчастий... чтобы, подобно умной лисе, тихонько уклоняться от всякой большой и маленькой неудачи» [1, с. 299–300], а «относительно мелких неприятностей, ежечасно нас терзающих, можно думать, что они назначены как материал для нашего упражнения» [1, с. 301].

Глава «Паранезы и максимы» завершается следующими принципами: «А что люди обыкновенно называют судьбой, это большей частью просто их собственные глупые выходки» [1, с. 302]; «...наряду с благоразумием очень существенную роль для нашего счастья играет и мужество» [1, с. 303]. Они сопровождаются оговоркой: «Но и здесь все-таки возможен эксцесс, ибо мужество может вырождаться в дерзость. Для нашей устойчивости на свете необходима даже известная доля боязливости; малодушие – это лишь ее чрезмерная степень» [1, с. 304].

Таким образом, в работе «Афоризмы житейской мудрости» А. Шопенгауэр, вопреки метафизико-этической точке зрения, рассматривает житейскую мудрость в качестве искусства провести жизнь как можно приятнее и счастливее. В связи с этим изложенные рассуждения являются для него своеобразным жизнеутверждающим компромиссом. Мыслитель исходит из того, что самое важное условие для счастья – это то, что есть человек, какова его личность. Достижению счастья препятствуют два фактора – боль и скука. Первый фактор связан с состоянием здоровья, второй фактор – с внутренней пустотой.

По мнению философа, преодоление такой пустоты заключается в формировании и удовлетворении духовных потребностей, к которым относятся созерцание, размышление, чувствование, учение, чтение, изобретение, философствование, занятие поэзией,

изобразительным искусством, музыкой и т. д. Человек, который следует таким путем, живет жизнью, проникнутой смыслом. Практические советы по достижению счастья даются А. Шопенгауэром в главе «Паранезы и максимы».

Библиографические ссылки

1. Шопенгауэр А. *Афоризмы житейской мудрости*. Айхенвальд ЮИ, переводчик. Москва: Рипол классик; 2016. 368 с. (PRO власть).
2. Шопенгауэр А. *Собрание сочинений. Том 1, Мир как воля и представление*. Чанышева АА, составитель; Айхенвальд ЮИ, переводчик. Москва: Московский клуб; 1992. 395 с.

Статья поступила в редколлегию 14.12.2024.
Received by editorial board 14.12.2024.

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ МЕТАФИЗИКИ

А. В. БАРКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Определено, что понятие «метафизика» имеет ряд исторических интерпретаций в европейской философии, что вызвало интерес к рассмотрению данного феномена в восточном этнокультурном пространстве. Осуществлена попытка выявить предпочтения и специфику метафизических концепций культур Греции, Китая, Индии и России. Выяснено, что категориальный аппарат метафизику характеризуется как кросс-культурной универсальностью, так и чертами, свойственными только конкретному этносу.

Ключевые слова: метафизика; мудрость; абсолют; Бог; брахман; атман; шуньята; дао; культура.

CROSS-CULTURAL CONTEXTS OF METAPHYSICS

A. V. BARKOVSKAJA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. It is determined that the concept «metaphysics» has a number of historical interpretations in European philosophy which caused interest in the consideration of this phenomenon in the Eastern ethno-cultural space. An attempt to identify the preferences and specificity of metaphysical concepts of the cultures of Greece, China, India and Russia has been made. It was found out that the categorical apparatus of metaphysics is characterised by both cross-cultural universality and features peculiar only to a particular ethnos.

Keywords: metaphysics; wisdom; absolute; God; brahman; atman; shunyata; tao; culture.

Введение

Дискуссии об исчерпанности ресурсов метафизику, их неадекватности эмпирическим данным в силу привилегированного статуса теоретического разума в классический период, формах репрезентации метафизику в постклассическую эпоху и позициях ее критиков свидетельствуют об актуальности данной темы. Активное обсуждение содержания метафизику дает ей возможность быть востребованной в решении проблем современности. Любые ответы на фундаментальные вопросы бытия обнаруживают метафизическое присутствие данных вопросов в философском

дискурсе, так как «...мы всегда живем внутри метафизику, осознаем мы это или нет. Если мы говорим, что избегаем метафизику, на самом деле мы лишь соглашаемся на случайный метафизический бэкграунд, доставшийся нам от предыдущих поколений»¹. В этом контексте возникает сомнение в возможности устранения метафизических следов из постсовременности. Позитивная сторона критики заключается в том, что чем ее больше, тем длиннее «жизнь» самой метафизику. Любая концептуальная инверсия данного феномена не позволяет забывать о нем.

¹Харман Г. Мы живем внутри метафизику // Нож : электрон. журн. 2016. 18 апр. URL: <https://knife.media/graham-harman/?ysclid=m5хpqibght796297545> (дата обращения: 24.10.2024).

Образец цитирования:

Барковская А. В. Кросс-культурные контексты метафизику. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2025;1:16–19.
EDN: ULUVEL

For citation:

Barkovskaja A. V. Cross-cultural contexts of metaphysics. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2025;1:16–19. Russian.
EDN: ULUVEL

Автор:

Алла Викторовна Барковская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Alla V. Barkovskaja, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
barkovskaja2@gmail.com

Основная часть

Понятие «метафизика» закрепилось как синоним термина «первая философия» (*prima philosophia*) и маркер классической философской традиции. Аристотель по праву считал метафизику учением о божественном, а про олицетворяющего ее мудреца говорил следующее: «...насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. ...Способен познать трудное и нелегко постижимое для человека... Более точен и более способен научить выявлению причин...» [1, с. 68]. В рамках данного учения рассматривались умопостигаемые и неизменные начала всего сущего, что впоследствии легло в основу всех наук. Таким образом, поскольку центральная проблема метафизики связана с фундаментальной структурой реальности как целого, в интеллектуальном пространстве XXI в. фигурирует мнение о том, что она носит междисциплинарный характер и, в силу своей универсальности, является необходимым фоном для любой практической дисциплины [2].

Кроме того, «первая философия» относится к ряду чистых наук, что указывает на самодостаточность предмета ее изучения. Соответственно, мудреца интересует бестелесная, не воспринимаемая чувствами сущность, ввиду того что любовь к мудрости заложена в разуме человека. Следует отметить, что мудрость, к которой устремляется разум, представляет собой «беспредпосылочное знание, знание вечных вещей, умозрительное знание причины существующего» [3, с. 620], но для его получения «нужно отвлечься всей душой ото всего становящегося» [4, с. 299]. На указанных положениях строилась античная традиция, опиравшаяся на интеллектуальное созерцание, целью которого являлось умозрительное постижение принципов и законов, способных управлять мирозданием на сверхчувственном уровне. Прерогативой метафизики стала сфера интеллектуального, средством выражения которой выступал интеллектуальный конструктивизм в форме рационального подхода Платона. В диалоге «Тимей» Платон повествует о демиурге, формирующем космос в соответствии с идеальным образцом, благодаря которому с помощью мысленной конструкции можно понять строение природы, достигнув ее рациональной познаваемости [5, с. 16–17]. В метафизическом смысле интеллектуальный конструктивизм являлся гарантом экспликации подлежащего, т. е. того, что представляет собой неизменную основу всего сущего и делает его самосущим. Э. Корет полагал, что «уже самим названием *метафизика* она обозначена как такая наука, которая не имеет дел с ограниченной, преданной опыту предметной сферой, она должна проникать через эмпирико-физическую данность к ее последним и запредельным основаниям» [6, с. 23].

В европейском сознании сформировался образ метафизики как систематической и достоверной теории, подходящей для любого типа знания, независимо от

его дисциплинарного статуса, поскольку в каждой сфере проявляются свойства целого. Иными словами, метафизика выступает всеобъемлющей и сверхопытной философской теорией, способной объяснить сущность целостного мира и содействующей достижению аутентичных знаний о нем. Представители разных стратегий постклассической философии подвергли классическую метафизику критике и ревизии за наукообразный характер, бинарность и догматизм ее положений, а главное, за то, что она претендовала на привилегированный доступ к реальности, колонизацию ее объектов и стремилась эксплицировать бесспорные истины о природе вещей, Бога и человека.

Следует обозначить, что метафизика – это заслуга не только европейской интеллектуальной традиции. О метафизичности философии восточных регионов свидетельствуют ортодоксальные и неортодоксальные даршаны индуизма, китайская школа даосизма и более поздняя русская философская традиция. В таком случае какова цель существования метафизики в этих культурах? Идентична ли она европейской? Может ли автохтонность культуры видоизменять облик метафизики и придавать ей национальные черты? Еще И. Кант говорил о том, что метафизическое познание необходимо идентифицировать по объекту, источнику и виду с целью «иметь возможность в точности определить то характерное, что отличает его от всякого другого познания и что, следовательно, составляет его особенность» [7, с. 15]. Последняя заключается в том, что источники метафизики, т. е. ее принципы и понятия, не могут быть получены эмпирическим путем [7, с. 15]. Метафизика «имеет дело собственно с априорными синтетическими положениями, и только они составляют ее цель» [7, с. 22].

Проясняя историко-культурную суть метафизики, распространенной за пределами европейских территорий, важно определить, есть ли в других языках аналоги этого понятия и насколько их смысл соответствует исходному концепту. Указанные задачи формулируются неслучайно, поскольку метафизику можно оценить с разных точек зрения (например, по европейским стандартам, с позиции «внеаходимости» М. Бахтина), чтобы как можно объективнее установить то общее и отличное, что, возможно, присутствует в их способах философствования, мыслительных процедурах и категориальных структурах. Главное, придерживаться толерантного отношения к иным культурным смыслам и практикам.

Рассмотрение взглядов китайских философов на основные темы европейской метафизики не принесло бы должных результатов, поскольку было бы упущено самое важное в кросс-культурном анализе – возникновение новых вопросов. В китайском языке нет термина, имеющего то же значение, что и понятие «метафизика». Оно было переведено с японского языка как выражение 形而上學 (*xíng ér shàng xué* «изучение того, что выше форм»), которое долгое время было

центральной категорией в китайской философии. Данное выражение было упомянуто в И Цзин: «То, что выше форм, относится к пути (道 (dào) – «дао»); то, что ниже форм, относится к орудиям (器 (qì) – «ци»)»² (перевод наш. – А. Б.).

В связи с неоднозначным толкованием изучаемого термина обстоятельный анализ произвел Р. Генон – один из наиболее влиятельных европейских философов. Он полагал, что метафизика изучает «все находящееся вне природы», а «поскольку нет лучшей замены этому термину», то необходимо пользоваться им, как и раньше [8, с. 198–199].

Что касается вопроса о метафизике в русском интеллектуальном пространстве, то он решился только в XVIII в. Метафизика не была отделена от физики и выступала в качестве служебной дисциплины. Тем не менее она оценивается как полифоничная: ее символы, аллегории и наглядные образы внедряются в категориальный аппарат в целях воздействия на читателя. В отношении формирования философской лексики отметим, что метафизика, «в силу абстрактности формулируемых ею проблем, тяготея к универсализации понятий, стремясь к выходу в некий внеисторический интеллектуальный космос» [9, с. 43]. Таким образом, если в русском языке физика – «естественница», то метафизика – «преестественница» [9, с. 44]. Последний термин демонстрирует сохранение изначального греческого смысла.

В результате понятие «метафизика» стало общепризнанным в западной и восточной культурах. Как утверждал Р. Генон, «чистая метафизика... не является ни восточной, ни западной, она универсальна», так как «существует общая основа, которая есть везде и всегда... причина этого проста и заключается в том, что истина едина» [8, с. 197]. Метафизика «должна быть самодостаточной, поскольку это единственный вид знания, который не может быть основан ни на чем ином, кроме самого себя»; она «является знанием универсальных принципов, из которых выводятся все остальные» [10, с. 112]. С данными утверждениями нельзя не согласиться, поскольку в историко-культурных типах метафизики так или иначе есть своя сфера трансценденции, абсолюта, субстанции и другие отличительные атрибуты, которые делают ее общекультурным феноменом. В то же время именно эти концепты идентифицируют метафизические системы в качестве западных или восточных. Метафизический дискурс трансформируется в зависимости от тематизации проблемного поля в том или ином культурном пространстве, что придает функционирующим в нем метафизическим концептам уникальный характер. Данные положения подтверждаются словами Г. Г. Шпета: «...философия приобретает национальный характер не в ответах... а в самой постановке вопросов...» [11, с. 12].

Проиллюстрируем региональные особенности метафизических основ на конкретных примерах.

Так, для древних греков космос – это пронизанное гармонией, симметрией и ритмом произведение искусства, в котором полисная жизнь ориентирована на авторитет закона, а не на традиции. Для китайцев поклонение Небу как надличностному принципу мирового порядка, всеобщей необходимости и судьбе стало гарантом стабильности и порядка в их жизни, именно Небо обеспечивает соблюдение ритуальных практик. В философской традиции Индии сквозной темой являлось достижение состояния мокши, связанного с освобождением души от любых мирских привязанностей и страданий. Русская же культура сосредоточила внимание на поиске пути России, правды и смысла жизни, а также на осмыслении идей свободы, необходимости, всеединства и соборности, проблем антропологии, эсхатологии и т. д.

Исключительность региональных форм метафизики выражается и на уровне общих концептов, репрезентирующих область трансцендентного (например, понятия «брахман», «атман», «пуруша», «дао», «шуньята» и «Бог»). Их наличие обусловлено необходимостью подняться над феноменальным бытием с целью постичь каждую вещь в ее истинном значении. Такое знание, в отличие от рационального человеческого знания, является единственно истинным, абсолютным, бесконечным и высшим.

В индийской традиции Веда рассматриваются как трансцендентное и сакральное знание, а главным принципом выступает вера в верховную сущность [12]. Как отмечено в Брихадараньяка-упанишаде, высший принцип не подлежит определению: он не является тенью, светом, воздухом, пространством; у него нет привязанностей, вкуса, запаха, глаз, ушей, голоса, ума, блеска, дыхания, рта, меры; он не имеет ничего ни внутри, ни снаружи. В онтологическом дискурсе выделяют бытие как присутствие и бытие как становление, субстрат и атрибут, субстанцию и движение, время и место, что указывает на сходство категориальных структур, репрезентирующих реальность, несмотря на цели онтологий, которые выстраиваются в разных метафизиках. По Юнгу, восточная метафизика, в отличие от европейской метафизики, является скорее символической психологией. Практическая направленность буддийской психологии выражалась в том, что ее понятийный аппарат описывал всю картину мира, которая моделировала прежде всего реально воспроизводимый психокосмос.

Источником метафизической традиции для китайской философии выступает И Цзин. В Дао Дэ Цзин сказано, что только безымянное дао есть начало неба и земли, оно вечно. До появления неба и земли существовали небытие и хаос, и только имя привело к бытию и космосу. Принцип дао – это ключ к овладению вещами. Для «десяти тысяч вещей» трудно найти общее начало, они не существуют по законам единообразно управляемого мира. Существование понимается как циклический процесс, символом

²Metaphysics in Chinese philosophy // Stanford encyclopedia of philosophy : electron. enycl. / ed.: E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2023/entries/chinese-metaphysics> (date of access: 24.10.2024).

которого становится круг без начала и конца. Колесо представляет собой образ мира, движущегося во времени, образ бытия, которое находится в беспрестанном круговращении. Такую же смысловую основу имеет буддийский образ колеса сансары.

Русской метафизике также свойственна своя интерпретация абсолюта. Она заключается в том, что Бог, будучи творящим началом, задает сферу трансценденции по отношению к своему творению. В европейской философии Бог представляет собой сверхбытие. В то же время русский философ В. С. Соловьев определял Бога как сверхсущее, поскольку бытие рассматривалось им в качестве предиката Бога как

подлинного основания бытия. Тем самым устанавливается различие между бытием и сущим. Сущее понимается как сила бытия, оно едино и одновременно множественно, непознаваемо, но познаваемо в качестве источника бытия. Таким образом, бытие выступает иным сущего, включающего в себя бытие как свою противоположность [13, с. 79–80]. В. С. Соловьев указывал, что «...мы различаем всякий предмет как *сущий*, как *мыслимый* и как *действующий*. ...Мыслимость же предмета, очевидно, принадлежит философскому умозрению, а его обнаружение или внешняя феноменальная действительность подлечит исследованию опытной науки» [14, с. 472].

Заключение

Вопрос о статусе метафизики и ее функциях в разных философских традициях требует скрупулезного методического анализа. Однако историко-философская реконструкция, представленная в настоящем исследовании, позволила выявить как кросс-культурную универсальность метафизики, так и ее черты, свойственные только конкретной нации.

Культурные традиции и способы философской рефлексии не могут не сказаться на характере метафизических учений, однако современность вносит свои коррективы. Глобализация делает их открытыми друг для друга и в определенной степени даже комплементарными. Так, в дискурсивное пространство современного Китая под влиянием урбанизации и вестернизации внедрились темы телесности, гендерных отношений, мужской объективизации и социального положения женщины в условиях строгой конфуцианской регламентации. Проводником этих

идей стала китайская литература (например, писатели Пань Сяопин и Сюй Кунь). Следует отметить, что воздействие древних ценностей на современное индийское общество и сохранение стереотипов, влияющих на политические события и межкультурные отношения, рассматривались индийским автором Шаши Тхарур при апелляции к тексту Махабхараты.

Темы, которые сегодня поднимают ученые, философы, писатели и пользователи интернета, объединившего в одну систему текст, изображение и звук, создают новое пространство интеллектуальной мысли, в которое успешно встроилась метафизика. Вопросы о реальности снова стали метафизическими, а культурные различия находятся между дивергенцией и конвергенцией. Можно сделать вывод о том, что в активно развивающихся культурах философские изыскания выступают реальным кросс-культурным полилогом, в котором есть место своему и чужому.

Библиографические ссылки

1. Аристотель. *Сочинения. Том 1*. Асмус ВФ, редактор. Москва: Мысль; 1976. Метафизика; с. 65–369.
2. Lowe EJ. *A survey of metaphysics*. Oxford: Oxford University Press; 2002. 402 с.
3. Платон. *Собрание сочинений. Том 4*. Лосев АФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы; Егунов АН, Кондратьев СП, Шейнман-Топштейн СЯ и др., переводчики. Москва: Мысль; 1994. Определения; с. 615–624.
4. Платон. *Собрание сочинений. Том 3*. Лосев АФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы; Аверинцев СС, Егунов АН, Самсонов НВ, переводчики. Москва: Мысль; 1994. Государство; с. 79–420.
5. Гайденок ПП, Петров ВВ. *Философия природы в Античности и в Средние века*. Москва: Прогресс-традиция; 2000. 608 с.
6. Корет Э. *Основы метафизики*. Терлецкий В, переводчик. Киев: Тандем; 1997. 246 с.
7. Кант И. *Основы метафизики нравственности*. Асмус ВФ, Гулыга АВ, Ойзерман ТИ, редакторы. Москва: Мысль; 1999. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука; с. 3–146.
8. Генон Р. Восточная метафизика. *Волшебная гора*. 1995;3:197–207.
9. Артемьева ТВ. Философский язык в России XVIII века: между физикой и метафизикой. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2002;2(2):36–45.
10. Генон Р. *Очерки о традиции и метафизике*. Быстров ВЮ, переводчик. Санкт-Петербург: Азбука; 2000. 320 с.
11. Шпет ГГ. *Сочинения*. Антонова ЕВ, редактор. Москва: Правда; 1989. Очерк развития русской философии; с. 11–342.
12. Радхакришнана С. Гуманистическая система «вечной религии». В: Литман АД. *Современная индийская философия*. Москва: Мысль; 1985. с. 267–282.
13. Соловьев ВС. *Сочинения. Том 2*. Россина НВ, редактор; Котрелев НВ, Рашковский ЕБ, составители. Москва: Правда; 1989. Чтения о Богочеловечестве; с. 5–172.
14. Соловьев ВС. Критика отвлеченных начал. В: Богатов ВВ, Мамедов ШФ, редакторы и составители. *Антология мировой философии. Том 4, Философская и социологическая мысль народов СССР XIX в.* Москва: Мысль; 1972. с. 471–472.

УДК 141:316.42

СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Д. А. МОЗАЛЕВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлена сетевая модель социальной организации, состоящая из структурного, коммуникативного и технологического уровней. С опорой на данную модель рассмотрена специфика политической коммуникации. При анализе структурного уровня выявлено развитие сетевых политических организаций, характеризующихся децентрализованностью управления, наличием нескольких лидеров, адаптивностью, открытостью и самовоспроизводимостью. С точки зрения коммуникативного уровня установлено распространение сетевых форм коммуникации и государственного управления, предполагающих добровольность включения акторов, их автономность, взаимозависимость и заинтересованность. Указано, что с позиции технологического уровня наблюдается цифровая сетевизация политических процессов. Отмечено, что использование сетевых средств связи обеспечивает возможность хранения больших данных, а также доступность, интерактивность и непрерывность коммуникации независимо от статуса участников и их территориального размещения. Определены разновидности сетевого политического взаимодействия и стратегии формирования электронного правительства в Беларуси и за ее пределами.

Ключевые слова: сетевая модель; политическая сеть; сетевое управление; цифровая сетевизация; электронное правительство.

Образец цитирования:

Мозалевская ДА. Сетевая модель социальной организации и ее применение в исследовании политических процессов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;1:20–25.
EDN: VKEBDC

For citation:

Mozalevskaya DA. The network model of social organisation and its application in the study of political processes. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;1:20–25. Russian.
EDN: VKEBDC

Автор:

Даниэла Андреевна Мозалевская – преподаватель кафедры философии факультета компьютерных систем и сетей.

Author:

Daniela A. Mozalevskaya, lecturer at the department of philosophy, faculty of computer systems and networks.
daniela_mozalevskaya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0896-597X>

THE NETWORK MODEL OF SOCIAL ORGANISATION AND ITS APPLICATION IN THE STUDY OF POLITICAL PROCESSES

D. A. MOZALEVSKAYA^a

^aBelarusian State University of Informatics and Radioelectronics,
6 P. Browki Street, Minsk 220013, Belarus

Abstract. The network model of social organisation, consisting of structural, communicative and technological levels, is presented. Based on this model, the specifics of political communication are considered. The analysis of the structural level reveals the development of network political organisations, characterised by decentralised management, the presence of several leaders, adaptability, openness and self-reproduction. From the point of view of the communicative level, the spread of network forms of communication and public administration, involving voluntary inclusion of actors, their autonomy, interdependence and interest, has been established. It is indicated that from the position of the technological level there is a digital networkisation of political processes. It is noted that the use of network means of communication provides the possibility of storing big data, as well as accessibility, interactivity and continuity of communication regardless of the status of participants and their territorial location. The article identifies the varieties of networked political interaction and strategies for the formation of e-government in Belarus and abroad.

Keywords: network model; political network; network management; digital networkisation; e-government.

Введение

В условиях появления технологических и управленческих новаций, продолжающейся модернизации, усиления интеграционных процессов происходит трансформация всех сфер жизни общества. С позиции сетевого подхода распространение сетевых структур и процессов является одной из характерных черт современности. В связи с этим актуальным представляется изучение сетевой модели социальной организации, с помощью которой мож-

но проанализировать функционирование различных социальных институтов.

Цель настоящей работы заключается в рассмотрении основных уровней сетевой модели социальной организации, а также в установлении специфики ее реализации в рамках политической коммуникации. Изучение механизмов политических процессов позволяет понять глобальные институциональные трансформации.

Сетевая модель социальной организации

Сетевая модель позволяет описать особенности социальной организации в условиях цифровизации, а также формы ее реализации в функционировании основных сфер жизни. Данная модель состоит из структурного, коммуникативного и технологического уровней.

Структурный уровень. Структура локальных и глобальных сетей характеризуется децентрализованностью управления, множественностью лидеров, адаптивностью, открытостью и самовоспроизводимостью. Децентрализация является формой организации власти, при которой ресурсы и действия рассредоточены между участниками системы, т. е. силы перераспределяются от центра к периферии (например, передача полномочий от центральных органов власти региональным и местным органам власти, создание сетевых кластеров). Такие центр-периферийные отношения, компонентами которых выступают сетевое ядро, сетевой узел, сетевая периферия и сетевой мост, указывают на множественность уровней сетевого взаимодействия. Элементами сетей являются социальные акторы (отдельные лица, группы, организации, государства и т. д.). Согласно методологии акторно-сетевой теории в от-

дельных случаях ими могут быть как субъекты, так и объекты (ученые в лаборатории, предметы материального мира, публичное выступление и т. д.). Децентрализация способна обеспечить эффективность, подотчетность и прозрачность процесса принятия решений. Следует отметить, что она может сочетаться с централизованным управлением (подобное сосуществование различных структур выражено в гетерархическом принципе организации системы, который предполагает важность как вертикальных (иерархических), так и горизонтальных (сетевых) связей).

Сетевое управление предусматривает множественность лидеров [1, с. 31]. Представители узлов сети действуют автономно, учитывая при этом коллективно признанную систему правил. В рамках таких механизмов принимаются более продуктивные решения, поскольку вызовы, порождаемые современностью, распространяются в различных сферах и отраслях общественной жизнедеятельности, становятся комплексными и проявляются как на локальном, так и глобальном уровне. Отсутствие четкой иерархии, адаптивность к изменениям, открытость (культура управления, основывающаяся на принципах

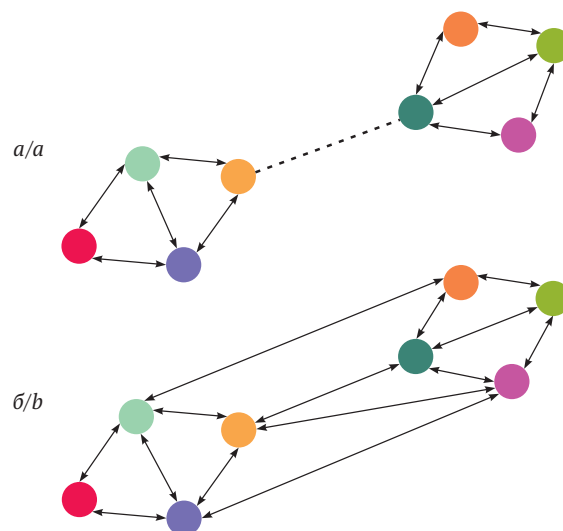
прозрачности, добросовестности, расширенного участия заинтересованных сторон, совместного использования материальных и нематериальных ресурсов; доступность данных) и самовоспроизводимость (восстановление связей при замене некоторых участников) сети обеспечивают возможность добавления в нее новых акторов.

Коммуникативный уровень. Сеть понимается как особый способ социальной организации, который обеспечивает новые комбинации внутренних и внешних коммуникаций, а также реализацию сложных взаимодействий на всех уровнях общественной системы. Сетевое управление выстраивается на основе перехода от вертикальной к горизонтальной форме координации. Последняя предусматривает равное распределение акторов по статусу в открытой, адаптивной и саморегулирующейся сетевой структуре, а также синхронизирует их работу, тем самым улучшая их координацию и способствуя расширению сотрудничества.

Важными составляющими качественного сетевого взаимодействия являются формулирование общих целей и построение долгосрочного сотрудничества в условиях конкуренции, что подтверждается ценностью формирования слабых и сильных социальных связей [2]. Слабые (отношения со знакомыми, коллегами, деловыми партнерами) и сильные (отношения с близким окружением) связи функционально дополняют друг друга, обеспечивая эмоциональную и информационную поддержку, а также создавая разветвленную коммуникационную сеть. Одним из преимуществ слабых связей служит их способность к соединению прежде разрозненных единиц, групп и сообществ через транзитивный канал – сетевой мост (см. рисунок). Он является единственным путем связи двух элементов в сети. С помощью сетевого моста возможно получение информации и установление влияния.

Сетевая коммуникация выражается в новых интерактивных формах взаимодействия в режимах офлайн (нетворкинг) и онлайн (социальные медиа, интернет-сообщества). Существуют различные виды сетей в зависимости от количества участвующих в коммуникации акторов (диада, триада; подгруппа, группа), масштаба (локальные и глобальные сети), профессиональной эффективности сетевого взаимодействия (личные, операционные и стратегические сети) и т. д. Например, стратегические сети открывают новые перспективы для сотрудничества с субъектами, которые могут помочь противостоять актуальным проблемам и предвидеть возможности общественного развития [3].

Технологический уровень. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), в частности цифровые устройства, программные приложения и коммуникационные сети, становятся полноправ-

Наличие (а) и отсутствие (б) сетевого моста
Presence (a) and absence (b) of a network bridge

ными участниками сетевых взаимодействий и придают дополнительную гибкость сетевым формам организации, что оказывает влияние на характер отношений между экономическими, политическими и социальными структурами. Определяющими чертами успеха использования ИКТ и сетевых средств связи стали такие их базовые характеристики, как доступность, высокая скорость передачи информации, интерактивность, возможность хранения больших данных (англ. *big data*) и обеспечения непрерывной коммуникации в режимах офлайн и онлайн.

Отметим, что взаимодействие между людьми и цифровыми устройствами возможно именно благодаря интерактивности. Она представляет собой способность компьютера, программы или другого информационного элемента реагировать на действия человека, который их выполняет в целях перемещения по веб-сайту, использования государственных услуг в цифровом формате и т. д.

Большие данные, являющиеся наборами структурированных и неструктурированных данных, предназначены для определения социальных тенденций и закономерностей, обнаружения ранее скрытых связей и потенциально упущенных перспектив, получения более полного представления о происходящих событиях с опорой на персонализированный подход (анализ демографических данных, личных профилей пользователей и их активности в социальных сетях). С большими данными могут выполняться такие операции, как хранение, интеллектуальный анализ, аналитика и визуализация¹. В силу объема и разнообразия больших данных на смену традиционным системам управления ими пришли масштабируемые сетевые структуры, обеспечивающие такие процессы, как хранение, анализ и координация.

¹4 types of big data technologies (+ management tools) // Coursera Inc. : site. URL: <https://www.coursera.org/articles/big-data-technologies> (date of access: 29.11.2024).

В современных условиях коммуникация между людьми может осуществляться независимо от их территориального размещения благодаря социальным сетям, мессенджерам и т. д. Такая возможность всегда остается на связи с семьей, друзьями и деловыми партнерами улучшает качество социальной жизни. Более того, рост числа онлайн-сред позволяет людям со схожими интересами объединяться и формировать виртуальные сообщества, поддерживать друг друга и т. д. Как результат, технологии стали катализатором объединения людей в реальной жизни, подчеркнули ценность коммуникации лицом к лицу. Важно обозначить, что социальные связи людей становятся более слабыми, но многообразными и комплексными; они могут выступать средствами получения информации и деловых кон-

тактов, способствовать проведению досуга, обеспечивать гражданское участие.

В настоящей статье для выявления процессуальности и повсеместности свойств сети, которые выражаются в определенных типах социального взаимодействия и управления, поддерживаются и усиливаются цифровыми инструментами ИКТ, предлагаем использовать понятие «цифровая сетевизация». Оно обозначает характеристику новейшего этапа развития современного общества, его сфер и уровней организации, при котором на основе инноваций в области ИКТ создаются сетевые формы социальной интеграции и взаимодействия в целях построения эффективной коммуникации и достижения устойчивости при изменяющихся условиях социального пространства.

Особенности сетевой политической коммуникации

С опорой на описанную выше сетевую модель социальной организации рассмотрим специфику политических отношений современных структур. Обратимся к анализу уровней данной модели.

Структурный уровень. Развитие сетевых политических структур на локальном и глобальном уровнях является результатом распределения ресурсов между частными и государственными организациями, а также перехода от принципа иерархии к равенству акторов. Политическая сеть представляет собой систему институционально независимых государственных и негосударственных образований, вступающих во взаимодействие для достижения поставленных целей с опорой на формальные и неформальные нормы² [4]. Данная сеть включает всех участников, которые вовлечены в политическое проектирование в том или ином политическом секторе, что усиливает оперативность в удовлетворении программных потребностей.

К актуальным разновидностям сетевого политического взаимодействия относятся:

- межгосударственные сети. Они представлены сотрудничеством правительств в рамках национальной и наднациональной политических систем (БРИКС, Союзное государство, Шанхайская организация сотрудничества и т. д.). Так, основными инструментами развития межрегионального сотрудничества России и Беларуси в рамках Союзного государства выступают взаимные визиты региональных делегаций, создание двусторонних рабочих групп и деловых советов, заключение межрегиональных соглашений, участие в ярмарках, выставках и форумах [5, с. 33];

- деловые сети. Данные объединения организаций направлены на учет взаимных интересов. Например, компания «Белорусские облачные технологии», специализирующаяся на информационных

технологиях и хостинге в Беларуси, выстраивает партнерскую сеть не только с частными провайдерами телекоммуникационных, ИКТ- и контент-услуг, но и с государственными учреждениями, тем самым содействуя развитию отечественной информационной инфраструктуры и обеспечению безопасности;

- информационно-пропагандистские сети. Создание таких союзов политических партий, общественных объединений и некоммерческих организаций ориентировано на достижение общих целей. Например, к ним относятся республиканское общественное объединение «Белая Русь», общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи» и Федерация профсоюзов Беларуси;

- научные сети. Эти объединения ученых, организаций или государств (ЮНЕСКО, Межправительственная группа экспертов по изменению климата и т. д.) формируются для продвижения науки и создания платформ для дискуссий (социальные сети «Academia» и «LinkedIn», база данных «Ученые Беларуси» и т. д.). В настоящее время управление наукой требует учета сетевого подхода, поддержки политических лидеров и партий, а также привлечения экспертов из разных профессиональных областей.

С помощью сетевых политических структур создаются новые формы межнационального сотрудничества, объединяющие различных участников: частные и государственные структуры, движения гражданского общества, транснациональные компании и научные организации, которые заинтересованы в содействии развитию национальной и наднациональной политики. Сложившаяся ситуация не свидетельствует об утрате силы традиционных социальных институтов. Поиск новых механизмов политического сотрудничества, сочетающих децентрализованное саморегулирование и централизованное стратегическое лидерство, был стимулирован

²Сморгунов Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети: теория и методы анализа : учебник. М. : Аспект пресс, 2014. 320 с.

фрагментацией, а также растущей функциональной и организационной сложностью государственного управления.

Коммуникативный уровень. Ключевыми характеристиками сетевого политического управления выступают выстраивание связей на добровольной основе, наличие институциональной структуры норм, определяющей данные связи, и общей цели, ориентация на долгосрочное сотрудничество, а также относительно стабильное горизонтальное сотрудничество взаимозависимых и заинтересованных, но операционально автономных субъектов.

Появление интерактивных многоуровневых сетей предполагает не только особый способ координации, но и доверительную коммуникацию. В современном мире доверие – это фундамент как межличностных, так и институциональных отношений [6, с. 19]. Представители политических сетей способны выстраивать диалог, поддерживать коллективные действия остальных субъектов и предоставлять им гарантии. Данные основания находят выражение в теории делиберативной политики (лат. *deliberate* – обсуждать), которая методологически близка концепции сетевого общества [7, с. 116]. Как считает Ю. Хабермас, делиберативная политика реализуется в публичной сфере совместно с гражданским обществом, формируя «сеть информации и точек зрения... потоки коммуникаций, отфильтрованные и синтезированные таким образом, что они соединяются в узлы тематически специфицированного общественного мнения» (перевод наш. – Д. М.) [8, р. 360]. Примерами распространения данной политики служат различные формы гражданского и политического участия (публичные слушания, опрос граждан и т. д.), а также интеграционные объединения государств (Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз и т. д.).

В условиях сетевого общества информационная среда становится смешанной системой каналов связи. Направленные сверху вниз потоки информации (власть → общество) постепенно преобразовываются в двунаправленные потоки (общество ↔ власть, власть ↔ индивидуум). Данные явления связаны со стремительным расширением сети горизонтальных информационных каналов, усилением ее социального влияния. О. М. Михайленок и его коллеги указывают на возникновение следующих форм интеракций политических субъектов: slackтивизма

в интернете (участия в онлайн-акциях, осуществления виртуальных действий в виде лайков и репостов и т. д.), электронного обращения в органы власти (электронное правительство), троллинга, рассылок, обсуждения информации на сайтах и форумах, в блогах и социальных сетях («Твиттер», «Фейсбук», «Ютуб» и т. д.) [9]. Большинство перечисленных форм взаимодействия основываются на принципе свободы мнений пользователей сети.

Технологический уровень. Поскольку цифровые сервисы значительно упрощают доступ к информации и услугам в социально важных сферах жизни (здравоохранение, образование и т. д.), они приобретают все большее распространение и в рамках политической коммуникации. Так, появилась новая форма связи государства и человека – электронное правительство.

Термины «электронное правительство» (англ. *e-government*), «электронное управление» (англ. *e-governance*) и «цифровое правительство» обозначают использование ИКТ в качестве механизма сбора и распространения правительственной информации, а также предоставления государственных услуг. Исследователи В. Дрожжинов и А. Штрик [10] указывают, что электронные правительства, в отличие от традиционных, повышают открытость общества, достоверность данных и эффективность их применения, ускоряют взаимодействие, уменьшают стоимость транзакций, улучшают использование баз данных и государственное устройство.

Система электронного правительства предполагает оцифровку и систематизацию информации на единой электронной платформе с общими хранилищами и безопасным доступом. Согласно Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы в Беларуси предусмотрено развитие технологий электронного правительства, в частности создание новых цифровых сервисов³. Одним из таких внедрений является информационная система «Витрина цифровых проектов» – площадка для размещения, изучения и анализа результатов проектов, реализованных для цифрового совершенствования организации, отрасли или государства⁴. Тем самым правительство предоставляет больше возможностей для участия в управленческой деятельности, продвигает свободный диалог, стимулирует социально-экономический, политический и культурный обмен [11, с. 213–215].

Заключение

Сетевая модель социальной организации, которая состоит из структурного, коммуникативного и технологического уровней, позволяет охарактеризовать особенности различных социальных отношений, в частности политических взаимодействий. С точки зрения

структурного уровня данной модели установлено развитие сетевых политических организаций в локальном и глобальном масштабах. При анализе коммуникативного уровня выявлено распространение сетевых форм коммуникации и государственного управления.

³Национальный центр электронных услуг : сайт. URL: <https://nces.by/> (дата обращения: 29.11.2024).

⁴Витрина цифровых проектов Республики Беларусь : сайт. URL: <https://xn----ctbjlqxdiff1ap0a4fi.xn--90ais/> (дата обращения: 29.11.2024).

С позиции технологического уровня наблюдается цифровая сетевизация политических процессов.

Сетевая модель государственного регулирования является гарантом активности гражданского общества, открытости и взаимосвязанности элементов социума, существующих органов власти и политических партий. Она предполагает актуализацию самоуправления и выбор коммуникации в качестве основной формы влияния, в результате чего позволяет разрешать общественные конфликты, уменьшать социальные риски и угрозы. В Беларуси и за ее пределами разновидностями сетевого политического взаимодействия выступают межгосударственные,

деловые, информационно-пропагандистские и научные сети. В настоящее время на базе современных ИКТ создаются электронные правительства – новая, более удобная и функциональная форма связи государства и человека. Важно отметить, что возникновение сетевых способов государственного управления является неотъемлемой частью продолжающейся трансформации общества, включающей такие тенденции, как взаимовлияние локального и глобального уровней, национальной и наднациональной политических систем в интеграционных процессах, а также цифровизация и медиатизация социально-политического пространства.

Библиографические ссылки

1. Мозалевская ДА. Сетевая экономика в условиях цифровизации общества: подходы к определению и особенности развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;3:29–34. EDN: SNLULN.
2. Грановеттер М. Сила слабых связей. *Экономическая социология.* 2009;4:31–50.
3. Ibarra H, Hunter ML. How leaders create and use networks. *Harvard Business Review* [Internet]. 2007 [cited 2024 November 29]. Available from: <https://hbr.org/2007/01/how-leaders-create-and-use-networks>.
4. Михайлова ОВ. *Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 2015. 335 с.
5. Гигин ВФ, Громыко АА, Рахманов СК, Кузьмина ЕМ, Лашук ИВ, Лешенюк ОН и др. *Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы.* Москва: Ассоциация внешнеполитических исследований имени А. А. Громыко; 2021. 56 с.
6. Белокрылова ВА, Доброродный ДГ. Конвергенция социальных и информационных технологий и проблема доверия в цифровом обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:18–26.
7. Курочкин АВ. Политика в условиях сетевого общества: новая структура и содержание. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2011;3(часть 2):113–117.
8. Habermas Jü. *Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy.* Cambridge: MIT Press; 1996. 631 p.
9. Михайленок ОМ, Ляхов ВП, Щенина ОГ, Максимов МВ. Сетевое измерение политических отношений. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* 2019;7:135–138.
10. Дрожжинов В, Штрик А. Концептуальные основы строительства электронного правительства. *PC Week* [Интернет]. 2002 [процитировано 29 ноября 2024 г.];20. Доступно по: <https://www.itweek.ru/themes/detail.php?ID=61779>.
11. Мозалевская ДА. Принцип «открытого правительства» в системе электронного государственного управления. В: Пинчук ИВ, редактор. *Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика. Материалы Международной научно-практической конференции; 25–26 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь.* Минск: БГУ; 2021. с. 212–216.

Статья поступила в редколлегию 24.12.2024.
Received by editorial board 24.12.2024.

УДК 316.356.2 + 316.752

БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ СТУДЕНТОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н. В. КУРИЛОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются брачно-семейные ценности студенческой молодежи как область междисциплинарного изучения. Отмечается, что аксиологические ориентации студентов в сфере брака и семьи выступают субъективным фактором демографического развития Беларуси. С позиции социологической науки раскрывается содержание понятия «брачно-семейные ценности». Демонстрируется тематическое разнообразие работ, посвященных изучению ценностного мира современной студенческой молодежи. Репрезентируются результаты проведенного в 2024 г. социологического исследования «Ценностные ориентации и повседневные практики студентов БГУ». Утверждается, что семья является важнейшей ценностью в жизни обучающейся в ведущем университете страны молодежи. Характеризуются представления респондентов о брачном союзе, а также рассматриваются их репродуктивные установки. Описывается отношение студентов к нетрадиционным формам брака и таким неолиберальным установкам в брачно-семейной сфере, как чайлдфри, нетрадиционная сексуальная ориентация, однополый брак, аборт и полигамия.

Ключевые слова: семья; брак; брачно-семейные ценности; нетрадиционные формы брака; репродуктивные установки; студенческая молодежь; Белорусский государственный университет; социологический опрос.

Образец цитирования:

Курилович НВ. Брачно-семейные ценности студентов Белорусского государственного университета. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;1:26–34.
EDN: QEKGAG

For citation:

Kurilovich NV. Belarusian State University students' marriage and family values. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;1:26–34. Russian.
EDN: QEKGAG

Автор:

Наталья Вячеславовна Курилович – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Natalia V. Kurilovich, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
kurilovich@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-5091-667X>

BELARUSIAN STATE UNIVERSITY STUDENTS' MARRIAGE AND FAMILY VALUES

N. V. KURILOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article considers the marriage and family values of student youth as an area of interdisciplinary study. It is noted that students' axiological orientations in the sphere of marriage and family act as a subjective factor in the demographic development of Belarus. From the position of sociological science the content of the concept «marriage and family values» is revealed. The thematic diversity of works, devoted to the study of the value world of modern student youth, is demonstrated. The results of the sociological research «Value orientations and everyday practices of BSU students», conducted in 2024, are represented. It is stated that family is the most important value in the life of young people, studying at the leading university of the country. The respondents' ideas about marriage union are characterised, and their reproductive attitudes are considered. It describes the attitude of students to non-traditional forms of marriage and such neoliberal attitudes in the marriage and family sphere as childfree, non-traditional sexual orientation, gay marriage, abortion and polygamy.

Keywords: family; marriage; marriage and family values; non-traditional forms of marriage; reproductive attitudes; student youth; Belarusian State University; sociological survey.

Введение

Актуальность изучения ценностей молодежи в сфере брака и семьи обусловлена наблюдающейся в Беларуси депопуляцией, которая отражает негативную тенденцию демографического развития государства. Выступая субъективным фактором формирования демографического потенциала страны, аксиологические ориентации молодежи как социальной общности, представители которой находятся в наиболее активной фазе репродуктивного возраста, играют немаловажную роль в процессе роста населения [1, с. 17–18]. Теоретическая и практическая значимость результатов социологических исследований брачно-семейных ценностей молодежи, в частности студентов, заключается в возможности их использования в целях прогнозирования развития института семьи и принятия своевременных мер по обеспечению демографической безопасности Беларуси.

Брачно-семейные ценности входят в сферу интересов представителей разных наук, поэтому неслучайно анализ аксиологических предпочтений индивидов относится к области междисциплинарных проблем. Стоит обозначить, что наибольшее внимание ценностным ориентациям различных социально-демографических групп, в том числе молодежи, уделяют социологи. Как правило, предметом социологических исследований, посвященных данной теме, является важность для молодых людей вступления в брак, рождения детей, распределения обязанностей, а также их отношение к альтернативным формам брака (например, к открытому или гостевому браку), феномену сознательной бездетности (чайлдфри), абортам и т. д.

С точки зрения социологии под брачно-семейными ценностями понимается относительно устойчивый комплекс культивируемых обществом нормативных представлений о браке и семье, которые

детерминируют матримониальное и репродуктивное поведение индивидов. В настоящее время аксиологические ориентации молодежи в сфере брака и семьи существенно трансформировались в связи с преобразованием брачно-семейных институтов.

На фоне снижения рождаемости в России социологи активно изучают такие тенденции, как распространение новых видов семейных союзов [2] и изменение брачно-семейных ценностей [3], в том числе ценностей родительства [4]. Профессор М. А. Клупт отметил, что представления россиян о семье весьма разнообразны, однако в теоретическом и политическом дискурсах можно констатировать столкновение взглядов сторонников традиционного натализма, нового натализма и постматериализма [5]. В контексте рассматриваемой проблематики особый интерес вызывает статья сотрудников Центра региональной социологии и конфликтологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН В. С. Тарченко и Э. К. Бийжановой [6], которые проанализировали российские работы, посвященные изучению брачно-семейных ценностей студенческой молодежи. Недостатками данных исследований авторы публикации назвали локальность их проведения, несопоставимость результатов, отсутствие мониторинговых замеров и т. д. [6, с. 50].

Анализ источников по теме настоящей работы показал, что существует немало публикаций российских ученых, в которых описано отношение студенческой молодежи к браку, семье и рождению детей (см., например, статьи [7–10]). В белорусском научном дискурсе также обнаружены значимые исследования в данном направлении. Ценностные ориентации белорусского студенчества выступали предметом обсуждения в работах таких отечественных ученых, как Е. М. Бабосов, Г. Ф. Бедулина, С. Н. Бурова, Е. А. Данилова, А. В. Рубанов, Л. Г. Титаренко,

П. П. Украинец, Л. В. Филинская и др. (см., например, публикации [11–15]). Следует отметить монографию [16], основанную на ряде замеров, которые осуществили сотрудники Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в период с 1990 по 2012 г.; монографии [17–19], в которых представлены результаты анализа базовых ценностей белорусов, проведенного в рамках международного проекта «Исследование европейских ценностей»; монографию [20], в которой отражены итоги реализованного как часть международной программы «Поколения и гендер» социально-демографического исследования брачно-семейной сферы по вопросам формирования брачно-партнерских союзов, стабильности семей, репродуктивных установок, гендерных ролей и взаимоотношений представителей разных поколений в Беларуси; диссертацию Е. К. Артёменко-Мельянцовой¹, целью которой стало выявление специфики изменения семейных ценностей в белорусском обществе.

Несмотря на наличие серьезных исследований аксиологических предпочтений белорусов, можно констатировать пробел в социологическом изучении брачно-семейных ценностей студентов ведущего учреждения высшего образования Беларуси – БГУ. Таким образом, цель настоящей работы заключается в репрезентации ценностей студенческой молодежи БГУ в сфере брака и семьи, установленных в результате социологического исследования. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: определить важность семьи в жизни студентов указанного университета; рассмотреть представления респондентов о браке, оптимальном возрасте вступления в него, планируемом рождении детей; выявить отношение опрошенных к нетрадиционным формам брака (официально незарегистрированному, открытому, межрасовому, гостевому и повторному браку) и неолиберальным установкам в брачно-семейной сфере (чайлдфри, нетрадиционной сексуальной ориентации, однополому браку, абарту и полигамии).

Материалы и методы исследования

В 2024 г. нами было проведено исследование «Ценностные ориентации и повседневные практики студентов БГУ». Методом сбора информации стал онлайн-опрос, реализованный на базе платформы *Google Forms*. В нем приняли участие студенты 3-го и 4-го курсов БГУ дневной формы обучения. Всего было опрошено 1982 человека (715 юношей и 1267 девушек).

Анкета включала вопросы, которые были направлены на определение базовых ценностей и отлич-

ительных черт повседневной жизни обучающихся. Одной из основных задач исследования стало рассмотрение брачно-семейных ценностей респондентов. Для выполнения сравнительного анализа в настоящей работе, кроме полученных в 2024 г. данных, будут использоваться результаты проведенного в 2016 г. социологического опроса, цель которого заключалась в изучении отношения студенческой молодежи БГУ к семейной жизни и родительству [21].

Результаты и их обсуждение

В рамках социологического исследования студентам БГУ был задан вопрос, позволяющий зафиксировать, насколько важна в их жизни семья. Результаты представлены в табл. 1. Чтобы проанализировать полученные данные, объединим варианты ответа «очень важна» и «скорее важна» в позицию «важна», варианты ответа «скорее неважна» и «совсем неважна» в позицию «неважна». Для подавляющего большинства респондентов (92,3 %) семья является значимым аспектом жизни. Следует подчеркнуть, что результаты всех социологических исследований, проводившихся в разное время в рамках известных проектов, подтверждают, что именно семья занимает первое место в списке основных ценностей белорусов [19, с. 12]. Отметим, что наряду с семьей к базовым ценностям социологи относят работу, досуг, социальный капитал (друзей и знакомых), политику и религию.

На основе данных, приведенных в табл. 2, можно сделать вывод о том, что для обучающейся в ведущем университете страны молодежи брак чаще

всего означает супружеский союз в целях создания семьи, закрепление ответственности друг перед другом, способ вывести отношения на новый уровень, а также общий быт и семейный бюджет. Небольшая часть опрошенных указали, что брак является только штампом в паспорте и следованием традиции регистрации отношений между мужчиной и женщиной. Важно отметить, что лишь 11,7 % респондентов считают брак необходимым условием для рождения детей. В ходе онлайн-опроса не были выявлены принципиальные различия в представлениях о браке у юношей и девушек.

В табл. 3 отражены результаты опроса студентов БГУ о возрасте, который они считают оптимальным для вступления в официальный брак. Самым популярным вариантом ответа оказалась позиция «от 26 до 30 лет». Данный факт подтверждает зафиксированную отечественными социологами тенденцию увеличения среднего возраста вступления в брак. Так, согласно статистическим данным в 2023 г. в Беларуси

¹Артёменко-Мельянцова Е. К. Трансформация семейных ценностей в белорусском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Минск, 2024. 25 с.

средний возраст впервые вступивших в брак мужчин составил 28,8 года, а женщин – 26,5 лет². Об откладывании современной студенческой молодежью заключения брака на более поздний срок свидетельству-

ют и результаты исследования за 2016 г.: в качестве наиболее благоприятного возраста для вступления в брак респонденты называли более ранний возраст, а именно диапазон от 24 до 27 лет [21, с. 71].

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Насколько важна в Вашей жизни семья?»**

Table 1

**Distribution of respondents' answers to the question
«How important is family in your life?»**

Варианты ответа	Доля респондентов, %
Очень важна	67,2
Скорее важна	25,1
Скорее неважна	4,0
Совсем неважна	1,8
Затрудняюсь ответить	1,9

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Что для Вас означает брак?»**

Table 2

**Distribution of respondents' answers to the question
«What does marriage mean to you?»**

Варианты ответа	Доля респондентов, %
Супружеский союз в целях создания семьи	53,0
Общий быт и семейный бюджет	28,3
Способ изменения своего социального статуса	7,5
Штамп в паспорте	14,6
Способ вывести отношения на новый уровень	34,1
Следование традиции регистрации отношений между женщиной и мужчиной	13,4
Необходимое условие для рождения детей	11,7
Следование стереотипам общества о том, что всем нужен брак	9,7
Закрепление ответственности друг перед другом	49,0
Затрудняюсь ответить	6,6

Примечание. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Какой возраст Вы считаете оптимальным
для вступления в официальный брак?»**

Table 3

**Distribution of respondents' answers to the question
«What age do you consider optimal
for entering into an official marriage?»**

Варианты ответа	Доля респондентов, %
До 20 лет	0,4
От 21 до 25 лет	33,6

²Брачность и разводимость в Республике Беларусь в 2023 году // Национальный статистический комитет Республики Беларусь : сайт. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2023/marriage-2023.pdf (дата обращения: 17.12.2024).

Окончание табл. 3
Ending of the table 3

Варианты ответа	Доля респондентов, %
От 26 до 30 лет	54,5
От 31 до 35 лет	9,1
От 36 лет	2,4

Результаты социологического исследования указывают, что большинство обучающихся в БГУ студентов (78,0 %) желают иметь детей. Менее половины опрошенных хотели бы стать родителями в возрасте от 23 до 27 лет (43,2 %), а также в возрасте от 28 до 33 лет (40,6 %). Вызывает обеспокоенность факт того, что почти у четверти респондентов (22,0 %) нет желания становиться родителями.

Распределение ответов на вопрос о планируемом количестве детей показано в табл. 4. Почти половина опрошенных, которые видят себя в роли родителей, хотят иметь двух детей. Практически каждый пятый респондент ориентирован на однодетную семью. Трех детей планируют завести только 9,1 % студен-

тов. На семью с четырьмя и более детьми настроены лишь 3,3 % опрошенных. Вместе с тем почти четверть респондентов вообще не думали о количестве детей, которых планируют иметь в будущем.

Выявлены определенные гендерные различия в ответах на указанный вопрос. Так, одного ребенка планируют иметь 14,5 % юношей и 21,3 % девушек, двух детей – 39,9 % юношей и 48,5 % девушек, трех детей – 9,7 % юношей и 8,6 % девушек, четырех и более детей – 4,8 % юношей и 2,4 % девушек. Таким образом, юноши, по сравнению с девушками, хотят завести большее число детей. Необходимо отметить, что 31,1 % юношей и 19,1 % девушек не думали о своих планах в отношении детей.

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Сколько детей Вы планируете иметь?»**

Table 4

**Distribution of respondents' answers to the question
«How many children do you plan to have?»**

Варианты ответа	Доля респондентов, %
Одного ребенка	18,8
Двух детей	45,2
Трех детей	9,1
Четырех и более детей	3,3
Не думал(а) об этом	23,6

Принявшие участие в онлайн-опросе студенты БГУ назвали наилучшее, по их мнению, количество детей в семье. Большинство опрошенных, а именно 69,7 %, считают идеальным наличие в семье двух детей, 14,9 % респондентов – трех детей, 11,4 % студентов – одного ребенка, 4,0 % обучающихся – четырех и более детей. Сравнив эти данные со сведениями из табл. 4, можно констатировать наличие определенных расхождений между идеальными представлениями и реальными планами студенческой молодежи БГУ в контексте ее репродуктивных установок.

Отвечая на вопрос «Через сколько лет после заключения брака Вы считаете оптимальным появление в семье ребенка?», 38,8 % респондентов выбрали вариант «через 3–4 года», 33,1 % опрошенных – вариант «через 1–2 года», 4,9 % студентов – вариант «через 5–6 лет». Полученные данные демонстрируют факт того, что молодежь считает оптимальным рож-

дение ребенка через небольшой промежуток времени после официальной регистрации брака. Сравнение социологических данных за 2016 и 2024 гг. показало, что в ценностных ориентациях студенчества БГУ произошли изменения: данный промежуток времени увеличился. Так, согласно результатам опроса за 2016 г. 55,2 % респондентов считали оптимальным рождение ребенка через 1–2 года после заключения брака [21, с. 70].

В ходе онлайн-опроса изучалось отношение обучающейся в рассматриваемом университете молодежи к таким формам брака, как официально незарегистрированный, открытый, межрасовый, гостевой и повторный брак. Результаты отражены в табл. 5. Для анализа полученных данных объединим варианты ответа «положительно» и «скорее положительно» в позицию «положительно», варианты ответа «скорее отрицательно» и «отрицательно» в позицию «отрицательно».

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Как Вы относитесь к таким формам брака, как официально незарегистрированный,
открытый, межрасовый, гостевой и повторный брак?»

Table 5

Distribution of respondents' answers to the question
«How do you feel about forms of marriage such as officially unregistered,
open, interracial, guest marriage and remarriage?»

Формы брака	Варианты ответа				
	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Официально незарегистрированный	39,2	29,4	13,1	10,3	8,0
Открытый	11,6	8,6	16,3	55,5	8,0
Межрасовый	54,5	25,0	6,2	5,1	9,2
Гостевой	13,2	14,8	28,6	30,7	12,7
Повторный	39,3	29,9	10,1	7,7	13,0

Более половины респондентов (68,6 %) относятся к фактическому сожительству мужчины и женщины положительно, менее четверти опрошенных (23,4 %) – отрицательно. Следовательно, в среде студенчества БГУ превалирует представление о приемлемости совместного проживания пары в официально незарегистрированном браке. Лояльное отношение к фактическому сожительству было типично и для студентов указанного университета, опрошенных в 2016 г.: 60,9 % человек высказались за такую форму союза, противоположную же позицию заняли 25,5 % обучающихся [21, с. 65–66].

Наблюдающееся в Беларуси укрепление толерантного отношения к официально незарегистрированному браку соответствует общеевропейским тенденциям. Более того, отечественные исследователи утверждают, что в нашей стране данная практика проживания, как правило, предшествует официальному закреплению отношений и выступает типовой стратегией формирования семьи [20, с. 22–29]. Вместе с тем некоторые российские ученые, трактуя фактическое соительство как обусловленную индивидуализацией норм модель регистрации брака современной молодежью [22], видят в широком распространении лояльного отношения к указанной форме брака серьезную угрозу ценностям традиционной семьи.

В основе открытого брака лежит идея свободных половых отношений. Другими словами, в таком случае верность партнеров не предполагается и не считается добродетелью. Полученные социологические данные свидетельствуют о том, что положительное мнение о данной форме брака характерно только для пятой части опрошенных (20,2 %). Большинство

респондентов (71,8 %) продемонстрировали отрицательное отношение к открытому браку.

В XXI в. браки между представителями разных национальностей и рас становятся распространенным явлением. Несмотря на то что межрасовый брак может впоследствии привести к серьезным проблемам во взаимоотношениях супругов ввиду различных культурных ценностей, в современном мире такая форма союза считается приемлемой. По результатам исследования 79,5 % студентов БГУ высказались за межрасовый брак, при этом такое отношение больше характерно для девушек (85,3 %), чем для юношей (69,1 %). Неприемлемой указанную форму брака считают 11,3 % респондентов (17,7 % юношей и 7,9 % девушек).

Гостевой брак является новой формой отношений, предполагающей раздельное проживание супругов, отсутствие у них совместного хозяйства и общего бюджета, а также их регулярное совместное времяпрепровождение в удобном формате. Положительное мнение о данном феномене имеют только 28,0 % студенческой молодежи ведущего университета страны (31,0 % юношей и 22,8 % девушек). Отрицательное отношение свойственно 59,3 % респондентов (62,2 % юношей и 57,7 % девушек).

В Беларуси на пять браков приходится три развода, что является весьма неутешительной статистикой³. На фоне роста уровня разводов многие люди вступают в браки повторно. В результате социологического онлайн-опроса было установлено, что 69,2 % обучающихся в БГУ молодежи поддерживают повторное заключение брака, причем такая позиция в большей степени характерна для девушек (79,5 %), чем для юношей (50,6 %). Отрицательно к названной форме

³На 5 браков приходится 3 развода: статистика Белстата // Экономическая газета : сайт. URL: <https://neg.by/novosti/otkrytj/na-5-brakov-prikhoditsya-3-razvoda-statistika-belstata/> (дата обращения: 17.12.2024).

брака относятся 17,8 % опрошенных (29,9 % юношей и 11,0 % девушек).

Одной из задач настоящего исследования выступает определение отношения студенческой молодежи БГУ к таким феноменам, как чайлдфри, нетрадиционная сексуальная ориентация, однополый брак, аборт и полигамия. В связи с этим респондентам

был предложен вопрос о том, насколько допустимы перечисленные выше явления. Полученные данные представлены в табл. 6. Для их анализа объединим варианты ответа «недопустимо» и «скорее недопустимо» в позицию «недопустимо», варианты ответа «скорее допустимо» и «допустимо» в позицию «допустимо».

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько допустимы, по Вашему мнению, такие явления, как чайлдфри, нетрадиционная сексуальная ориентация, однополый брак, аборт и полигамия?», %

Table 6

Distribution of respondents' answers to the question «In your opinion, how acceptable are such phenomena as childfree, non-traditional sexual orientation, gay marriage, abortion and polygamy?», %

Явления	Варианты ответа				
	Допустимо	Скорее допустимо	Скорее недопустимо	Недопустимо	Затрудняюсь ответить
Чайлдфри	57,5	14,3	9,5	11,0	7,7
Нетрадиционная сексуальная ориентация	49,0	16,1	8,5	17,0	9,4
Однополый брак	45,4	13,1	8,8	22,2	10,5
Аборт	58,7	14,4	9,7	9,9	7,3
Полигамия	9,9	7,2	20,8	51,2	10,9

В настоящее время трудно найти человека, который бы никогда не слышал о таком феномене, как чайлдфри. Другими известными обозначениями данного явления выступают понятия «добровольная бездетность», «сознательная бездетность» и «бездетность по выбору». В русскоязычном дискурсе термин «чайлдфри» определяется как «течение, при котором люди сознательно не хотят заводить детей» [23, с. 91]. С исторической и социокультурной точек зрения данный феномен представляет собой результат трансформации семейных ценностей в западных странах во второй половине XX в. На постсоветском пространстве о чайлдфри заговорили только в начале XXI в.

Как показали результаты онлайн-опроса, большинство респондентов из ведущего университета страны (71,8 %) считают сознательную бездетность допустимым явлением. Лишь по мнению каждого пятого обучающегося (20,5 %) чайлдфри недопустимо. Следует отметить, что согласно данным социологического исследования, проведенного в 2023 г. в Омске, более половины студентов из пяти высших учебных заведений указанного города относятся к добровольной бездетности отрицательно [23, с. 93].

Обозначим, что 65,1 % опрошенных считают допустимой нетрадиционную сексуальную ориентацию. Такого же мнения по поводу однополого брака придерживаются 58,5 % респондентов. В качестве противников нетрадиционной сексуальной ориентации и однополого брака выступили 25,5 и 31,0 % студентов БГУ соответственно.

Кроме того, большинство обучающихся (73,1 %) высказались за возможность искусственного прерывания беременности, в то время как только каждый пятый опрошенный (19,6 %) выступил против абортов. В контексте наблюдающейся в Беларуси тенденции снижения рождаемости данное мнение представителей студенческой молодежи вызывает серьезную тревогу, поскольку оно станет очевидной угрозой демографической безопасности страны в будущем.

В Беларуси полигамные брачные союзы запрещены на законодательном уровне. Однако, по данным опроса, 17,1 % студентов БГУ считают приемлемым явление многоженства (многомужества). Противоположного мнения придерживаются 72,0 % респондентов.

Следовательно, студенческая молодежь ведущего университета страны, несмотря на толерантное отношение к таким неолиберальным установкам в брачно-семейной сфере, как чайлдфри, нетрадиционная сексуальная ориентация, однополый брак и аборт, оказалась традиционной в своих взглядах на брачный союз мужчины и женщины, не поддерживая полигамию. Анализ распределений ответов на вопрос о допустимости данных феноменов позволил зафиксировать некоторые гендерные различия. Так, девушки, в отличие от юношей, оказались более лояльными к чайлдфри, нетрадиционной сексуальной ориентации, однополому браку и аборту, однако менее терпимыми к полигамии.

Заключение

Обобщение результатов социологического исследования, проведенного нами в 2024 г., позволяет утверждать, что семья является основополагающей ценностью в жизни студенческой молодежи БГУ. Вместе с тем юноши и девушки не спешат создавать собственные семьи, считая оптимальным возрастом вступления в брак промежуток от 26 до 30 лет. В представлении значительной части респондентов брак ассоциируется с союзом в целях создания семьи, а также с закреплением ответственности супругов друг перед другом.

Большинство обучающихся в ведущем университете Беларуси юношей и девушек планируют стать родителями и рассматривают в качестве идеального

варианта наличие в семье двух детей. На многодетную семью ориентированы лишь 12,4 % опрошенных. Наилучшим временем для появления в семье ребенка молодежь считает промежуток от 1 до 4 лет после заключения брака.

Ценностные ориентации студентов БГУ характеризуются позитивным отношением к официально незарегистрированной, межрасовой и повторной формам брака, а также негативным отношением к открытой и гостевой формам брака. По мнению более половины респондентов, к допустимым явлениям относятся чайлдфри, нетрадиционная сексуальная ориентация, однополый брак и аборт, а недопустимым феноменом считается полигамия.

Библиографические ссылки

1. Злотников АГ. Объективные и субъективные факторы демографического развития Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;1:14–20. EDN: VXGLYD.
2. Гурко ТА. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия. *Социологические исследования*. 2017; 11:99–110. DOI: 10.7868/S0132162517110113.
3. Синельников АБ. Семья и брак: кризис или модернизация? *Социологический журнал*. 2018;1:95–113. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715.
4. Безрукова ОН, Самойлова ВА. «Ненужные» дети? Ценности родительства, права отцов и матерей в социокультурных установках россиян. *Социологические исследования*. 2023;8:101–111. DOI: 10.31857/S013216250027371-1.
5. Клушт МА. Проблемы семьи и рождаемости в ценностных конфликтах 2010-х гг. *Социологические исследования*. 2021;5:36–46. DOI: 10.31857/S013216250014119-3.
6. Тарченко ВС, Бийжанова ЭК. Исследования брачно-семейных представлений студенческой молодежи: обзор российских работ. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018;12:50–55. DOI: 10.24158/spp.2018.12.7.
7. Вишневецкий ЮР, Ячменева МВ. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области). *Образование и наука*. 2018;5:125–141. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-125-141.
8. Гимаев ИЗ. Семейно-брачные отношения в системе морально-нравственных ценностей студенческой молодежи. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2023;1:10–15. DOI: 10.26907/2079-5912.2023.1.10-15.
9. Ростовская ТК, Шабунова АА, Калачикова ОН. Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования. *Женщина в российском обществе*. 2023;3:31–42. EDN: IVVVAZ.
10. Иргит ЕЛ, Комбу АС. Взгляды студенческой молодежи на семейно-брачные отношения. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки*. 2022;1–2:33–37. DOI: 10.31161/1995-0659-2022-16-1-2-33-37.
11. Бедулина ГФ. Ценностные ориентации студенческой молодежи в отношении семьи и брака в контексте демографической политики Республики Беларусь. В: Республиканский институт высшей школы. *Высшая школа: проблемы и перспективы. Материалы 13-й Международной научно-методической конференции; 20 февраля 2018 г.; Минск, Беларусь. Часть 2*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2018. с. 327–333.
12. Данилова ЕА. Ценностные ориентации современного белорусского студенчества: БГУ vs БГЭУ. *Вестник Белорусского государственного экономического университета*. 2012;1:5–9.
13. Данилова ЕА. Особенности социологического изучения базовых ценностей и мировоззренческих установок молодежи. В: Белорусский государственный экономический университет. *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. Минск: Белорусский государственный экономический университет; 2012. с. 517–521.
14. Акулик АК, Бабосов ЕМ, Бобков ВА, Божанов ВА, Кобяк ОВ, Рубанов АВ и др. *Минские студенты в зеркале социологии*. Минск: Минский научно-исследовательский институт социально-экономических и политических проблем; 2007. 90 с.
15. Украинец ПП, Бурова СН, Филинская ЛВ. Студенчество БГУ начала XXI в. глазами социологов. *Вестник БГУ. Серия 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2011;3:73–81.
16. Булышко ДМ, Воднева АК, Жакуть ИА, Иванюто ОВ, Кулешов АА, Лукашевич ЕИ и др. *Молодежь суверенной Беларуси: штрихи к портрету*. Минск: Издательский центр БГУ; 2012. 192 с.
17. Ротман ДГ, Данилов АН, Булышко ДМ, Хальман Л, Хагенаас Ж, Моорс Г и др. *Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»*. Минск: БГУ; 2009. 231 с.
18. Ротман ДГ, Данилов АН, Булышко ДМ, Белов АА, Воднева АК, Соглаева ЛА и др. *Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей*. Минск: БГУ; 2016. 219 с.
19. Ротман ДГ, Данилов АН, Булышко ДМ, Белов АА, Бельский АМ, Воднева АК и др. *Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна – 2018*. Минск: БГУ; 2019. 191 с.

20. Терещенко ОВ, Кучера Т, редакторы. *Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Том 2, Анализ результатов исследования «Поколения и гендер»*. Минск: Белсэкс; 2018. 189 с.

21. Курилович НВ. Брачно-семейные установки студентов Белорусского государственного университета. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2017;2:64–72.

22. Коблева ЗХ. Незарегистрированное сожительство как модель брачной стратегии современной молодежи. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2022;3:67–74. DOI: 10.53598/2410-3691-2022-3-304-67-74.

23. Гокова ОВ. Анализ феномена childfree и формирование традиционных семейных ценностей у современной студенческой молодежи в регионе (на примере Омской области). *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2024;1:90–98. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).90-98.

*Статья поступила в редколлегию 18.12.2024.
Received by editorial board 18.12.2024.*

УДК 101.1 + 378.4

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ КАНОНЫ КОНФУЦИАНСТВА И КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ СТУДЕНТОВ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Н. ЧЖАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются образовательные каноны традиционного конфуцианства (изменение образования в соответствии с индивидуальными потребностями, образование для всех, сочетание образования с удовольствием, просвещение и наставление, баланс между обучением, мышлением и действием, возвращение к прошлому для открытия нового) и их роль в развитии культуры чтения представителей студенчества. Анализируется культура чтения студентов современных китайских университетов. Обозначаются наиболее острые проблемы в сфере улучшения интеллектуальных способностей обучающихся и их навыков работы с информацией. Предлагаются и обосновываются стратегии совершенствования культуры чтения студентов, заключающиеся в использовании сочинений конфуцианской педагогической классики в качестве образцов для формирования навыков их интерпретации в контексте культурных традиций и нравственных императивов учения Конфуция, а также в адаптации образовательных канонов конфуцианства к современным задачам развития коммуникативных технологий образования.

Ключевые слова: образовательные каноны конфуцианства; культура чтения; традиции и инновации в развитии культуры чтения студентов современных китайских университетов; коммуникативные технологии в структуре университетского образования.

CONFUCIAN EDUCATIONAL CANONS AND THE READING CULTURE OF MODERN CHINESE UNIVERSITY STUDENTS

N. ZHANG^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The traditional Confucian educational canons (modifying education according to individual needs, education for all, combining education with enjoyment, enlightening and instructing, balancing learning, thinking and action, revisiting the past to discover the new) and their role in the development of students' reading culture are considered. The reading culture of modern Chinese university students is analysed. Such strategies for improving students' reading culture, as the use of Confucian pedagogical classics as models for the formation of skills of their interpretation in the context of cultural traditions and moral imperatives of Confucius' teachings, the adaptation of Confucian educational canons to modern tasks of development of communicative technologies of education, are proposed and substantiated.

Keywords: Confucian educational canons; reading culture; traditions and innovations in the development of reading culture of modern Chinese university students; communicative technologies in the structure of university education.

Образец цитирования:

Чжан Н. Образовательные каноны конфуцианства и культура чтения студентов современных китайских университетов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;1:35–43 (на англ.). EDN: PULRHL

For citation:

Zhang N. Confucian educational canons and the reading culture of modern Chinese university students. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;1:35–43. EDN: PULRHL

Автор:

Нин Чжан – аспирантка кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

Author:

Ning Zhang, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
ningzhang526@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0000-8758-0252>

Introduction

At a time of increasing globalisation and informatisation, the field of education is facing unprecedented challenges and opportunities. This is especially noticeable in China where in the context of rapid economic development and profound social changes the higher education system is undergoing a major transformation. In this case, the integration of traditional educational philosophy and modern educational technology is particularly important. Confucian educational thought, as an important part of traditional Chinese culture, its profound educational philosophy and rich teaching methods are of great significance in guiding the reading culture of modern university students.

The purpose of this article is to explore how the basic Confucian education canons can adapt to and guide the development of reading culture for contemporary Chinese university students. The article reviews the core canons of Confucian education, including modifying education according to individual needs, education for all, combining education with enjoyment and analyses the application of these canons in modern education. Also, the paper examines the current reading

status of Chinese university students through empirical research, revealing their characteristics and problems in reading habits, reading motivation and reading choices. On this basis, a series of innovative methods and strategies, aiming to promote the overall enhancement of university students' reading culture through the modern interpretation of Confucian educational norms are proposed. In addition, the role of modern media technologies, especially online platforms, in disseminating Confucian educational ideas and promoting students' reading is explored. On the basis of analysis of cases of educational practices in the new media environment, this paper demonstrates how modern technological means can be effectively used to integrate the wisdom of Confucian education into the daily lives of university students, thereby fostering their humanistic qualities and sense of social responsibility. In summary, this article not only provides a practical guidance for the application of Confucian educational thought in modern education, but also offers new ideas for promoting the innovative development of Chinese higher education.

Reading culture as the most important component of education in the context of Confucian traditions

During the Spring and Autumn period in ancient China, the revered thinker and educator Confucius laid the foundation for what would become the Confucian educational philosophy. At that time, Confucius found himself in a country marked by turmoil and social upheaval. Against this challenging backdrop, he formulated the core tenets of Confucianism, aiming to reconstruct social order and revive a society grounded in proper rituals and etiquette.

Main to Confucianism are principles that emphasise human-centredness, moral development and values, such as benevolence and loyalty. Confucius firmly believed that education played a pivotal role in societal progress. He considered it one of the three fundamental pillars for effective governance, alongside the labour force and the economy [1, p. 43–44]. Beyond his political contributions, Confucius wholeheartedly dedicated himself to innovating and implementing educational ideas that would shape generations to come.

The development of Confucian educational thought gradually enriched and refined over time. It encompasses various aspects related to education, including its purpose, teaching and learning methods, moral education and the relationship of teacher and student.

Purpose and role of education. Confucianism places profound emphasis on the social role of education. As one of the earliest educators, Confucius engaged in discussions about the intricate relationship between education, politics and the economy. He identified the following fundamental conditions for effective gover-

nance: the labour force, wealth and education [1, p. 139]. Moreover, another influential thinker Mencius asserted that moral and ethical teachings, disseminated through education, wield greater impact and importance than state laws and punishments. While the latter merely prevents shamelessness, the former instills not only a sense of shame, but also noble qualities in individuals [1, p. 156].

Confucian scholars delved into the role of education in human development by closely examining human nature and its connection to learning. Confucius himself affirmed the pivotal role of education in personal growth. In practical educational endeavors, Confucian thinkers consistently emphasised the purpose of education. According to Confucius, education should cultivate scholars or gentlemen. His student Zixia succinctly summarised this educational purpose as learning for self-improvement, leading to an official post.

Teaching and learning. Confucianism typically breaks down the teaching process into the following interconnected stages: learning, reflection and practice [1, p. 1]. These stages occur under the guidance of teachers and reflect Confucian awareness of pedagogical principles. Since Confucius' time, many educators have delved into learning methods and tailored teaching approaches accordingly. They stressed that teaching methods should align with effective learning methods, teachers playing a guiding role during students' learning process [2, p. 205].

Confucian teaching emphasises providing guidance to students. Requirements include the following aspects:

- open-mindedness and eagerness to learn. Confucius encouraged students to approach learning with sincerity and seriousness, adopting an attitude of knowing what you know and admitting what you do not know. He urged students to ask questions and maintain an open mind even in the face of difficulties [1, p. 22];
- focused attention. Drawing from the example of learning chess, Mencius emphasised concentration during the learning process. Dong Zhongshu was so dedicated to learning that he did not even look out of the window at the garden for three years [3, p. 39];
- perseverance. Mencius likened learning to digging a well, emphasising the need for unwavering persistence. Even if one digs a deep well without finding water, giving up would render previous efforts futile [4, p. 39];
- application of knowledge. Confucius believed that learning should extend beyond accumulating knowledge. Practical application, problem-solving and value creation were essential. This efficient learning approach enhances understanding and mastery of acquired knowledge [1, p. 1].

Moral education and self-cultivation. Confucian educational thought centres on moral education. According to Confucius, individuals can pursue higher levels of art and scholarship only when grounded in morali-

ty. He emphasised that true scholarly pursuits become feasible only after fulfilling daily practical responsibilities. The Confucian educational system places moral education at its core, distinguishing it from Western educational traditions [5, p. 200].

Confucian moral education involves the following stages: knowledge, emotion, intention and action. Confucius required students to possess moral cognition, understanding benevolence and propriety. Simultaneously, he emphasised cultivating moral sentiments, enabling individuals to distinguish between good and evil and fostering benevolence. Additionally, Confucianism pointed out nurturing moral willpower and habitual behaviour. Confucius urged students to prioritise the perfection of the way (dao) even to the point of sacrificing their lives for virtue. He said: «Having heard the truth in the morning, one can die content in the evening»¹ [1, p. 35]. The Confucian tradition underscores the unity of knowledge and action evaluating an individual's moral cultivation not solely based on words but also on practical deeds. Therefore, Confucian moral education emphasises the principle of aligning knowledge with action. With the continuous development of Confucianism, a human-centred ideological and theoretical system was gradually formed, and in the course of continuous educational practice the unique educational guidelines of Confucianism gradually took shape.

The basic Confucian educational canons

Modifying education according to individual needs. Teaching students according to their aptitude is a very important Confucian educational canon which focuses on specialised and targeted education based on the individual differences of students. Since there are differences among people, education should be implemented from a practical point of view, and different education methods should be adopted for different individuals. For example, when students asked what is benevolence Confucius gave different answers according to their qualifications and character. To his favourite student Yan Yuan he replied: «Through self-restraint one's words and deeds are in line with the requirements of propriety thus attaining the realm of benevolence» [1, p. 127]. Also Confucius explained: «Do not look at, do not listen to, do not talk about and do not do anything that does not conform to propriety!» [1, p. 127]. To a good student Zhong Gong he prodded: «Do not impose on others what you do not like» [1, p. 127]. To Fan Chi who was of average seniority and simple character Confucius replied «love for others» [1, p. 127]. The core of teaching according to the ability of the student is to teach flexibly according to each person's character, intellect, interests and according to different times and places, so as to accommodate the individual differences and needs of the students [6, p. 185–186].

Education for all. The principle of equality in education emphasises that all children whether clumsy or clever, rich or poor, rural or urban should enjoy the same right to education and equal conditions of study and further education. Confucius also put forward the concept of education for all. He believed that education should not be confined to the children of the nobility, but should be extended to all nationals [1, p. 300]. As a result, Confucius' disciples came from different countries, breaking down the national boundaries of the time. The practice of this educational philosophy broadened the social base of education and the source of talents, played a positive role in promoting the improvement of the quality of all members of society and embodied the simple spirit of equality in education. The implementation of this principle is a fundamental guarantee of the state's ability to cultivate talent and maintain social stability.

Combining education with enjoyment. In ancient times, combining education with enjoyment refers to moral education through music, so that students can feel the role of moral edification in the cultivation of music which is also a consistent educational idea of Confucianism. Confucius once said: «Music wraps the spiritual power of touching the heart through the beauty of the senses, reflecting the moral stance of praise or depreciation

¹Here and further translated by us. – N. Z.

in the changes of tones and rhythms of rise and fall, staccato, and a lot of physical performances contain the ceremonial action of greeting and ascending to dance and music to convey morality and the beauty of human nature» [1, p. 257]. Whether it is the folk songs of the common people or the elegant music of the lords and aristocrats all of them have the intention of persuading people to be good and guiding them to aspire to a better future. In modern times, this concept stresses the fun and vividness of education, propaganda and ideological education are carried out through various enjoyable activities, such as watching films, listening to music, telling stories and learning to sing songs. The purpose is to create a happy, relaxed, interesting, democratic learning atmosphere and to improve the effectiveness of education with twice the effort.

Enlightening and instructing. Confucius believed that both the cultivation of morality and the learning of knowledge should be based on the conscious needs of students. He opposed mechanical learning and advocated inspirational teaching [1, p. 72]. Confucius said: «When the student has thought deeply but still cannot understand then enlighten him; when the student understands in his heart but cannot express himself clearly then enlighten him. If the student cannot deduce the other three aspects from the one given, do not continue to teach» [7, p. 86]. This means that before teaching the teacher should allow the student to think carefully. If the students have been thinking for a considerable time but still have not understood, the teacher can enlighten them; if the students have comprehended something but have failed to express it in appropriate words, they can be enlightened at that time. The teacher's inspiration should be based on the learners' thinking, and after the inspiration the learners should think again and gain further understanding.

Balancing learning, thinking and action. In Confucius' philosophy of education, balance is an important principle. Learning is the way and the only means of seeking knowledge. Confucius stressed the importance of learning, but he did not just emphasise the mechanical memorisation of knowledge; learning should be purposeful and meaningful, and the pursuit of true understanding and comprehension should be pursued. Thinking refers to contemplation which is in-depth thinking and reflection on what one has learned. Confucius believed that learning and thinking should be combined; learning is the basis for thinking, and thinking helps to deepen understanding. Therefore, learning and thinking should not be neglected and should be combined [1, p. 48]. Action means that action is the ultimate goal. Confucius pointed out the importance of applying what one has learned, and that action is the ultimate goal. Learning is not only about acquiring knowledge, but also about being able to apply what one has learned in real life [1, p. 301].

Revisiting the past to discover the new. This is a very practical educational guideline which means that new understanding and insights can be gained by reviewing what has been learned, and it also refers to reviewing history for new guidance for the present. For example, Confucius was good at playing the zither and had great attainments in music. Confucius' process of learning the zither was a winding. He learned the content of the music and the playing technique, explored the emotional meaning of the piece and probed into the humanistic spirit of the music's author [1, p. 17]. This is a step-by-step process which also confirms the learning method of learning from the past. This method of learning not only had its value in ancient times, but also applies nowadays. People's new knowledge and learning are often developed on the basis of what they have learned in the past.

The development of the reading culture of modern Chinese university students

The reading culture of contemporary Chinese university students. Zhang Shumei, Wang Liming and Hu Haibo launched a sociological survey on the reading status of university students in the information age [8]. The results show that in terms of book selection 10.0 % of students focus on the practicality of reading, prefer to read professional books and are not interested in non-professional books, ignoring the improvement of their comprehensive ability; more than 70.0 % of students can do both; more than 10.0 % of students think that professional books are esoteric and boring, like to read non-professional books and are not interested in professional books, ignoring the enhancement of professionalism. The survey results also show that 81.35 % of students like to read comprehensive books, 37.10 % of students choose social science books, 33.73 % of students prefer natural science books,

18.45 % of students are more likely to read philosophical books, 14.88 % of students study the thoughts of K. Marx, V. I. Lenin and Mao Zedong. This shows that most of the students have a certain reading awareness, interest and a wide reading range. However, as the contents of books on philosophy, Marxism and thoughts of Mao Zedong are more theoretical, students cannot understand the contents of the books or even read them if they do not have a certain amount of patience and time which leads to their disinterest in these two types of books.

In terms of the choice of reading place the results of the survey show that most students like and are used to reading in libraries and dormitories. Only a small number of students have the consciousness of reading anytime and anywhere. They have not yet developed the habit of reading in parks, subways and other places.

Regarding the choice of reading time, the survey results show that 34.52 % of students read for less than 30 min a day, 46.63 % of students read for 30 min to 1 h a day, and 18.85 % of students read for more than 1 h a day. As students' concentration on reading is generally low, they are easily disturbed by external interference and cannot read patiently and persistently, resulting in shorter reading time and lower interest in reading every day.

In response to the question «Do you have your own reading plan?» – 34.96 % of students chose to have a reading plan, while 65.04 % of students did not have one, indicating that most of the students did not have the habit of making a reading plan. The results of the survey show that 18.18 % of students with a reading plan can read more than ten books in a term, and 15.34 % of these students can read five to ten books; 8.32 % of students without a reading plan can read more than ten books in a term, and 7.62 % of these students can read five to ten books. Thus, that most students do not take reading as a daily learning behaviour, do not have planned reading, each reading lasts for a shorter period of time, and do not develop good reading habits.

With regard to the characteristics of Chinese university students' reading cognition, Zhang Fengjuan pointed out in her article [9] that most of the students chose to read in order to achieve a perfect state of mind and body through self-reflection (76.79 %), to increase their knowledge (82.14 %), to improve their reading and writing skills (67.66 %), to enhance their competitiveness (56.35 %) and to form a good personality and a sound character (62.30 %). It can be seen that students' perception of the impact of reading is more in-depth and comprehensive, reflecting that they have a strong awareness of reading and good values.

The results of the survey on reading preferences show that only 20.0 % of students chose the responses «like reading very much» and «do not like reading too much», while only 20.0 % of students chose the variants «like reading a lot» and «like reading in general». The students who choose the responses «like very much» and «like not too much» are only 20.0 %, while those who choose the variants «like more» and «like in general» are 80.0 %. This shows that most of the students do not exclude reading or even like reading, and they have a strong sense of reading.

Zhou Liyuan conducted a survey on seven universities in Luoyang and found that in terms of purpose of reading students chose the answers «leisure and entertainment» (71.23 %), «broadening horizons» (69.84 %), «improving cultivation» (63.89 %), «leisure and entertainment» (71.23 %), «broaden vision» (69.84 %), «improve cultivation» (63.89 %), «professional needs» (53.97 %), «exam preparation» (31.15 %) and «other» (13.49 %) [10, p. 23–24]. According to students reading needs with the intermediary role of consciousness and concept pre-conceive the behavioural goals and results of reading. In the information age, people's reading time gradually decreases, and fragmented information is everywhere, therefore, more

students take «leisure and entertainment» as the purpose of reading, and more students take «professional needs» and «exam preparation» as the purpose of reading.

Problems in the reading culture of contemporary Chinese university students. The rise of new media technology and the popularity of digital screens have provided contemporary Chinese university students with a brand new reading platform, and the acquisition of information has shifted from paper media in the past to electronic products, such as tablet computers, smart phones and e-books. With the accelerated pace of life in modern society, the convenience of electronic reading devices, short and concise content coupled with fragmented time have made more and more Chinese university students' reading style show a tendency of fragmentation [10, p. 71]. According to the survey, the most used reading medium among contemporary Chinese university students is mobile phone reading (55.86 %). The social networks *WeChat*, *QQ* and *Sina Weibo* are main reading platforms. This shows that it is an indisputable fact that the influence of traditional information media is shrinking. This fragmented way of reading permeates all fields of social life and the daily life of university students, bringing great changes to the whole society. On the one hand, this change brings richer information resources and more convenient experience to university students' reading and the dissemination of reading culture. On the other hand, it also brings unprecedented challenges [12, p. 59–60].

Chinese university students tend to be superficial in their choice of reading content. The data show that the most popular reading materials among university students are literary books, entertainment books, practical books and news information. Although a considerable number of students chose to read Chinese classics and traditional works regularly, their enthusiasm for reading world classic philosophical works was obviously low. The survey results demonstrate that 81.35 % students like to read comprehensive books, 18.45 % students prefer to read philosophical books. In today's information-rich era, the reading behaviour of university students is not only for accumulating knowledge, but more importantly, it should be an essential way to promote the depth of thinking. The British philosopher Francis Bacon pointed out: «Reading enriches, discussion sharpens, and writing makes precise» [13, p. 10]. However, university students will not be able to realise the true value of reading if they merely indulge in a sea of information and rely on fragmented shallow reading. As a matter of fact, in-depth thinking is a key part of reading towards deeper development and building cognitive structures. In this process, university students need to truly understand the meaning of knowledge through critical thinking and reflective analysis. This understanding not only enhances their academic abilities, but also improves their quality of life [14, p. 475].

Survey data show that university students' motivation for reading is generally good, and the proportion of university students who take seeking knowledge and

improving personal quality as their main reading purpose is the largest. However, there are still a considerable number of university students who take employment, obtaining professional qualification certificates and entertainment as their main reading purposes. It can be seen that the reading motives of some university students are somewhat irrational, showing a utilitarian tendency. A. Erdem claimed that utilitarian reading is a method of reading that involves acquiring information and knowledge as quickly as possible in order to gain immediate and practical benefits. On the one hand, such reading can enable university students to master knowledge and technology quickly. On the other hand, this kind of reading emphasis on quick success thus easily leading to haste and quick profit, poor reading effect and making the social atmosphere more impetuous [15, p. 3985]. In front of the current severe employment situation, in order to find a better job, reading for utilitarian purposes is reasonable. However, taking this as the primary purpose of reading activities and occupying almost all the reading time is not desirable and belongs to unreasonable reading tendency.

Facing the long-term academic pressure, university students can read for entertainment appropriately to help them relax physically, mentally and then devote themselves to the next step of study in a better state. However, recreational reading should follow the principle of moderation. Excessive recreational reading not only lacks nutrition, but also affects the normal study life of university students. From the survey data of the interviewed university students, it can be seen that a considerable portion of the students take entertainment, relaxation, catharsis and passing time as the main purpose of reading rather than as a supplement to other reading which indicates that there is an irrational tendency of over-entertainment in the reading motivation of the above students. Fan Yan pointed out that although appropriate recreational reading can play a role in adjusting the state and restoring energy, but if you are immersed in recreational reading for a long time, you will lose the main significance of reading, and it is not conducive to the development of education and the development of reading culture [16, p. 115–116].

Promoting the role of Confucian educational canons in the development of reading culture among university students. It is necessary to use Confucian educational classics as a context for the development of a reading culture among university students. The Confucian classics of education, as a valuable heritage of Chinese culture, have not only shaped the concept of education for millenniums, but also remain influential in modern society, especially among university students. For example, the Centre for the Study and Transmission of National Studies at Tsinghua University has incorporated Confucian classics into its curriculum, and through lectures and seminars, students are able to systematically study and understand the thinking of Confu-

cianism. This practice cultivates students' their critical thinking and moral judgement [17, p. 165–166].

Against the backdrop of an information-based society, the reading habits of university students are being challenged by diversified reading styles and fragmented modes of information consumption. To meet this challenge, some higher education institutions have taken innovative measures. For example, the Peking University Library regularly organises the event «Classics reading month», encouraging students to read Confucian classics (works «The analects», «Great learning», «Meanwhile», etc.). Through these activities, students are not only able to improve their personal qualities, but also develop the ability to think independently through in-depth reading.

Using modern technological means to promote Confucian classics is also an effective way. For example, Fudan University has released a series of articles and videos on Confucian educational thought through its official public number on the platform *WeChat*, bringing the wisdom of Confucian classics closer to the daily lives of university students. The dissemination of these contents through online platforms has attracted a large number of students' clicks and discussions thus stimulating their interest in traditional culture. University students themselves should also actively participate in the construction of reading culture. For example, students of Zhejiang University have spontaneously organised an association «Confucian classics study group» to explore the modern significance of Confucian education classics in group discussions. Through this kind of independent study and collective discussion students develop critical thinking and a sense of social responsibility in practice.

Thus, by integrating Confucian educational guidelines into the modern education system, combining them with the dissemination of modern technological means and encouraging students' independent participation university students can be effectively guided to return to the classics and cultivate the habit of in-depth reading. This will promote their all-around development at the level of thinking and spirituality [18, p. 1–2].

In the context of the information age, modern media has become a key way to disseminate knowledge and ideas [19, p. 263]. Confucian educational thought, as the core of traditional Chinese culture, has a significant impact on the value shaping and moral cultivation development of university students. The dissemination of Confucian educational ideas through modern media can effectively enhance the cultural literacy of university students and guide them to build a sound worldview, outlook on life and values. The event «Cloud festival of Confucius» which held in Shandong province in 2022 invited celebrities from all walks of life to participate in the form of short videos and successfully attracted the participation of students from more than 20 universities with a total of 963 short videos collected and a cumulative playback

volume of 12 964 000 times. This activity has not only been widely disseminated in official media at home and abroad, but also aroused heated discussions on new media platforms, effectively creating a social atmosphere that actively advocates and carries forward the excellent traditional Chinese culture, and has become a model for the dissemination of Confucianism in new media. One portal dedicated to Confucianism (<https://confucianism.com>) has published 2675 articles since 2016 with a total word count of 17.53 mln words, covering a wide range of aspects, such as ideological scholarship, cultural commentaries and practical messages, reflecting in a timely manner the dynamics of the development of Confucianism and the latest results of Confucianism research. In Chinese universities, traditional cultural dissemination activities, such as recitation of Confucian classics, lectures on nationalism and practice of nationalism, have become increasingly active, and these activities not only promote the inheritance and development of excellent traditional culture, including Confucianism, but also become a common interest of teachers and students.

The Report on the development of traditional culture education in contemporary China (2018)² noted that the dissemination of Confucian education classics has been reflected in different education stages, including primary and secondary schools, high schools and universities, and has become an important part of promoting excellent traditional culture education. For example, Peking University's project of compiling the collection of Confucian works which compiled by a number of universities within the United Nations and abroad is an important academic project for the rejuvenation of Confucian culture that has attracted the attention of the whole society through the dissemination of new media.

In summary, the use of new media has provided a new platform and opportunity for the dissemination of Confucian educational thought. Through the network guidance of professionals and the integration of new media resources the Confucian education philosophy has been able to be effectively disseminated and deeply understood among university students thus promoting the overall development of university students in terms of values and moral cultivation [20, p. 703].

Confucian educational thought, as the core of traditional Chinese culture, plays a unique and crucial role in enhancing the moral and cultural qualities of individuals. In the current educational environment, combining Confucian educational guidelines with modern educational communication technology is not only a task of inheriting culture, but also an inevitable requirement to adapt to the development of the times.

The canon of tailoring education to the needs of the student has been given a new lease of life with the sup-

port of modern educational technology. With the help of big data analysis tools educators can now identify and respond to student differences with greater precision. These tools are able to track and analyse students' learning habits, ability levels, and interest preferences in order to provide a customised educational experience for each student [21, p. 7]. For example, with an online learning management system teachers can monitor students' progress and identify their strengths and weaknesses in specific subjects. Based on this data, teachers can recommend reading materials for students that match their current learning level and provide targeted tutoring resources. This personalised approach not only improves students' learning efficiency, but also stimulates their interest and enthusiasm for the content. In addition, the implementation of personalised teaching plans helps to develop students' independent learning skills, enabling them to learn at their own pace and style under the guidance of teachers. The flexibility and adaptability of this learning style is important in promoting students' lifelong learning [22, p. 68].

The concept of education for all which emphasises the universality and inclusiveness of education has been newly interpreted and expanded in the digital age. With the rise of digital resources, such as massive open online courses and e-libraries, access to educational resources has become more convenient and equal. These platforms provide all students, with access to high-quality educational content. According to the Report on the development of digital resources in China's higher education³, the establishment of digital libraries and the free sharing of online resources have had a significant impact on promoting educational equity. The report notes that through these digital resources, students from different economic backgrounds are able to access rich reading materials and thus enjoy equal learning opportunities. In addition, the spread of digital educational resources has also helped to narrow the education gap between urban and rural areas, enabling students in remote areas to access the same learning materials as their urban counterparts. This equalisation of educational resources not only enhances the quality of education, but also provides strong support for the cultivation of talents and dissemination of knowledge in society as a whole. Therefore, it is necessary to promote the development of digital education resources to ensure that all students can acquire the necessary knowledge and skills on this platform.

Combining education with enjoyment are strongly supported by modern media technologies, thus becoming more diverse and interactive. Educators can use online platforms to design and implement a variety of innovative reading activities, such as online book clubs

²Yang Dongping, Bao Geli, Liu Huquan. Report on the development of traditional culture education in contemporary China (2018) [Electronic resource] // QQ. URL: <https://book.qq.com/book-read/26322249/19> (date of access: 21.10.2019) (in Chin.).

³Wang Feng, Wang Fan. Report on the development of digital resources in China's higher education [Electronic resource] // Baijiahao. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1793847664080172130&wfr=spider&for=pc> (date of access: 18.03.2024) (in Chin.).

and virtual literary salons which not only stimulate students' enthusiasm for reading, but also help develop their communication skills and teamwork. To ensure the effectiveness of this pedagogical approach educators should carefully design the content of the activities to ensure that they are both interesting and educational. At the same time, consideration should be given to the diverse needs and interests of students and how these activities can be used to promote critical and creative thinking. In addition, educators should evaluate the actual impact of these activities on students' learning outcomes in order to continuously adjust and optimise teaching strategies. In the implementation process, educators can make use of various online tools and platforms, such as interactive whiteboards, real-time voting systems and collaboration software, to enhance student engagement and interactivity. Through these tools students can actively interact, share ideas and ask questions during readings and discussions, thus deepening their understanding and analyses of reading materials in a relaxed and enjoyable atmosphere.

In the field of modern education, the traditional educational canon of revisiting the past to discover the new has been significantly enhanced by educational technology. With the help of intelligent revision systems and online knowledge management tools students are able to review and consolidate their existing knowledge more efficiently and build on it to construct a more comprehensive and in-depth knowledge structure. By providing personalised learning paths and real-time feedback these technological tools support students in identifying and reinforcing knowledge weaknesses during the revision process, thereby facilitating deeper understanding of new knowledge. Existing research has shown that intelligent revision systems can effectively enhance students' learning outcomes. For example, according to a study published in the «Journal of Educational Technology and Media», students adopting intelligent revision systems made significant progress in knowledge acquisition and in-depth understanding. Educators and researchers should further explore how these technological tools can be integrated with traditional teaching methods to

maximise learning outcomes. Attention should also be paid to the application of these tools in different learning environments and student groups to ensure their universality and inclusiveness. Through continuous optimisation and innovation the educational guideline of learning from the past is expected to achieve greater potential with the support of modern educational technology, providing a solid foundation for students' lifelong learning and knowledge renewal.

The canon of balancing learning, thinking and action emphasised by Confucian education aims to achieve the unity of knowledge and action which is particularly important in the development of the reading culture of contemporary university students. This principle advocates that students should not only absorb the knowledge and aesthetic value of literary works, but also transform this knowledge into concrete actions in real life, so as to cultivate and improve their own humanistic qualities. In practice, this means that when reading literary works, university students should think deeply about the themes of friendship, love and responsibility embodied in the works and internalise them into their personal emotional experience and moral code. For example, by reading novels about friendship students can reflect on real-life relationships and explore how to build and maintain deep friendships in modern society. As educator J. Dewey emphasised, education should be a continuum of experience, and through engagement and practice, students are better able to understand knowledge and apply it to the real world [23, p. 175–176].

In summary, Confucian educational guidelines, supported by modern educational communication technologies, are not only better adapted to the needs of contemporary education, but also promote the overall development of university students. Through the effective integration of Confucian educational canons and modern educational technology it will be possible to cultivate a new generation of university students with moral and cultural qualities, as well as innovative spirit and practical ability, and contribute to the sustainable development of the society.

Conclusions

This article delves into the application and value of Confucian educational canons in the development of a reading culture for modern Chinese university students, emphasising the importance of combining traditional educational concepts with modern educational techniques. By analysing the application of Confucian educational canons, such as modifying education according to individual needs, education for all, combining education with enjoyment in current educational practices, this paper reveals the positive effects of these canons on the cultivation of students' interest in

reading, critical thinking and sense of social responsibility. At the same time, the article also points out the challenges that exist in the reading habits and information processing skills of modern university students and proposes corresponding strategies and methods to promote the overall enhancement of reading culture. Through these findings this study provides the field of higher education with new perspectives on promoting the overall development of students and offers useful insights for future educational practice and research.

References

1. Confucius. *Lunyu* [The analects]. Beijing: Zhonghua Book Company; 1954. 315 p. Chinese.
2. Chen Lai. On the basic concepts of Confucian educational thought. *Journal of Peking University (Philosophy and Social Science Edition)*. 2005;5:198–205. Chinese.
3. Dong Zhongshu. *Chunqiu fan lu* [Luxuriant dew of the Spring and Autumn annals]. Su Yuzhuan, Zhong Zhe, compilers. Shanghai: Shanghai Classics Publishing House; 1989. 102 p. Chinese.
4. Jiao Xun. *Megzi de zhengyi* [Justice for Mencius]. Beijing: Zhonghua Book Company; 1954. 1147 p. Chinese.
5. Fung Yu-lan. *Zhongguo zhexue jian shi* [A short history of Chinese philosophy]. Beijing: Peking University Press; 1985. 348 p. Chinese.
6. Zheng Yanmei. An analysis of Confucian educational thought. *Chinese Character Culture*. 2021;1:184–196. Chinese.
7. Wang Xueding. Content, characteristics and contemporary value of pre-Qin Confucian educational thought. *Journal of Liaoning University of Technology*. 2021;23(4):80–88. Chinese.
8. Zhang Shumei, Wang Liming, Hu Haibo. A study on the current situation of reading and optimisation strategies of college students in the information age. *Heilongjiang Archives*. 2023;3:320–327. Chinese.
9. Zhang Fengjuan. Reading promotion strategy of college libraries based on the reading status of college students. *Inner Mongolia Science and Economy*. 2023;5:151–153. Chinese.
10. Zhou Liyuan. Survey and analysis of the current reading status of contemporary college students on the example of colleges and universities in Luoyang city. *Shanxi Youth*. 2022;14:21–27. Chinese.
11. Wang Peilin, Wang Wen. A behavioral study of university students' reading habits under «fragmented reading». *Library Journal of Henan*. 2018;2:90–93. Chinese.
12. Chen Haomin. Exploration of college libraries to promote reading culture construction of college students. *New Reading*. 2021;1:54–60. Chinese.
13. Bacon F. *Lunwen* [Essays]. Shui Tiantong, translator. Beijing: Commercial Press; 1983. 214 p. Chinese.
14. Kamalova LA, Koletvinova ND. The problem of reading and reading culture improvement of students-bachelors of elementary education in modern high institution. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016;4:473–484.
15. Erdem A. A research on reading habits of university students: sample of Ankara University and Erciyes University. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. 2015;174(1):3983–3990. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.1145.
16. Fan Yan. Research on the value of Confucian educational thought in ideological and political education in colleges and universities. *Journal of Xinzhou Normal College*. 2015;31(2):112–119. Chinese.
17. Gorbachev NS. Confucianism. Its influence on the political and socio-economic life of modern China. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik*. 2020;2:165–170. Russian.
18. Wei Qingyun. The influence of traditional Confucian educational philosophical thought on modern university education models. *Knowledge Library*. 2021;10:1–8. Chinese.
19. Bogdanova AA. Modern Internet journalism: interaction of mass media with social networks. In: Lepilkina OI, Gorbachev AM, Shevchenko TS. *Mediachteniya SKFU. Sbornik statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 27 oktyabrya 2017 g.; Stavropol', Rossiya* [Media readings of NCFU. Collection of articles based on the results of the International scientific and practical conference; 2017 October 27; Stavropol, Russia]. Stavropol: Servisshkola; 2017. p. 262–267. Russian.
20. Smirnova AD. Formation and influence of media image in contemporary society: exploring factors and the role of media communication. *Vestnik nauki*. 2023;1(6):703–706. Russian.
21. Dipace A, Loperfido FF, Scarinci A. from big data to learning analytics for a personalized learning experience. *Research on Education and Media*. 2018;10(2):3–9. DOI: 10.1515/rem-2018-0009.
22. Ryan RM, Deci EL. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being. *American Psychologist*. 2000;55(1):68–78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.
23. Dewey J. *Democracy and education*. New York: Macmillan; 1938. 434 p.

Received by editorial board 01.05.2024.

УДК 316.6

ИЕРАРХИЯ МОТИВОВ И СТРУКТУРА МОТИВАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ СТУДЕНТАМИ

И. В. ТКАЧЁВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Определены особенности иерархии мотивов и структуры мотивации использования электронных социальных сетей (ЭСС) студентами в зависимости от их пола, возраста и уровня коммуникативной компетентности. Установлено, что женщины, по сравнению с мужчинами, отдают приоритет мотивам «социальная связность», «фолловинг и наблюдение за другими» и «самовыражение»; структура их мотивации является более организованной, чем структура мотивации обращения мужчин к ЭСС. Указано, что в иерархии мотивов использования данных медиаплатформ обучающимися 17–19 лет в отличие от такой иерархии мотивов, свойственной студентам 20–25 лет, мотивы «самовыражение» и «новые дружеские отношения» разнесены по разным ступеням; в структуре мотивации обращения представителей младшей группы к ЭСС инструментальные мотивы («академические цели» и «информация») имеют больший вес, чем в данной структуре мотивации, относящейся к старшей группе респондентов; в структуре мотивации использования ЭСС студентами 20–25 лет большую роль играет мотив «самовыражение». Выявлено, что мотивы «развлечения» и «социальная связность» занимают более высокое положение в иерархии мотивов использования ЭСС, характерной для студентов с низким уровнем коммуникативной компетентности, чем для студентов с ее средним и высоким уровнями. Отмечено, что структура мотивации обращения обучающихся с высокими показателями коммуникативной компетентности к данным медиаплатформам обладает меньшей организованностью, т. е. использование ЭСС этими респондентами более дифференцировано.

Ключевые слова: мотивы использования электронных социальных сетей; коммуникативная компетентность; иерархия мотивов; структура мотивации; студенты.

Образец цитирования:

Ткачѳв ИВ. Иерархия мотивов и структура мотивации использования электронных социальных сетей студентами. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;1:44–54.
EDN: IAZIXO

For citation:

Tkachov IV. Hierarchy of motives and structure of motivation for the use of electronic social networks by students. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;1:44–54. Russian.
EDN: IAZIXO

Автор:

Иван Валентинович Ткачѳв – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент Г. А. Фофанова.

Author:

Ivan V. Tkachov, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.

tkachovivan13@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-0332-193X>

HIERARCHY OF MOTIVES AND STRUCTURE OF MOTIVATION FOR THE USE OF ELECTRONIC SOCIAL NETWORKS BY STUDENTS

I. V. TKACHOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The peculiarities of the hierarchy of motives and the structure of motivation for the use of electronic social networks (ESN) by students depending on their gender, age and level of communicative competency have been determined. It was found that women, in comparison with men, give priority to the motives «social connectedness», «follower and observation of others» and «self-expression»; the structure of their motivation is more organised than the structure of men's motivation for the use of ESS. It is indicated that in the hierarchy of motives for the use of these media platforms by students 17–19 years old, in contrast to the hierarchy of motives, typical of students 20–25 years old, the motives «self-expression» and «new friendships» are placed on different levels; instrumental motives («academic purposes» and «information») have a greater weight in the structure of motivation of the younger group representatives' appeal to ESN than in this structure of motivation, belonging to the older group of respondents; the motive «self-expression» plays a greater role in the structure of motivation for the use of ESS by students 20–25 years old. It was revealed that the motives «entertainment» and «social connectedness» occupy a higher position in the hierarchy of motives for the use of ESN, characteristic of students with a low level of communicative competency, than for students with its medium and high levels. It has been noted that the structure of motivation for the use of these media platforms by students with high indicators of communicative competency is less organised, i. e. the use of ESN by these respondents is more differentiated.

Keywords: motives for the use of electronic social networks; communication competency; hierarchy of motives; motivation structure; students.

Введение

Использование электронных социальных сетей (ЭСС) является частью повседневной жизни современных белорусских студентов [1]. В рамках цифрового пространства можно удовлетворить широкий спектр потребностей, что и делает эти сервисы популярными. Вместе с тем актуализируется вопрос о мотивации обращения к ЭСС, поскольку понимание причин может помочь в прогнозировании и регулировании последствий данного процесса.

В настоящем исследовании под ЭСС подразумевается сетевая коммуникационная платформа, в которой участники имеют уникальные идентифицируемые профили, состоящие из контента, производимого самим пользователем, контента, предоставляемого другими пользователями, и (или) данных системного уровня; могут взаимодействовать с потоками пользовательского контента, предоставленного их контактами на сайте, потреблять и (или) производить его; имеют возможность публично формировать связи, которые могут просматриваться и исследоваться другими пользователями [2, р. 158]. Мотив определяется как психологическое образование, побуждающее к сознательным действиям и служащее для них основанием¹.

Вопрос мотивации совершения действий в ЭСС обсуждается в рамках теории использования и удовлетворения, согласно которой аудитория этих сервисов является активной, ориентированной на достижение цели и выбор тех медиаплатформ, которые

будут наилучшим образом удовлетворять ее потребности. Кроме того, предполагается, что интернет-пользователи обладают достаточным уровнем самоанализа, чтобы объяснить мотивы обращения к данным платформам [3]. В современной научной литературе рассматриваемый вопрос также часто изучается с опорой на теорию базовых психологических потребностей, разработанную М. Р. Райаном и Э. Л. Дечи. Согласно указанной теории у людей присутствуют врожденные потребности в автономии, компетентности и связности, удовлетворение которых является ключевым фактором достижения благополучия [4]. Автономия выступает потребностью в самостоятельной регуляции переживаний и действий. Компетентность служит потребностью в ощущении своей эффективности при взаимодействии с окружающей средой. Потребность в связности определяется стремлением к установлению социальных связей, родства, близких отношений с другими людьми и ощущением причастности к социальным группам [4]. Исследования показали, что удовлетворение перечисленных выше потребностей положительно связано с удовлетворенностью от использования ЭСС [5; 6]. Данный факт свидетельствует о том, что в основе различных мотивов обращения к указанным сервисам лежат базовые психологические потребности.

Поскольку ЭСС – это коммуникационные платформы, интерес представляет изучение мотивации их использования во взаимосвязи с коммуникативной

¹Ильин Е. П. Мотивация и мотивы : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2002. С. 344.

компетентностью студентов. Под ней понимается интегративное психологическое образование, обеспечивающее познание социальных явлений, понимание эмоций и управление ими, а также мотивацию общения с другими людьми и коммуникативное поведение, содействующее достижению поставленных субъектом коммуникативных целей [7, с. 91]. Исследования показывают, что у обучающихся с высоким уровнем коммуникативной компетентности базовые психологические потребности удовлетворяются больше, а фрустрируются меньше [8]. Данный факт подчеркивает потенциальные различия в мотивации использования ЭСС студентами с различными показателями коммуникативной компетентности.

Проблема связи обращения к ЭСС и социально-психологических характеристик субъектов часто рас-

сматривается исходя из гипотезы социальной компенсации (бедный становится богаче) и гипотезы социального усиления (богатый становится богаче). Согласно первой гипотезе люди, сталкивающиеся с трудностями в социальном взаимодействии лицом к лицу, будут чаще прибегать к компьютерно-опосредованной коммуникации и получать от нее больше выгод [9]. В соответствии со второй гипотезой субъекты, которые являются успешными в межличностном взаимодействии и уже имеют обширный круг социальных связей в реальной жизни, получают больше преимуществ от выхода в интернет [10]. Таким образом, можно предположить, что через эффекты социальной компенсации и социального усиления обуславливается связь коммуникативной компетентности и мотивации использования ЭСС.

Материалы и методы исследования

Для разделения выборки на подгруппы по уровню коммуникативной компетентности применялся кластерный анализ методом *k*-средних. В целях выявления иерархии мотивов использовался *t*-критерий Стьюдента для парных выборок. Определение различий средних значений в разных выборках происходило с помощью *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок. Взаимосвязи между переменными проверялись путем корреляционного анализа по методу Спирмена.

В качестве инструментов измерения коммуникативной компетентности были использованы следую-

щие опросники: опросник социального интеллекта «Тромсё» [11], опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» [12], опросник аффилиативной тенденции и чувствительности к отвержению [13]. Для измерения мотивов использования ЭСС применялся опросник «Мотивы использования электронных социальных сетей» [1].

В выборку исследования вошли 488 студентов, из них 249 мужчин (51,02 %) и 239 женщин (48,98 %), обучающихся в различных учреждениях высшего образования Республики Беларусь. Возрастной диапазон составил 17–25 лет ($M = 19,03 \pm 1,37$).

Результаты и их обсуждение

Иерархия мотивов и структура мотивации использования ЭСС студентами. На рис. 1 изображена иерархия мотивов использования ЭСС для общей выборки студентов. Наиболее сильными являются мотивы «информация» (поиск актуальных новостей и интересующих тем), «развлечения» и «академические цели». К наиболее слабым относятся мотивы «социальное признание» и «новые дружеские отношения». Исследования показывают, что в основе мотивов «информация» и «академические цели» лежит базовая психологическая потребность в компетентности [14]. Мотив «развлечения» может быть связан с желанием ухода от повседневных забот в цифровое пространство для удовлетворения фрустрированной потребности в автономии [15], поскольку ЭСС предоставляют свободу выбора вида развлекательной активности в интернете. Таким образом, можно предположить, что чаще всего обращение студентов к данным медиаплатформам вызвано стремлением удовлетворить базовые психологические потребности в компетентности и автономии.

Структура мотивации использования ЭСС студентами представлена на рис. 2. Она была определена

с помощью структурно-психологического анализа путем установления корреляции между мотивами. В целях оценки степени значимости каждого мотива для структуры мотивации был вычислен их вес [16, с. 152]. На основании полученной матрицы интеркорреляций высчитывались индексы структурной организации: индекс когерентности структуры (ИКС), индекс дивергентности структуры (ИДС) и индекс организованности структуры (ИОС) [16, с. 153].

Необходимо отметить, что структура мотивации характеризуется высоким ИКС (75 баллов). Ее ИДС равен 0 баллам, что свидетельствует о низкой степени рассогласованности элементов. Следовательно, рассматриваемые мотивы использования ЭСС усиливают друг друга, способствуют общей организованности структуры. Наибольший вес в структуре имеют мотивы «социальная связность», «фоллоуинг и наблюдение за другими», «самовыражение» и «информация». Наименьший вес характерен для мотива «новые дружеские отношения», что согласуется с его размещением на предпоследней позиции в иерархии мотивов. Интересно, что мотив «академические цели» также имеет наименьший вес

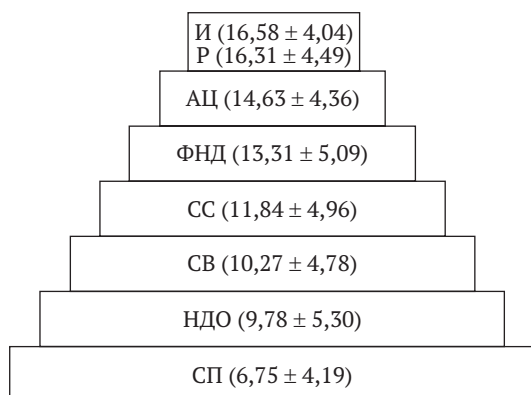

Рис. 1. Иерархия мотивов использования ЭСС студентами:

И – информация; Р – развлечения;
АЦ – академические цели; ФНД – фолловинг
и наблюдение за другими; СС – социальная связность;
СВ – самовыражение; НДО – новые дружеские
отношения; СП – социальное признание

Fig. 1. Hierarchy of motives for the use
of electronic social networks (ESN) by students:

И – information; Р – entertainment;
АЦ – academic purposes; ФНД – following
and monitoring others; СС – social connectedness;
СВ – self-expression; НДО – new friendships;
СП – social recognition

в структуре мотивации при его высоком положении в иерархии мотивов. Такая ситуация может указывать на то, что при высокой значимости обращения респондентов к ЭСС в академических целях данный мотив является более независимым в структуре мотивации.

Иерархия мотивов и структура мотивации использования ЭСС студентами разного пола.

Иерархии мотивов использования ЭСС мужчинами и женщинами представлены на рис. 3. По всем мотивам средние значения выше в женской выборке. Статистически значимые различия выявлены по всем мотивам, кроме мотива «академические цели». Уровень значимости для мотива «новые дружеские от-

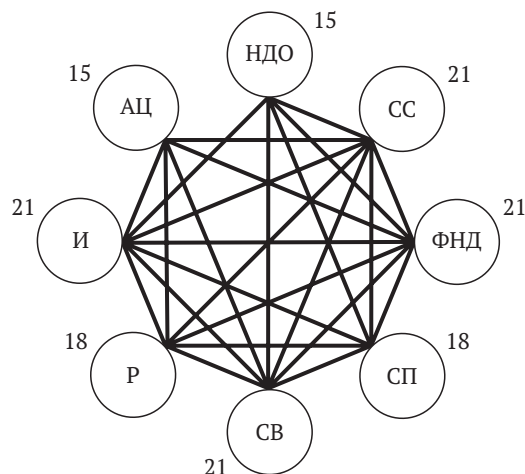

Рис. 2. Структура мотивации использования ЭСС студентами.

Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1. Числа возле кругов означают вес мотивов в структуре мотивации. Полуужирная линия соответствует прямой корреляции при $p \leq 0,01$

Fig. 2. The structure of motivation for the use of ESN by students. Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1. The numbers near the circles denote the weight of the motives in the structure of motivation. Bold line corresponds to a direct correlation at $p \leq 0.01$

ношения» составил 0,026, для остальных мотивов оказался меньше значения 0,001 или равным ему.

В иерархиях присутствуют различия в положении мотивов «фолловинг и наблюдение за другими», «социальная связность» и «самовыражение». Рассмотрим первые два мотива. У женщин мотив «фолловинг и наблюдение за другими» находится на второй ступени иерархии наравне с мотивом «академические цели», а мотив «социальная связность» – на третьей ступени. У мужчин данные мотивы расположены на ступень ниже, чем у женщин; они характеризуются существенно более низкими средними значениями. В соответствии с исследованием [17] женщины в большей степени, чем мужчины, проявляют социальный

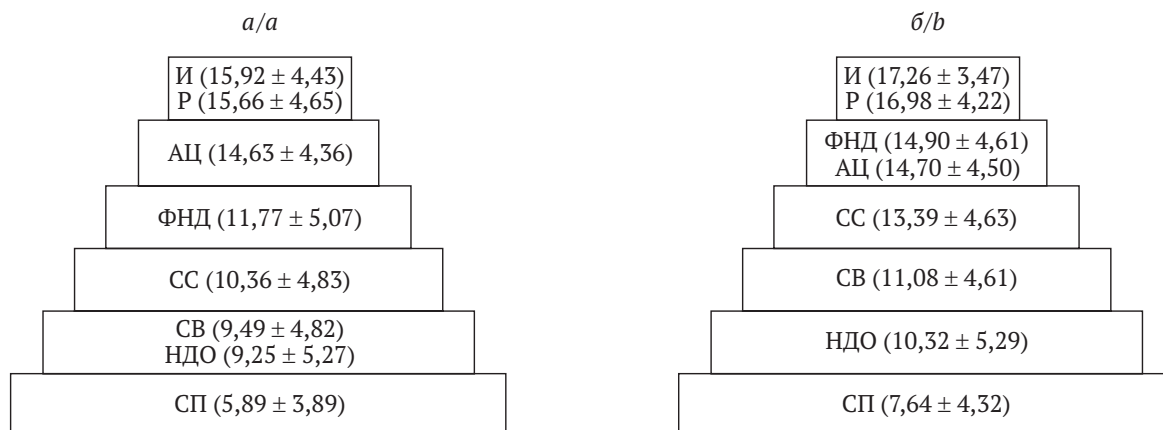

Рис. 3. Иерархии мотивов использования ЭСС мужчинами (а) и женщинами (б).

Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1

Fig. 3. Hierarchies of motives for the use of ESN by men (a) and women (b).

Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1

интерес. Данный факт объясняет доминирование у них рассматриваемых мотивов.

Базовой психологической потребностью, удовлетворяемой мотивом «социальная связность», выступает потребность в связности, поскольку содержательно и концептуально они очень близки друг другу. С удовлетворением названной потребности соотносится и мотив «фолловинг и наблюдение за другими». Об этом свидетельствуют результаты исследований, заключающиеся в том, что наблюдение за друзьями в ЭСС отрицательно коррелирует с чувством одиночества [18]. Кроме того, фолловинг, как процесс просмотра публикаций других пользователей на данных медиаплатформах, приводит к социальному сравнению [18]. В свою очередь, нисходящее социальное сравнение связано с удовлетворением базовой потребности в компетентности, а восходящее социальное сравнение – с ее фрустрацией, что в целом оказывает влияние на самооценку личности [19]. Таким образом, мотив «фолловинг и наблюдение за другими» связан с базовой психологической потребностью в компетентности.

Что касается мотива «самовыражение», то у мужчин он находится на одной ступени с мотивом «новые дружеские отношения», в то время как у женщин эти мотивы разнесены по разным ступеням. Анализируемый мотив связан с самопрезентацией в ЭСС [20], которая, по некоторым исследованиям, в большей степени свойственна женщинам, чем мужчинам [21]. Полученный результат указывает на то, что для жен-

щин самовыражение на данных медиаплатформах играет более значимую роль, чем для мужчин.

Мотив «самовыражение» подразумевает обращение к ЭСС для передачи чувств и мыслей, а также для обсуждения различных тем с другими пользователями. Эти действия предполагают активное проявление человеком себя в цифровом пространстве путем генерации контента. Согласно исследованиям данный процесс связан с удовлетворением базовых психологических потребностей в автономии, компетентности и связности [22]. Таким образом, можно предположить, что в контексте различий в иерархиях мотивов, характерных для мужчин и женщин, это свидетельствует о большей ценности ЭСС в удовлетворении потребностей в связности и компетентности для вторых, чем для первых.

На рис. 4 изображены структуры мотивации использования ЭСС мужчинами и женщинами (значения соответствующих индексов структурной организации приведены в таблице). Более высокий уровень ее организованности у женщин соответствует описанным ранее результатам, согласно которым у них почти по всем мотивам выявлены более высокие показатели, чем у мужчин. Как писал А. А. Карпов, степень структурной организации какой-либо подсистемы психики выступает индикатором ее совершенства и эффективности функционирования [16, с. 154], что в рассматриваемом случае выражается в более сильной мотивации использования ЭСС женщинами, чем мужчинами.

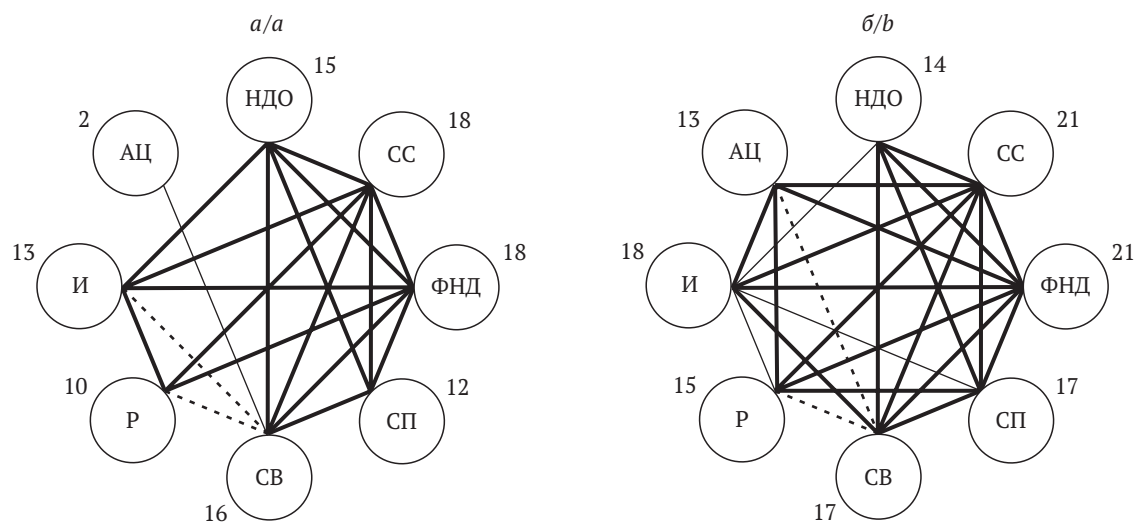

Рис. 4. Структуры мотивации использования ЭСС мужчинами (а) и женщинами (б). Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1. Числа возле кругов означают вес мотивов в структуре мотивации. Полуужирная линия соответствует прямой корреляции при $p \leq 0,01$, светлая линия – прямой корреляции при $p \leq 0,05$, пунктирная линия – прямой корреляции при $p \leq 0,1$

Fig. 4. Structures of motivation for the use of ESN by men (a) and women (b). Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1. The numbers near the circles denote the weight of the motives in the structure of motivation. Bold line indicates to a direct correlation at $p \leq 0.01$, light line corresponds to a direct correlation at $p \leq 0.05$, dashed line indicates direct correlation at $p \leq 0.1$

Значения индексов структурной организации мотивации использования ЭСС студентами в зависимости от их пола, возраста и уровня коммуникативной компетентности, баллы

Values of indices of structural organisation of motivation for the use of ESN by students depending on their gender, age and level of communication competency, points

Индексы структурной организации	Критерии выборки студентов						
	Пол		Возраст, лет		Уровень коммуникативной компетентности		
	Мужской	Женский	От 17 до 19	От 20 до 25	Низкий	Средний	Высокий
ИКС	52	68	69	64	65	67	49
ИДС	0	0	0	0	0	0	0
ИОС	52	68	69	64	65	67	49

При помощи метода экспресс- χ^2 было обнаружено, что структуры мотивации обращения мужчин и женщин к ЭСС являются гомогенными (принципиально подобными) и различаются лишь количественно ($r = 0,78, p = 0,02$) [16, с. 152–153]. Привлекает внимание факт того, что в структуре мотивации на рис. 4, а, мотив «новые дружеские отношения» играет более существенную роль, чем в структуре мотивации на рис. 4, б, в то же время в структуре мотивации на рис. 4, б, мотивы «информация», «социальное признание», «развлечения» и «академические цели» занимают более значимое положение, чем в структуре мотивации на рис. 4, а. Полученные данные свидетельствуют о том, что у мужчин мотив поиска новых друзей в большей степени, чем у женщин, способствует интеграции элементов, составляющих структуру мотивации использования ЭСС. Кроме того, для мужчин более характерны мотивы, которые связаны с удовлетворением базовых потребностей через взаимодействие с другими людьми или потребление контента, относящегося к социальной сфере. Соответственно, в структуре мотивации обращения женщин к ЭСС инструментальные мотивы («информация», «развлечения» и «академические цели») имеют больший вес. Учитывая, что в иерархии

мотивов осуществления действий на данных медиаплатформах мужчинами мотивы «фоллоуинг и наблюдение за другими», «социальная связность» и «самовыражение» занимают средние либо низкие позиции (несмотря на их большой вес в структуре мотивации), можно предположить, что мужчинам сложнее реализовывать эти мотивы в ЭСС, чем женщинам.

Иерархия мотивов и структура мотивации использования ЭСС студентами разных возрастных групп. Выявлены схожие иерархии мотивов использования ЭСС обучающимися 17–19 лет ($M = 18,08 \pm 0,77; n = 288$) и 20–25 лет ($M = 20,38 \pm 0,75; n = 200$), однако есть некоторые различия на нижних ступенях (рис. 5). У студентов 20–25 лет мотивы «самовыражение» и «новые дружеские отношения» занимают одну позицию, при этом у респондентов 17–19 лет эти же мотивы располагаются на разных ступенях и характеризуются более высокими показателями. Уровень статистической значимости для мотива «самовыражение» составил 0,004, для мотива «новые дружеские отношения» – 0,04, для мотива «социальная связность» – 0,05. Полученные данные указывают на то, что респонденты 17–19 лет придают большее значение социальной жизни в ЭСС.

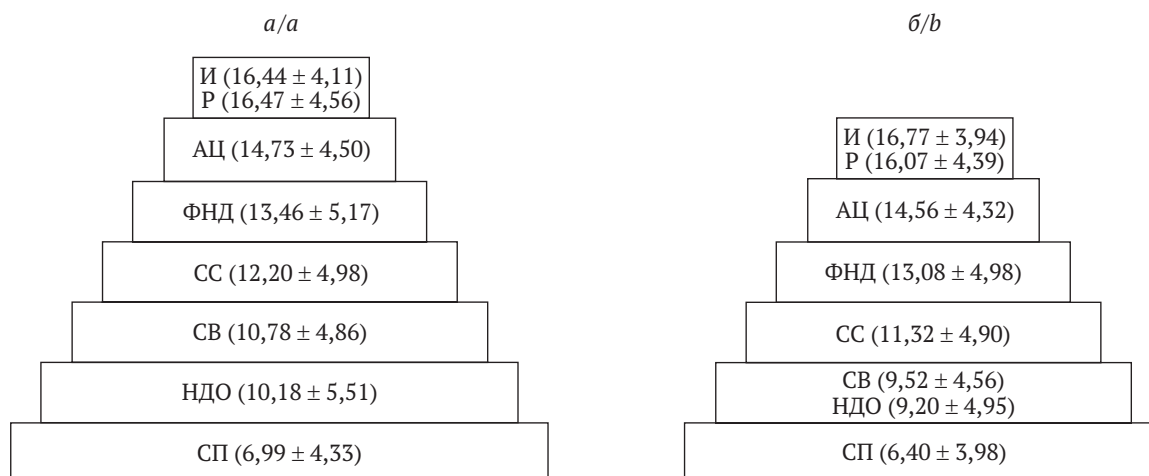

Рис. 5. Иерархии мотивов использования ЭСС студентами 17–19 лет (а) и 20–25 лет (б).

Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1

Fig. 5. Hierarches of motives for the use of ESN by students 17–19 years old (a) and 20–25 years old (b).

Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1

В период адаптации студентов младшего возраста в новой для них среде повышается значимость самовыражения и самопрезентации, что делает эти процессы более осознаваемыми. Можно предположить, что в возрасте 20–25 лет самовыражение и создание новых отношений интегрируются.

Структуры мотивации использования ЭСС студентами 17–19 и 20–25 лет представлены на рис. 6. Организованность у первой структуры выше, чем у второй структуры (см. таблицу). С помощью метода экспресс- χ^2 было выявлено, что данные структуры являются гетерогенными и имеют качественные различия ($r = 0,51, p = 0,28$).

В структуре мотивации обращения респондентов 17–19 лет к ЭСС наибольший вес имеют мотивы «социальная связность», «фоллоуинг и наблюдение за другими» и «информация». Отметим, что в иерархии мотивов мотив «социальная связность» находится на четвертой ступени. Такое расхождение между положением в иерархии мотивов и весом в структуре мотивации указывает на то, что данный мотив, несмотря на относительно невысокую субъективную значимость, играет важную интегрирующую

роль в структуре мотивации студентов младшего возраста. Также для них мотив «информация» имеет большую значимость, чем для респондентов старшего возраста.

Иная ситуация наблюдается в структуре мотивации использования ЭСС обучающимися 20–25 лет: наибольший вес имеет мотив «самовыражение». Этот факт может свидетельствовать о том, что по мере взросления у студентов формируется способ удовлетворения базовых психологических потребностей через самовыражение в ЭСС, которое интегрируется в другие аспекты обращения к таким медиаплатформам. Примечательно, что в структуре мотивации на рис. 6, б, мотив «академические цели» имеет меньший вес, чем в структуре мотивации на рис. 6, а, в то время как в иерархии мотивов использования ЭСС респондентами обеих возрастных групп данный мотив занимает вторую позицию. Указанное несоответствие говорит о том, что у студентов 20–25 лет мотив «академические цели» менее интегрирован в структуру мотивации совершения действий в ЭСС для удовлетворения базовой психологической потребности в компетентности.

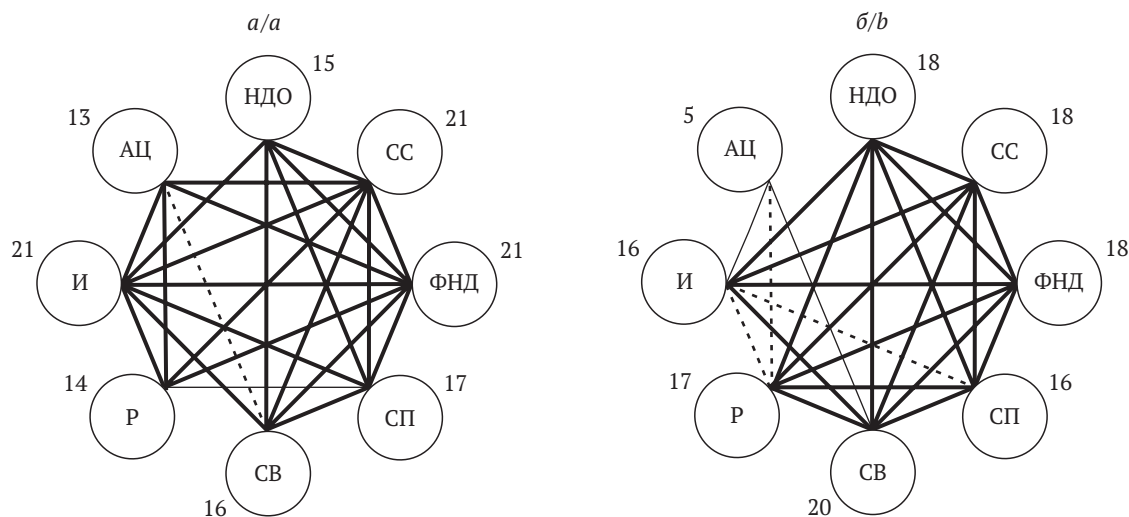

Рис. 6. Структуры мотивации использования ЭСС студентами 17–19 лет (а) и 20–25 лет (б). Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1. Числа возле кругов означают вес мотивов в структуре мотивации. Полу жирная линия соответствует прямой корреляции при $p \leq 0,01$, светлая линия – прямой корреляции при $p \leq 0,05$, пунктирная линия – прямой корреляции при $p \leq 0,1$

Fig. 6. Structures of motivation for the use of ESN by students 17–19 years old (a) and 20–25 years old (b). Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1. The numbers near the circles denote the weight of the motives in the structure of motivation. Bold line indicates direct correlation at $p \leq 0.01$, light line corresponds to a direct correlation at $p \leq 0.05$, dashed line indicates direct correlation at $p \leq 0.1$

Иерархия мотивов и структура мотивации использования ЭСС студентами с различными уровнями коммуникативной компетентности. В результате проведения кластерного анализа при помощи внутренних индексов валидности (РВМ-индекса, точно-бисериального коэффициента корреляции) трехкластерное решение было определено как наиболее оптимальное. Кроме того, была выявлена устойчивость объединения респондентов в кластеры относительно различных методов кластеризации,

их пола и возраста. В итоге были получены группы обучающихся с низким ($n = 128$), средним ($n = 248$) и высоким ($n = 112$) уровнями коммуникативной компетентности.

На рис. 7 показаны иерархии мотивов использования ЭСС студентами с низким, средним и высоким уровнями коммуникативной компетентности. У респондентов с низким уровнем коммуникативной компетентности на первой ступени иерархии стоит мотив «развлечения» и на второй ступени – мотив

«информация», тогда как у обучающихся со средним и высоким уровнями коммуникативной компетентности данные мотивы занимают, наоборот, вторую и первую позицию соответственно. Таким образом, студенты с низкими показателями коммуникативной компетентности ориентированы на развлечения в ЭСС ($p < 0,05$). Можно предположить, что они испытывают более острую психологическую потребность в автономии, чем другие обучающиеся, поскольку она может не удовлетворяться в полном объеме в реальной жизни из-за ограничений, накладываемых низким уровнем коммуникативной компетентности.

Различия присутствуют и в положении мотива «социальная связность». Данный мотив стоит на четвертой ступени наравне с мотивом «фолловинг и наблюдение за другими» в иерархии мотивов на рис. 7, а, и на ступень ниже в иерархиях мотивов на рис. 7, б и в. Наблюдение за другими в интернете подразумевает потребление контента, т. е. пассивное использование ЭСС. Обращение к данным медиаплатформам для получения чувства социальной интегрированности также необязательно предполагает генерацию контента и активное проявление себя. Учитывая, что названные мотивы равнозначны для студентов с низким уровнем коммуникативной компетентности,

можно предположить, что для них в большей степени характерно пассивное (безопасное) использование ЭСС с целью компенсировать недостаточное удовлетворение базовых психологических потребностей в связности и компетентности.

У респондентов с низкими показателями коммуникативной компетентности мотивы «самовыражение» и «новые дружеские отношения» разнесены по разным ступеням иерархии мотивов, тогда как у обучающихся со средними показателями коммуникативной компетентности они занимают одну позицию. Отметим, что в иерархии мотивов осуществления действий в ЭСС студентами с высокими показателями коммуникативной компетентности названные мотивы находятся на одной ступени с мотивом «социальная связность». Уменьшение дифференцированности мотивов «самовыражение» и «новые дружеские отношения» в иерархии при повышении уровня коммуникативной компетентности может свидетельствовать о ее влиянии на возможности реализации мотивов в рамках ЭСС. Для обучающихся с низкими показателями коммуникативной компетентности публикация какого-либо контента на данных сервисах для самовыражения, которое необязательно предполагает построение взаимоотношений,

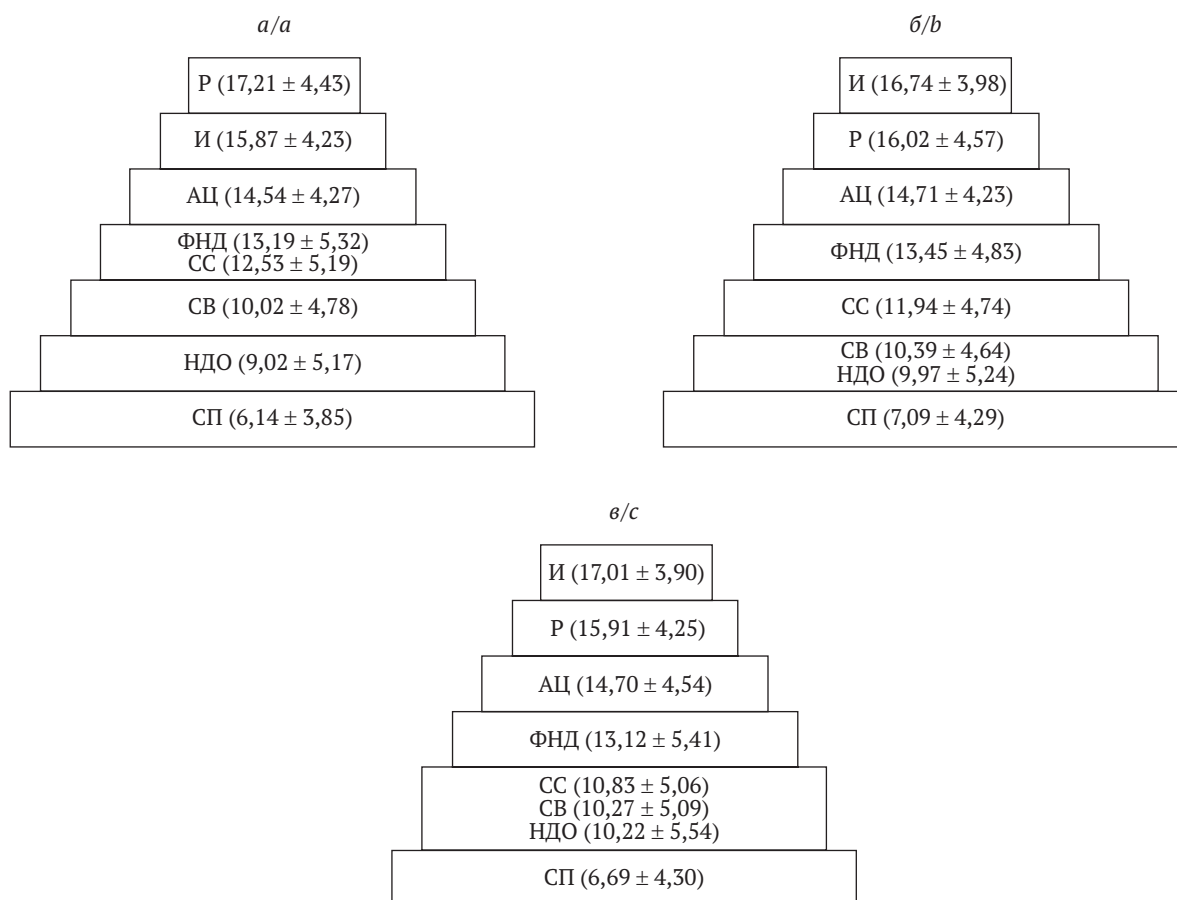

Рис. 7. Иерархии мотивов использования ЭСС студентами с низким (а), средним (б) и высоким (в) уровнями коммуникативной компетентности. Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1

Fig. 7. Hierarchies of motives for the use of ESN by students with low (a), medium (b) and high (c) levels of communication competency. Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1

воспринимается менее небезопасной и более простой в реализации, в то время как поиск новых друзей, подразумевающий установление взаимоотношений и требующий большей коммуникативной компетентности, выступает более затруднительным. В связи с этим мотивы «самовыражение» и «новые дружеские отношения» имеют у них разную силу. У студентов со средними и высокими показателями коммуникативной компетентности данный разрыв проявляется в меньшей степени, что объясняется более развитой коммуникативной компетентностью, которая позволяет самовыражаться и искать новые знакомства в ЭСС с одинаковой сложностью.

Рассмотрим структуры мотивации использования ЭСС студентами с различными уровнями коммуникативной компетентности (рис. 8). По данным таблицы, ИДС составил 0 баллов во всех группах, ИКС имеет существенно более низкое значение в груп-

пе респондентов с высокими показателями коммуникативной компетентности, чем в других группах. Метод экспресс- χ^2 позволил определить, что структура мотивации на рис. 8, а, гомогенна по отношению к структурам мотивации на рис. 8, б ($r = 0,87, p = 0,005$), и рис. 8, в ($r = 0,88, p = 0,004$). В то же время структура мотивации на рис. 8, б, является гетерогенной по отношению к структуре мотивации на рис. 8, в ($r = 0,61, p = 0,107$). С одной стороны, гомогенность структур мотивации использования ЭСС студентами с низкими показателями коммуникативной компетентности по отношению к структурам мотивации, характерным для респондентов со средними и высокими показателями коммуникативной компетентности, обуславливает наличие в них общих черт. С другой стороны, гетерогенность структуры мотивации обращения обучающихся со средним уровнем коммуникативной компетентности к ЭСС

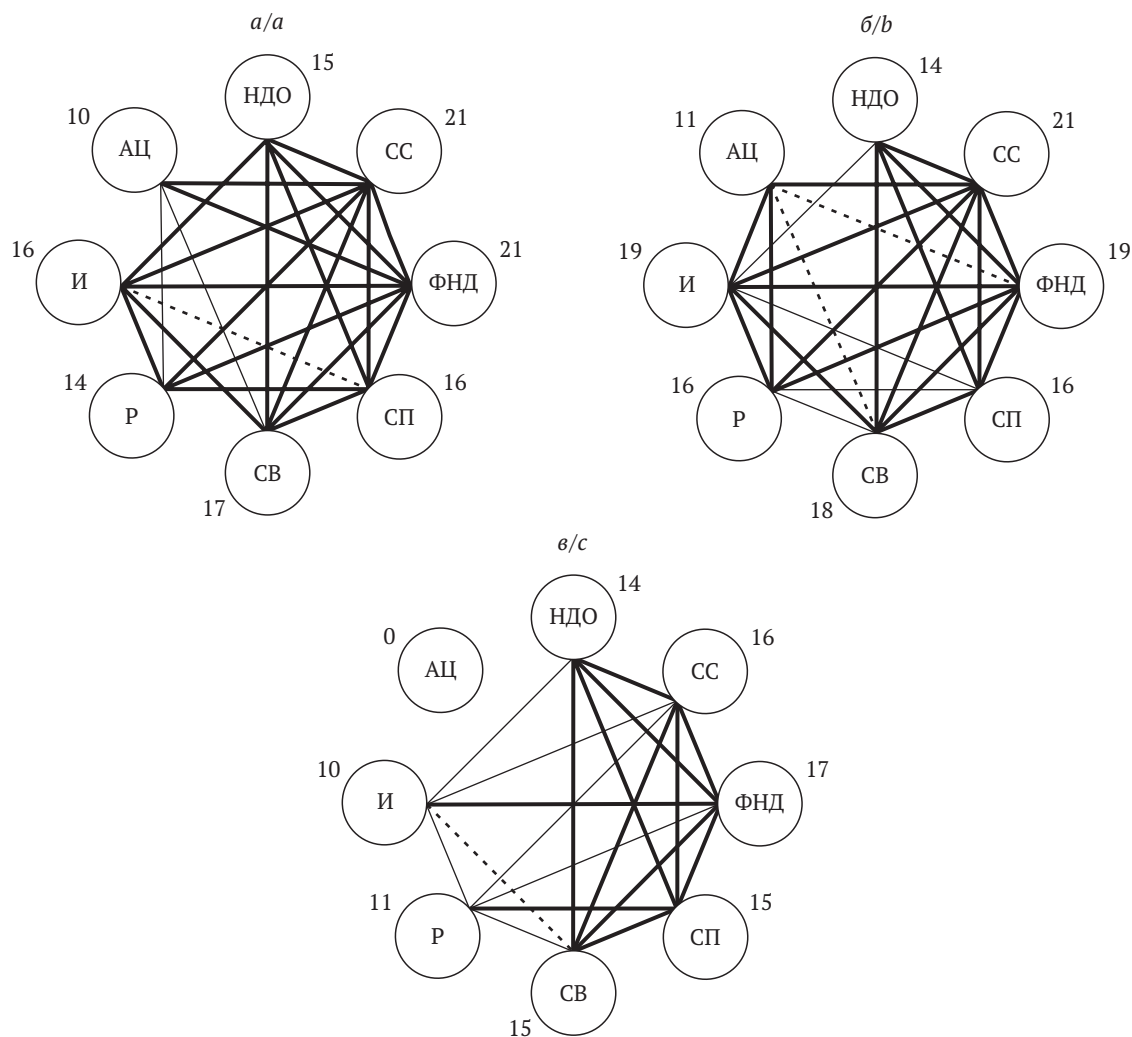

Рис. 8. Структуры мотивации использования ЭСС студентами с низким (а), средним (б) и высоким (в) уровнями коммуникативной компетентности. Расшифровка условных обозначений приведена в подписи к рис. 1. Числа возле кругов означают вес мотивов в структуре мотивации. Полу жирная линия соответствует прямой корреляции при $p \leq 0,01$, светлая линия – прямой корреляции при $p \leq 0,05$, пунктирная линия – прямой корреляции при $p \leq 0,1$

Fig. 8. Structures of motivation for the use of ESN by students with low (a), medium (b) and high (c) levels of communication competency. Deciphering of the symbols is given in the caption to fig. 1. The numbers near the circles denote the weight of the motives in the structure of motivation. Bold line indicates direct correlation at $p \leq 0,01$, light line corresponds to a direct correlation at $p \leq 0,05$, dashed line indicates direct correlation at $p \leq 0,1$

по отношению к такой структуре мотивации, свойственной студентам с высоким уровнем коммуникативной компетентности, может являться следствием перестройки их структуры мотивации.

В структуре мотивации использования ЭСС респондентами с низким уровнем коммуникативной компетентности наибольший вес имеют мотивы «социальная связность» и «фоллоуинг и наблюдение за другими», предполагающие пассивность действий на этих медиаплатформах. Данная ситуация свидетельствует о наличии эффекта социальной компенсации: желание чувствовать связь с другими людьми и наблюдать за их жизнью соотносится с усилением остальных мотивов обращения к ЭСС, несмотря на то что в иерархии мотивов первую ступень занимает мотив «развлечения».

Следует отметить, что структура мотивации использования ЭСС студентами со средними показателями коммуникативной компетентности являет-

ся наиболее равномерной с позиции распределения веса ее элементов.

Что касается респондентов с высоким уровнем коммуникативной компетентности, то их структура мотивации обращения к ЭСС характеризуется меньшей организованностью (мотивы обладают большей независимостью друг от друга). Следовательно, использование таких сервисов данными студентами более дифференцировано. Можно предположить, что они являются более избирательными и прагматичными, лучше осознают цель выхода в цифровое пространство и пути ее достижения. Полученный результат не соответствует гипотезе социального усиления с точки зрения силы мотивов и организованности структуры мотивации, однако это не касается последствий их обращения к ЭСС, которые могут быть отличными от последствий использования этих медиаплатформ студентами с другими показателями коммуникативной компетентности.

Заключение

Результаты настоящего исследования указывают на то, что наиболее сильными мотивами использования ЭСС студентами являются мотивы «информация», «развлечения» и «академические цели». К наиболее слабым мотивам относятся мотивы «социальное признание» и «новые дружеские отношения». Структура мотивации обращения респондентов к данным сервисам характеризуется высокой степенью организованности.

В иерархии мотивов использования ЭСС женщинами наблюдается более высокое положение мотивов «социальная связность», «фоллоуинг и наблюдение за другими» и «самовыражение», чем в такой иерархии, свойственной мужчинам. Исследование позволило предположить, что ЭСС обладают большей ценностью для женщин, которые прибегают к ним для удовлетворения, прежде всего, базовых потребностей в связности и компетентности.

Для студентов 17–19 лет по сравнению с обучающимися 20–25 лет характерно более четкое разделение мотивов «самовыражение» и «новые дружеские отношения», что может быть связано с активным формированием идентичности и установлением социальных связей. У респондентов старшей группы эти мотивы находятся на одном уровне иерархии, что в данный возрастной период может указывать на их интеграцию. Кроме того, студенты 20–25 лет демонстрируют более избирательный подход к ис-

пользованию ЭСС, при котором мотив «самовыражение» становится основным объединяющим компонентом, а мотив «академические цели» реализуется относительно независимо от других мотивов обращения к данным сервисам.

Можно предположить, что респондентам с низким уровнем коммуникативной компетентности в большей степени свойственно пассивное использование ЭСС с целью компенсировать недостаточное удовлетворение базовых психологических потребностей в связности и компетентности. Об эффекте социальной компенсации также может свидетельствовать ведущее положение мотива «развлечения» в иерархии мотивов при явной значимости мотивов «социальная связность» и «фоллоуинг и наблюдение за другими» в структуре мотивации.

Структура мотивации обращения обучающихся со средними показателями коммуникативной компетентности к ЭСС представляется наиболее равномерной с точки зрения распределения веса ее элементов.

В структуре мотивации использования ЭСС студентами с высоким уровнем коммуникативной компетентности мотивы обладают большей независимостью друг от друга. Указанная ситуация может свидетельствовать о том, что обучающиеся являются более избирательными и прагматичными при обращении к таким медиаплатформам.

Библиографические ссылки

1. Ткачѳв ИВ, Фофанова ГА. Адаптация опросника «Мотивы использования электронных социальных сетей» на выборке белорусских студентов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2023;1:82–94.
2. Ellison NB, Boyd DM. Sociality through social network sites. In: Dutton WH, editor. *The Oxford handbook of Internet studies*. Oxford: Oxford University Press; 2013. p. 151–172. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199589074.013.0008.
3. Katz E, Blumler JG, Gurevitch M. Uses and gratifications research. *Public Opinion Quarterly*. 1973;4:509–523. DOI: 10.1086/268109.

4. Ryan RM, Deci EL. *Self-determination theory: basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: Guilford publications; 2017. 756 p.
5. Wang Xuequn, Li Yibai. Users' satisfaction with social network sites: a self-determination perspective. *Journal of Computer Information Systems*. 2016;1:48–54. DOI: 10.1080/08874417.2015.11645800.
6. Xiao Qian, Zhuang Weiling, Hsu MK. Using social networking sites: what is the big attraction? Exploring a mediated moderation relationship. *Journal of Internet Commerce*. 2014;1:45–64. DOI: 10.1080/15332861.2014.898441.
7. Ткачѳв ИВ. Компонентный состав коммуникативной компетентности и ее измерение. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;2:85–92.
8. Hodis GM, Hodis FA. Examining motivation predictors of key communication constructs: an investigation of regulatory focus, need satisfaction, and need frustration. *Personality and Individual Differences*. 2021;2:110985. DOI: 10.1016/j.paid.2021.110985.
9. McKenna K, Bargh JA. Plan 9 from cyberspace: the implications of the internet for personality and social psychology. *Personality and Social Psychology Review*. 2000;1:57–75. DOI: 10.1207/S15327957PSPRO401_6.
10. Kraut RE, Kiesler S, Boneva B, Cummings J, Helgeson V, Crawford A. Internet paradox revisited. *Journal of Social Issues*. 2002;1:49–74. DOI: 10.1111/1540-4560.00248.
11. Наследов АД, Семенов ВЮ. Модификация шкалы социального интеллекта tromsø для российских школьников. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2015;4:5–21.
12. Люсин ДВ. Опросник на эмоциональный интеллект «ЭмИн»: новые психометрические данные. В: Люсин ДВ, Ушаков ДВ, редакторы. *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии РАН; 2009. с. 264–278.
13. Магомед-Эминов МШ. *Мотивация достижения: структура и механизмы* [диссертация]. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; 1987. 343 с.
14. Faye C, Sharpe D. Academic motivation in university: the role of basic psychological needs and identity formation. *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2008;4:189–199. DOI: 10.1037/a0012858.
15. Masur PK, Reinecke L, Ziegele M, Quiring O. The interplay of intrinsic need satisfaction and Facebook specific motives in explaining addictive behavior on Facebook. *Computers in Human Behavior*. 2014;39:376–386. DOI: 10.1016/j.chb.2014.05.047.
16. Карпов АА. *Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности*. Ярославль: Ярославский государственный университет; 2014. 272 с.
17. Archer J. The reality and evolutionary significance of human psychological sex differences. *Biological Reviews of the Cambridge Philosophical Society*. 2019;4:1381–1415. DOI: 10.1111/brv.12507.
18. Hunt M, All K, Burns B, Li K. Too much of a good thing: who we follow, what we do, and how much time we spend on social media affects well-being. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2021;1:46–68. DOI: 10.1521/jscp.2021.40.1.46.
19. Vogel EA, Rose JP, Roberts L, Eckles K. Social comparison, social media, and self-esteem. *Psychology of Popular Media Culture*. 2014;4:206–222. DOI: 10.1037/ppm0000047.
20. Cheung Ting Ting. A study on motives, usage, self-presentation and number of followers on Instagram. *Outstanding Academic Papers by Students of the City University of Hong Kong* [Internet]. 2014 [cited 2025 January 11]. Available from: <http://dspace.cityu.edu.hk/bitstream/2031/7521/1/fulltext.html>.
21. Горбушина ЕА. Особенности самопрезентации в социальных сетях с учетом половых различий. *Психологические исследования*. 2023;4:2. DOI: 10.54359/ps.v16i90.1434.
22. Wang Xuequn, Li Yibai. How trust and need satisfaction motivate producing user-generated content. *Journal of Computer Information Systems*. 2017;1:49–57. DOI: 10.1080/08874417.2016.1181493.

Статья поступила в редколлегию 12.01.2025.
Received by editorial board 12.01.2025.

УДК 316.622

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ТАКТИКАХ РАЗРЕШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОГО КОНФЛИКТА В КИТАЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ СЕМЬЯХ

С. ЧЖАО¹⁾, И. А. ФУРМАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Обсуждаются половые и возрастные различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях. Устанавливается, что под влиянием конфуцианской культуры поведение китайских родителей, прибегающих к насильственным тактикам разрешения конфликта, является приемлемым. Определяется, что для белорусских семей характерны относительно эгалитарные отношения, гибкость в регулировании проблем, тесная межпоколенная связь и открытое выражение эмоций, что повлияло на выбор белорусскими родителями неагрессивных методов для разрешения конфликта с детьми независимо от их возраста.

Ключевые слова: дисциплина; тактики разрешения родительско-детского конфликта; дисциплинирование; психологическая агрессия; телесные наказания; физическая жестокость; проявление жестокости; половозрастные различия.

GENDER AND AGE DIFFERENCES IN PARENT-CHILD CONFLICT RESOLUTION TACTICS IN CHINESE AND BELARUSIAN FAMILIES

S. ZHAO^a, I. A. FOURMANOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: S. Zhao (siluzhao417@gmail.com)

Abstract. Gender and age differences in parent-child conflict resolution tactics in Chinese and Belarusian families are discussed. It is established that under the influence of Confucian culture the behaviour of Chinese parents resorting to violent tactics of conflict resolution is acceptable. It is determined that Belarusian families are characterised by a relatively egalitarian relationship, flexibility in problem solving, close intergenerational communication and open expression of emotions, which influenced Belarusian parents to choose non-aggressive methods to resolve conflict with their children regardless of their age.

Keywords: discipline; parent-child conflict resolution tactics; disciplining; psychological aggression; corporal punishment; physical abuse; display of cruelty; gender and age differences.

Образец цитирования:

Чжао С, Фурманов ИА. Половозрастные различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;1:55–62.
EDN: JCRGOT

For citation:

Zhao S, Fourmanov IA. Gender and age differences in parent-child conflict resolution tactics in Chinese and Belarusian families. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;1:55–62. Russian.
EDN: JCRGOT

Авторы:

Сылу Чжао – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – И. А. Фурманов.
Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Silu Zhao, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
siluzhao417@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0001-1785-9335>
Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
fourmigor@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>

Введение

Семья является первым социальным окружением, в котором формируется личность ребенка. Именно в семье на основе родительских ожиданий принимаются решения о стиле воспитания, разрешении родительско-детского конфликта, обеспечении доступа к таким ресурсам, как образование и медицина, создании и поддержании благоприятной обстановки и т. д. Принятые родителями решения имплицитно или эксплицитно влияют на психологическое состояние и процесс социализации ребенка. Важно отметить, что семья, как социальная среда, подвержена воздействию культурных и общественных традиций и норм. Следовательно, в разных культурных регионах аспекты внутрисемейных отношений, в частности тактики разрешения родительско-детского конфликта и стили семейного поведения и воспитания, будут иметь как сходства, так и различия.

В китайском обществе, которое существует уже тысячи лет, под влиянием конфуцианства сформировалась уникальная культурная и морально-этическая система, имеющая комплекс нормативных, в том числе семейных, ценностей. Такой ценностью является феномен «сыновняя почтительность», обозначаемый иероглифом 孝 (xiào) и включающий аспекты поддержки, уважения и послушания родителей. Согласно Конфуцию сыновняя почтительность – помощь родителям в их делах (поведенческий уровень); обеспечение родителей средствами к существованию и забота об их достойном погребении (материальный уровень); соответствие ожиданиям родителей и отсутствие агрессивных проявлений по отношению к ним (духовный уровень) [1].

Для культуры сыновней почтительности характерны следующие особенности воспитания детей.

1. Ответственность детей перед родителями. Эта культура основывается на неравных отношениях между родителями и детьми. Обязанности существуют только для детей [1].

2. Авторитетное положение родителей в семье. Культура сыновней почтительности развивалась в контексте китайского феодального общества, которое базировалось на кровнородственных связях. Была выстроена такая иерархия отношений, в которых родители и дети не относились к одному классу. Соответственно, в семье родители также занимали вышестоящее положение, для них было вполне приемлемо использовать жесткие методы воспитания, включая телесные наказания [2].

3. Обязанность детей по обеспечению родителей. Согласно идеям Конфуция родители дают жизнь своим детям, воспитывают их, помогают им в обучении и существовании в обществе. По этой причине дети должны обеспечивать их [2; 3].

4. Материнское участие. Матери вносят большой вклад в семью, особенно в воспитание детей, чем отцы, и эта традиция продолжается до настоящего

времени [4]. Однако данные исследований о том, кто из родителей является более жестким воспитателем, противоречивы.

Современная общественно-экономическая ситуация, социальный контекст культурного плюрализма и вестернизации, распространение средств массовой информации привели к тому, что китайская культура сыновней почтительности часто становится несовместимой с представлением людей о семье и морали. С расширением прав детей и определенной гуманизацией семейного воспитания некоторые взгляды родителей меняются, что влияет на преобразование и традиционных способов дисциплины. Однако родители по-прежнему отдают предпочтение жестким методам воспитания, чтобы скорректировать поведение детей и утвердить собственный авторитет. В работах [5–7] подтверждается, что стили семейного воспитания передаются из поколения в поколение.

Результаты исследования [8] показали, что уровень телесных наказаний детей со стороны китайских родителей составил 62,4 %. Кроме того, было обнаружено, что, несмотря на отсутствие существенной разницы в количестве угроз телесных наказаний, частота их применения в отношении мальчиков была значительно выше, чем в отношении девочек. Ван Фэньян и его коллеги [9], а также Лян Емэй [10] выявили те же закономерности. Согласно исследованию Вэй Линь и Сюй Чжаочжун [11] в подростковом возрасте девочки чаще конфликтуют с родителями, с одной стороны, ввиду большого внимания к их послушанию в традиционной китайской культуре, а с другой – по причине развития самосознания. В то же время в публикациях [9; 10] отмечено, что мальчики чаще конфликтуют с родителями, поскольку проявляют большую независимость, чем девочки, которые под влиянием культуры и ожиданий, связанных с гендерными ролями в обществе, в основном выбирают компромиссную тактику для решения разногласий. Луа Ронхуэй также обнаружил, что к моменту достижения ранней взрослости у юношей частота и степень родительско-детских конфликтов выше, чем у девушек, однако большинство студентов независимо от пола выбирают тактику компромисса, соперничества или избегания [12]. И. А. Фурманов [13; 14] считает, что существуют сильные различия в воспитании детей разных полов. Например, девочки подвержены более жесткой дисциплине. Ван Чжэлань указал, что белорусским семьям в отличие от китайских свойственны равноправные отношения, тесные межпоколенческие связи и открытое выражение эмоций [15; 16], что говорит о применении родителями-белорусами неагрессивных методов для решения конфликтов с детьми независимо от их пола и возраста. Важно отметить, что в китайских семьях частота использования агрессивных

методов воспитания в отношении мальчиков по сравнению с девочками по мере их взросления значительно снижается, что согласуется с результатами исследования [4].

Обзор литературы по теме настоящего исследования показал, что в тактиках разрешения родительско-детского конфликта существуют половые и возрастные различия. Кросс-культурное изучение данных

тактик с точки зрения социальной психологии ограничивается сопоставлением восточной и западной, а именно евро-американской, культур. Исследования же в области сравнения азиатской и славянской культур единичны. Таким образом, цель данной работы – обнаружение и рассмотрение половозрастных различий в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях.

Материалы и методы исследования

Для исследования способов разрешения родителями (в отдельности отцом и матерью) конфликта с ребенком использовалась шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте (*parent-child conflict tactics scale*), разработанная М. А. Строссом¹ [17] и адаптированная И. А. Фурмановым для русскоязычной выборки [18] и К. Чаном [19] для китайскоязычной выборки. Она состоит из 22 утверждений, каждое из которых оценивалось по шкале Ликерта (1 баллу соответствует ответ «никогда», 2 баллам – ответ «почти никогда», 3 баллам – ответ «иногда», 4 баллам – ответ «почти всегда» и 5 баллам – ответ «всегда»). Шкала включает в себя субшкалы, именуемые как физическая жестокость, проявление жесто-

кости, телесные наказания, психологическая агрессия и дисциплинирование. В работе использовались два варианта шкалы: первый вариант позволил зафиксировать и оценить тактики разрешения родительско-детского конфликта в период детства, второй вариант – в период ранней взрослости.

Выборку составили 307 человек, а именно китайские (80 мужчин и 75 женщин) и белорусские (72 мужчины и 80 женщин) студенты, в возрасте 19–29 лет. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью программы *SPSS Statistics 13.0*. Эта процедура включала расчет средних, средних стандартных отклонений, а также *t*-критерия Стьюдента для зависимых выборок.

Результаты и их обсуждение

Китайские семьи. На рис. 1 представлены результаты исследования тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях в зависимости от пола ребенка (период детства). Определено, что чаще в отношении мальчиков, чем девочек, родители используют тактику дисциплинирования ($t = -2,290, p = 0,023$), а также прибегают к телесным наказаниям ($t = -1,848, p = 0,066$). Статистически значимые различия по остальным показателям отсутствуют. Полученные выводы согласуются с данными

исследований [8–10]. Причина описанного отношения родителей к сыновьям в детстве связана с их желанием укрепить авторитетное положение в семье, на которое отрицательно воздействуют конфликты. Участниками данных конфликтов чаще становятся мальчики, поскольку они, по сравнению с девочками, в большей мере подвергают сомнению или опровергают слова, чаще проявляют независимость, игнорируют мнение родителей и, как следствие, не подчиняются им.

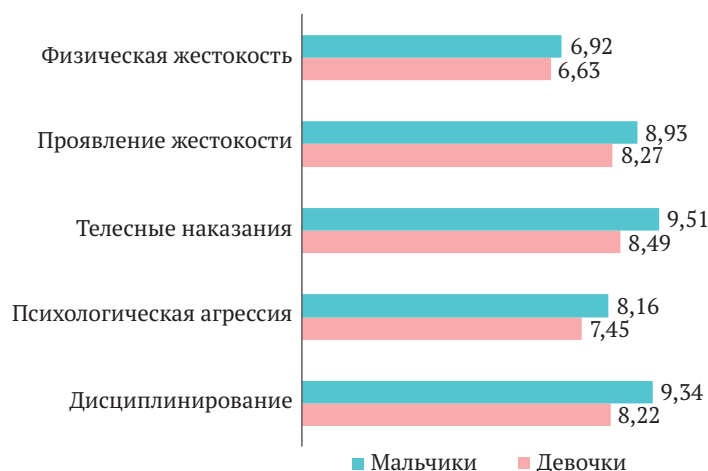

Рис. 1. Тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях в зависимости от пола ребенка (период детства), баллы

Fig. 1. Tactics of parent-child conflict resolution in Chinese families depending on the child's gender (childhood period), points

¹Straus M. A. The multidimensional neglectful behavior scale. Form A: adolescent and adult-recall version // Internet archive : site. URL: <http://pubpages.unh.edu/~mas2/> (date of access: 13.02.2022).

Результаты анализа тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях в зависимости от пола ребенка (период ранней взрослости) отражены на рис. 2. Статистически значимые различия по всем показателям не обнаружены. Причиной такой ситуации может служить снижение

частоты родительско-детских конфликтов в данный период ввиду сепарации детей от родителей и их большей автономности, обусловленных учебными или рабочими обязанностями [20]. В связи с этим родители предпочитают разрешать конфликты более равноправно.

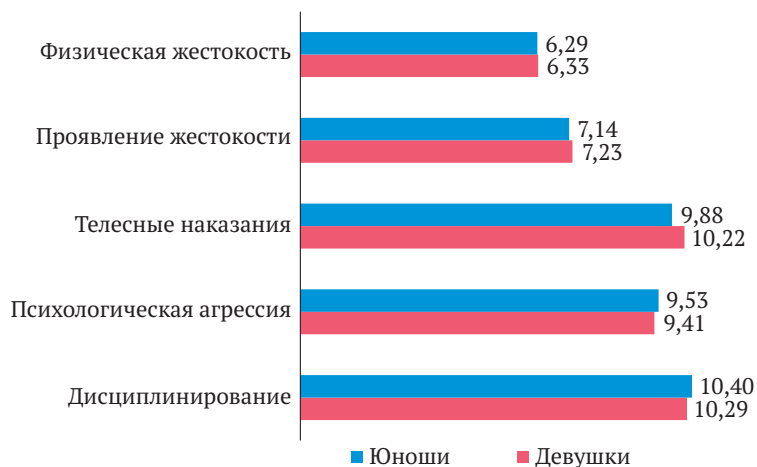

Рис. 2. Тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях в зависимости от пола ребенка (период ранней взрослости), баллы
 Fig. 2. Tactics of parent-child conflict resolution in Chinese families depending on the child's gender (early adulthood period), points

Белорусские семьи. Данные, полученные при изучении тактик разрешения родительско-детского конфликта в белорусских семьях в зависимости от пола ребенка (период детства) (рис. 3), свидетельствуют о том, что родители применяют тактику психологической агрессии чаще в отношении девочек, чем маль-

чиков ($t = 2,195, p = 0,030$). Статистически значимые различия по остальным показателям не были выявлены. Такое отношение к девочкам объясняется озабоченностью их поведением со стороны родителей, что связано с разницей в восприятии и оценке нормативности моделей поведения мальчиков и девочек.

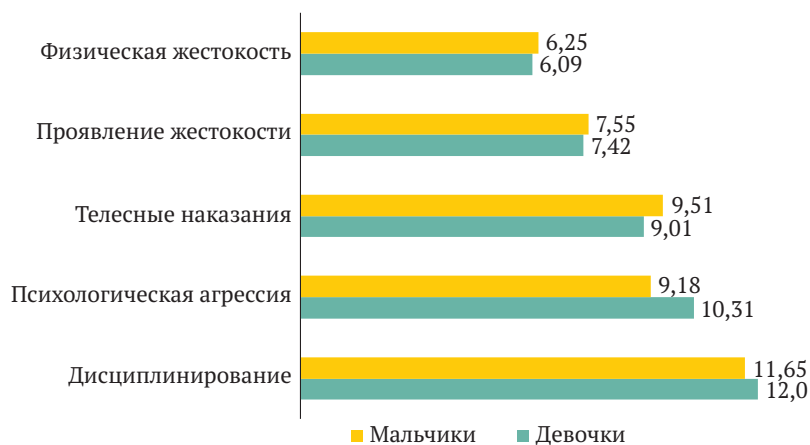

Рис. 3. Тактики разрешения родительско-детского конфликта в белорусских семьях в зависимости от пола ребенка (период детства), баллы
 Fig. 3. Tactics of parent-child conflict resolution in Belarusian families depending on the child's gender (childhood period), points

В белорусских семьях, как и в китайских, статистически значимые различия в применении тактик разрешения родительско-детского конфликта в зависимости от пола ребенка (период ранней взрослости) не установлены (рис. 4). Такая ситуация может

быть вызвана уменьшением количества родительско-детских конфликтов вследствие большей самостоятельности детей и признания родителями их взрослости. Полученные данные частично согласуются с результатами подобных исследований [15; 16].

Рис. 4. Тактики разрешения родительско-детского конфликта в белорусских семьях в зависимости от пола ребенка (период ранней взрослости), баллы

Fig. 4. Tactics of parent-child conflict resolution in Belarusian families depending on the child's gender (early adulthood period), points

Кросс-культурные различия китайских и белорусских семей. В результате сопоставления тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в отношении девочек (период детства) (рис. 5) было обнаружено, что

китайские родители чаще используют тактику физической жестокости ($t = 2,127, p = 0,035$), в то время как белорусские родители ориентированы на применение тактик психологической агрессии ($t = -5,245, p < 0,001$) и дисциплинирования ($t = -8,482, p < 0,001$).

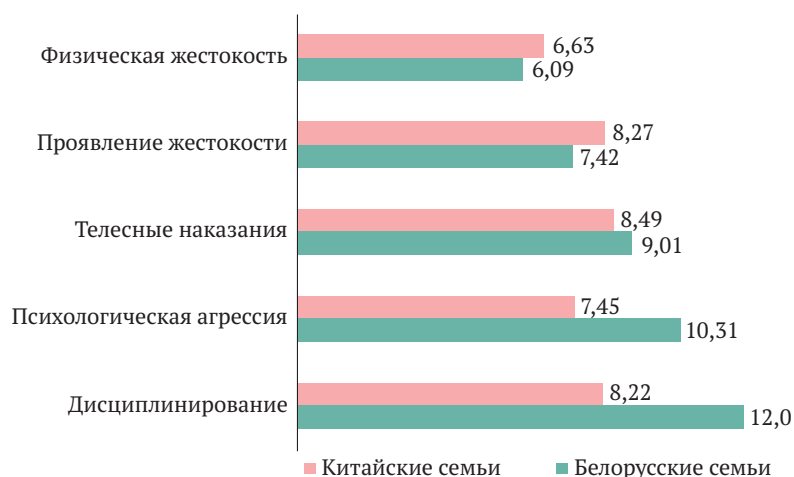

Рис. 5. Тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в отношении девочек (период детства), баллы

Fig. 5. Tactics of parent-child conflict resolution in Chinese and Belarusian families in relation to girls (childhood period), points

Что касается тактик разрешения конфликта между родителями и их сыновьями (период детства) (рис. 6), то для китайских семей характерны тактики физической жестокости ($t = 2,815, p = 0,006$) и проявления жестокости ($t = 3,092, p = 0,002$). Белорусские родители часто решают проблемы путем использования тактик психологической агрессии ($t = -2,635, p = 0,009$) и дисциплинирования ($t = -5,762, p < 0,001$).

На рис. 7 отражены результаты рассмотрения тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в отношении девушек (период ранней взрослости). Выявлено, что в китайских семьях чаще применяются тактики физической жестокости ($t = 2,915, p = 0,004$), проявления

жестокости ($t = 4,165, p < 0,001$) и телесных наказаний ($t = 4,130, p < 0,001$), а в белорусских семьях – тактики психологической агрессии ($t = -1,989, p = 0,048$) и дисциплинирования ($t = -3,958, p < 0,001$).

Установлены некоторые различия в использовании тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в отношении юношей (период ранней взрослости) (рис. 8). Китайским семьям свойственно применение тактик физической жестокости ($t = 2,209, p = 0,029$), проявления жестокости ($t = 4,613, p < 0,001$) и телесных наказаний ($t = 4,308, p < 0,001$), в то же время белорусским семьям – тактики дисциплинирования ($t = -3,543, p = 0,001$).

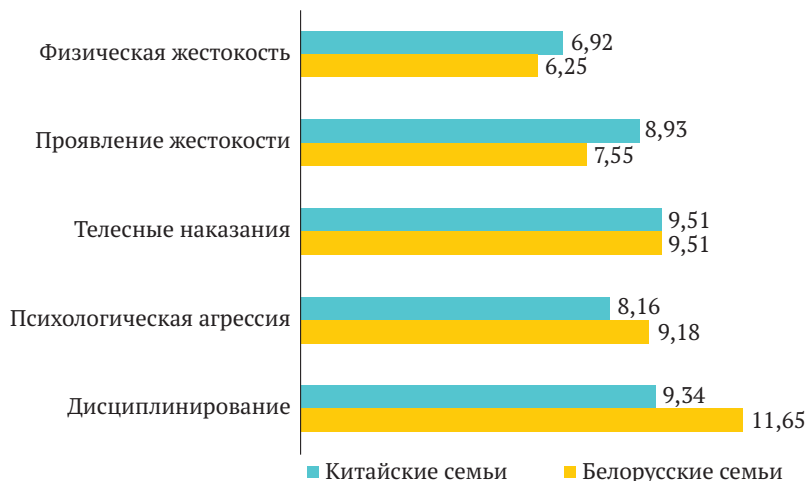

Рис. 6. Тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в отношении мальчиков (период детства), баллы
 Fig. 6. Tactics of parent-child conflict resolution in Chinese and Belarusian families in relation to boys (childhood period), points

Рис. 7. Тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в отношении девочек (период ранней взрослости), баллы
 Fig. 7. Tactics of parent-child conflict resolution in Chinese and Belarusian families in relation to girls (early adulthood period), points

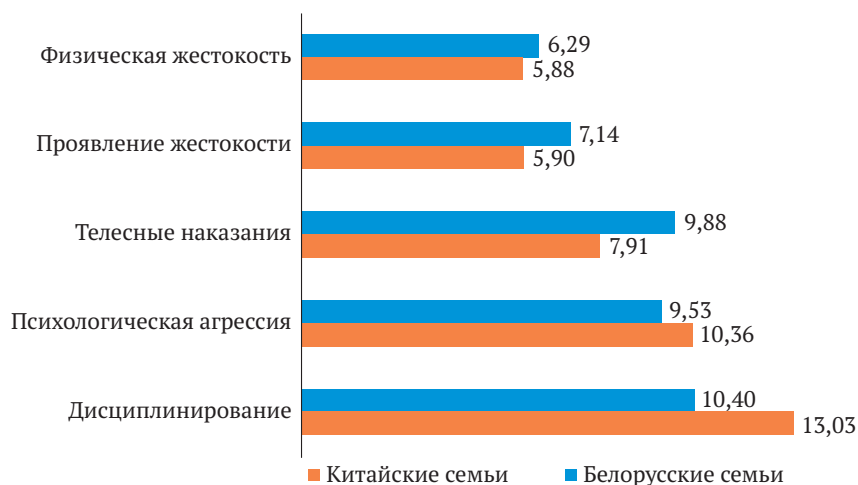

Рис. 8. Тактики разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях в отношении юношей (период ранней взрослости), баллы
 Fig. 8. Tactics of parent-child conflict resolution in Chinese and Belarusian families in relation to boys (early adulthood period), points

Таким образом, сравнительный анализ позволяет сделать вывод о том, что китайские родители склонны к использованию насильственных воспитательных методов по отношению к ребенку независимо от

его возраста. Кроме того, установлено, что белорусские родители чаще прибегают к более мягким тактикам воспитания, в частности к тактикам дисциплинирования и психологической агрессии.

Заключение

Китайские родители, по сравнению с белорусскими, чаще утверждают свой авторитет в семье, добиваются послушания детей с помощью насильственных тактик разрешения конфликта, чем и стимулируют их независимо от возраста к достижению более высоких академических, социальных и моральных целей. Применение насилия в названных целях распространено в китайских семьях ввиду преемственности традиций [21]. Иными словами, чем чаще в детстве выходцы из китайских семей испытывали насилие по отношению к себе, тем чаще они действуют подобным образом в отношении собственных детей [22]. Под влиянием канонов конфуцианства поведение родителей, прибегающих к на-

сильственному разрешению конфликта с детьми, является приемлемым.

Представителям славянской культуры свойственно построение семьи с опорой на принципы заботы и любви. В белорусских семьях считается, что гибкость в решении семейных проблем – путь к счастью. Неагрессивное разрешение родительско-детского конфликта независимо от пола и возраста ребенка придает ему уверенность в будущем и благоприятно влияет на атмосферу в семье. По этим причинам белорусские семьи, по сравнению с китайскими, характеризуются относительно эгалитарными отношениями, тесной межпоколенной связью и открытым выражением эмоций.

Библиографические ссылки

1. 贺才乐, 胡志群. 中国传统孝德及其现代转型探讨. 理论与改革. 2010;5:110–112 = Хэ Кайле, Ху Чжицюнь. Традиционная китайская сыновья почтительность сяо и ее современная трансформация. *Теория и реформа*. 2010;5:110–112.
2. 王玉妹. 中华传统孝文化的历史演进及当代价值. 天中学刊. 2022;37(3):137–142 = Ван Юшу. Историческая эволюция и современное значение китайской традиционной культуры сыновней почтительности. *Журнал Тяньцзиньского университета науки и технологий*. 2022;37(3):137–142.
3. 李野. 儒家孝文化与大学生思想政治教育. 世纪桥. 2019;3:68 = Ли Й. Конфуцианская культура сыновней почтительности и идеологическо-политическое воспитание студентов колледжей. *Вековой мост*. 2019;3:68.
4. Чжао Сылу, Фурманов ИА. Тенденции в возрастной динамике применения тактик разрешения родительско-детского конфликта в китайских семьях. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;2:66–75.
5. 宋占美, 王芳, 王美芳. 学前儿童父母严厉管教的代际传递: 基于主客体互倚性模型的分析. 中国临床心理学杂志. 2020;2(3):556–560 = Сон Чжаньмэй, Ван Фан, Ван Мэйфан. Межпоколенная передача жесткого родительского воспитания у детей дошкольного возраста: анализ на основе модели субъект-объектной взаимности. *Китайский журнал клинической психологии*. 2020;2(3):556–560.
6. Fang Wang, Meifang Wang, Xiaopei Xing. Attitudes mediate the intergenerational transmission of corporal punishment in China. *Child Abuse & Neglect*. 2018;76:34–43. DOI: 10.1016/j.chiabu.2017.10.003.
7. Widom CS, Czaja SJ, DuMont KA. Intergenerational transmission of child abuse and neglect: real or detection bias? *Science*. 2015;347:1480–1485. DOI: 10.1126/science.1259917.
8. 杨林胜, 赵淑英, 尹逊强等, 黄涛. 家庭中儿童躯体虐待及影响因素分析. 实用预防医学. 2004;2:242–244 = Ян Линьшэн, Чжао Шуйин, Инь Сюньцян, Хуан Тао. Анализ физического насилия над детьми в семье и факторы, влияющие на него. *Практическая профилактическая медицина*. 2004;2:242–244.
9. 王粉燕, 陈晶琦, 马玉霞. 包头市810名幼儿父母躯体暴力行为调查. 中国学校卫生. 2007;11:987–988 = Ван Фэньян, Чэнь Цзинци, Ма Юйся. Исследование соматического насилия среди 810 детей в городе Баотоу. *Китайское школьное здравоохранение*. 2007;11:987–988.
10. 梁业梅. 学前儿童父母体罚的特点及影响因素分析. 大庆师范学院学报. 2018;38(1):152–157 = Лян Емэй. Характеристики и факторы влияния родительских телесных наказаний на детей дошкольного возраста. *Исследование Дацинского педагогического колледжа*. 2018;38(1):152–157.
11. 魏玲, 徐兆中. 初中生亲子冲突研究现状. 当代教育论坛. 2006;20:59–61 = Вэй Линь, Сюй Чжаочжун. Современное состояние исследований в области конфликта между родителями и учащимися младших классов. *Современный образовательный форум*. 2006;20:59–61.
12. 陆蓉慧. 应用型本科高校大学生亲子冲突的特点及解决策略研究. 大学教育. 2020;10:151–154 = Лу Ронхуэй. Исследование характеристик и тактик разрешения родительско-детского конфликта среди бакалавров университетов прикладных наук. *Университетское образование*. 2020;10:151–154.
13. Фурманов ИА. Структура дисциплинарных воздействий при разрешении родительско-детского конфликта. *Психология*. 2008;3:9–12.
14. Фурманов ИА. Согласованность тактик разрешения родительско-детского конфликта при дисциплинировании ребенка. *Психологический журнал (Минск)*. 2009;3:76–82.
15. Ван Чжэлань. Тактики разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях в периоды детства и ранней взрослости. В: Белорусский государственный университет. *Человек. Культура. Общество. Материалы X ежегодной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов факультета философии и социальных наук БГУ; 18 апреля 2013 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2014. с. 7–8.

16. Ван Чжэлань. Взаимосвязь тактик разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях в периоды детства и ранней взрослости. В: Белорусский государственный университет. *Психология глазами студентов. Материалы X ежегодной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов факультета философии и социальных наук; 18 апреля 2013 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2013. с. 4–6.

17. Straus MA, Hamby SL, Finkelhor DF, Moore DW, Runyan D. Identification of child maltreatment with the parent-child conflict tactics scales: development and psychometric data for a national sample of American parents. *Child Abuse & Neglect*. 1998;22(4):249–270. DOI: 10.1016/s0145-2134(97)00174-9.

18. Фурманов ИА. Дисциплинирование ребенка: тактики разрешения родительско-детского конфликта. *Психологический журнал (Минск)*. 2008;4:74–81.

19. Chan Kolling. *Study on child abuse and spouse battering: report on findings of household survey*. Hong Kong: University of Hong Kong; 2005. 132 p.

20. 唐文辉. 大学生亲子冲突及其建设性转化的研究 [论文]. 南京: 南京师范大学; 2018. 101 页 = Тан Вэньхуэй. *Исследование родительско-детского конфликта и его конструктивной трансформации у студентов* [диссертация]. Нанкин: Нанкинский педагогический университет; 2018. 101 с.

21. Фурманов ИА, Медведская ЕИ, Пархомович ВБ, Аксютчиц ИВ, Аладьин АА, Даниленко АВ и др. *Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях*. Брест: Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина; 2014. 261 с.

22. 邢晓沛. 父母体罚的变化趋势、影响因素及与儿童青少年问题行为的关系 [论文]. 山东: 山东师范大学; 2024. 146 页 = Синь Сяопэй. *Тенденции и факторы родительских телесных наказаний и проблемного поведения детей и подростков* [диссертация]. Шаньдун: Шаньдунский педагогический университет; 2024. 146 с.

Статья поступила в редколлегию 14.11.2024.
Received by editorial board 14.11.2024.

УДК 159.99

АТТИТЮДЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОБОТИЗАЦИИ КАК ПРЕДИКТОР ПРОЯВЛЕНИЯ ЭФФЕКТА «ЗЛОВЕЩЕЙ ДОЛИНЫ»

А. А. СОРОКА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Указано, что по мере увеличения степени антропоморфности робота возрастает степень его привлекательности для человека, однако в определенный момент на графике аттрактивности рост сменяется резким спадом – «зловещей долиной». Выявлено, что за последние два десятилетия было опубликовано большое количество исследований роботизации и эффекта «зловещей долины» с точки зрения социальной кибернетики, киберпсихологии, нейропсихологии и зоопсихологии. Установлено, что в данных работах часто не учитывались различные социально-психологические факторы, которые могут быть немаловажными предикторами робофобии, скептического и недоверчивого отношения людей к роботизированным объектам. Ввиду неоднозначности определений термина «эффект «зловещей долины»» приведена авторская трактовка: проявление эффекта «зловещей долины» представляет собой процесс, при котором робот или другой объект, выглядящий или действующий примерно как человек, вызывает отторжение у людей-наблюдателей.

Ключевые слова: эффект «зловещей долины»; роботизация; робот; аттрактивность; антропоморфность.

ATTITUDES TOWARDS ROBOTISATION AS A PREDICTOR OF THE MANIFESTATION OF THE «UNCANNY VALLEY» EFFECT

A. A. SOROKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. It is indicated that as the degree of anthropomorphism of the robot increases, the degree of its attractiveness to humans increases, but at a certain point on the attractiveness graph the growth is replaced by a sharp decline – the «uncanny valley». It is revealed that over the last two decades a large number of studies of robotisation and the «uncanny valley» effect have been published in terms of social cybernetics, cyberpsychology, neuropsychology and zoopsychology. It was found that these studies often failed to take into account various social and psychological factors that may be important predictors of robophobia, scepticism and mistrust of robotic objects. Due to the ambiguity of definitions of the term ««uncanny valley» effect», the author's interpretation is given: the manifestation of the «uncanny valley» effect is a process in which a robot or other object that looks or acts like a human causes rejection in human observers.

Keywords: «uncanny valley» effect; robotisation; robot; attractiveness; anthropomorphism.

Образец цитирования:

Сорока АА. Аттитюды по отношению к роботизации как предиктор проявления эффекта «зловещей долины». *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;1:63–66.
EDN: BNRKDS

For citation:

Soroka AA. Attitudes towards robotisation as a predictor of the manifestation of the «uncanny valley» effect. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;1:63–66. Russian.
EDN: BNRKDS

Автор:

Алексей Александрович Сорока – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент А. С. Солодухо.

Author:

Aleksey A. Soroka, postgraduate student at the department of social and organisation psychology, faculty of philosophy and social sciences.
magpie1337@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-3043-921X>

Введение

В социальной экосистеме все чаще используются антропоморфные роботы, что периодически приводит к различным сложностям. Так, на практике было определено, что робот, чрезмерно похожий на человека по внешнему виду или поведению, вызывает у людей негативные эмоции. Данное явление имеет название «эффект “зловещей долины”».

За последние два десятилетия было опубликовано множество работ, посвященных изучению эффекта «зловещей долины» в области социальной кибернетики, киберпсихологии, нейропсихологии и даже зоопсихологии. Следует отметить, что среди них отечественных исследований очень мало. Ученые расходятся во мнении о причинах возникновения данного

феномена, указывая на влияние нейропсихологических и биологических факторов (но не социально-психологических факторов).

Цель настоящей статьи заключается в описании особенностей выражения эффекта «зловещей долины» и уточнении воздействия на его проявление такого социально-психологического фактора, как аттитюды людей. В качестве теоретической основы работы выступили материалы исследований, в которых рассматривалось проблемное поле эффекта «зловещей долины», различные социальные аспекты роботизации, в частности ее влияние на жизнедеятельность человека. Основным методом стал теоретический анализ.

Результаты и их обсуждение

Роботы разной степени антропоморфности активно используются во всех сферах общественной жизни. Благодаря им можно оптимизировать производство для получения большей прибыли, минимизировать риски для человека на опасной работе. Роботизированные системы и искусственный интеллект позволяют производить более объективную обработку данных. В области медицины роботы применяются в целях проведения хирургических операций с высокой точностью и ухода за людьми в домах престарелых. Компания «Яндекс» использует роботов для доставки товаров. Собакоподобные роботы компании «Boston Dynamic» патрулируют улицы городов Сингапура. Важно обозначить, что конструкторы и инженеры сталкиваются с проблемами социально-психологического характера в отношении распространения роботов.

В настоящее время роботизация и автоматизация считаются одними из самых инновационных и перспективных областей исследования. Чаще всего понятие «роботизация» рассматривается как синоним слова «автоматизация» (например, данное определение приводится в издании «Социологический энциклопедический русско-английский словарь» С. А. Кравченко [1]). Более широкую трактовку предлагают исследователи М. Осборн и К. Фрей, подразумевающие под роботизацией автоматизацию системы или задачи до такого уровня, при котором исчезает необходимость в человеческом труде [1]. Стоит отметить, что в науке не устоялось точное определение данного феномена.

В обществе преобладает неоднозначное отношение к роботизации. На данный факт указали результаты социологического опроса на тему технологической безработицы, проведенного А. С. Ваторопиным, Н. Г. Чевтаевой и С. А. Ваторопиным [2]. Одни респонденты обозначили, что роботизация, автоматизация и развитие искусственного интеллекта приведут к существенному снижению занятости в экономически

развитых странах вплоть до полного вытеснения человека из всех сфер общественного производства, включая сферу услуг. Другие опрошенные высказали мнение о том, что в перспективе эти явления станут причиной уменьшения количества низкоквалифицированных специалистов и расширения мест для высококвалифицированных сотрудников, что компенсирует потери, вызванные технологической безработицей.

В 2017 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения запустил исследовательский проект «Спутник», в рамках которого работающие россияне были опрошены на тему влияния роботизации на трудовую деятельность людей. Согласно полученным данным боязнь потери своего рабочего места вследствие роботизации имеется у 12 % респондентов, в то же время 85 % опрошенных не испытывают подобного беспокойства. Кроме того, 38 % работающих россиян считают, что в ближайшие десятилетия роботы займут большую часть рабочих мест, однако 60 % респондентов не верят в такое развитие событий. Также большинство опрошенных отметили, что роботы, которые могли бы заменить их в обозримом будущем, еще не созданы. Лишь 6 % работающих россиян придерживаются мнения о том, что полноценная замена их роботами является возможной. Никогда не задумывались над этим вопросом 73 % респондентов. Отмечено, что данная тема чаще волнует мужчин, чем женщин. Важно сказать, что тенденцию замены людей роботами на рабочих местах 62 % респондентов считают негативной, а 27 % опрошенных – позитивной [1]. Иными словами, подавляющее число работающих россиян выступают против роботизации.

В большинстве работ, посвященных изучению страха роботизации, не учитываются социально-психологические аспекты, которые повлияли на его возникновение. К таким причинам можно отнести стереотипизацию, опыт взаимодействия с робо-

тизированными системами и склонность к избеганию потенциальных угроз. Значительное внимание в названных работах уделяется эффекту «зловещей долины». Данный феномен был описан еще в 1970 г. японским робототехником Масахиро Мори¹. В ходе исследований он обнаружил, что по мере возрастания степени антропоморфности роботизированно-

го объекта увеличивается степень его аттрактивности. В тот момент, когда облик робота максимально приближается к внешности человека, наблюдается резкий спад его привлекательности для последнего. Затем, когда внешний вид робота становится полностью идентичным человеческому облику, по шкале аттрактивности происходит резкий подъем (рис. 1).

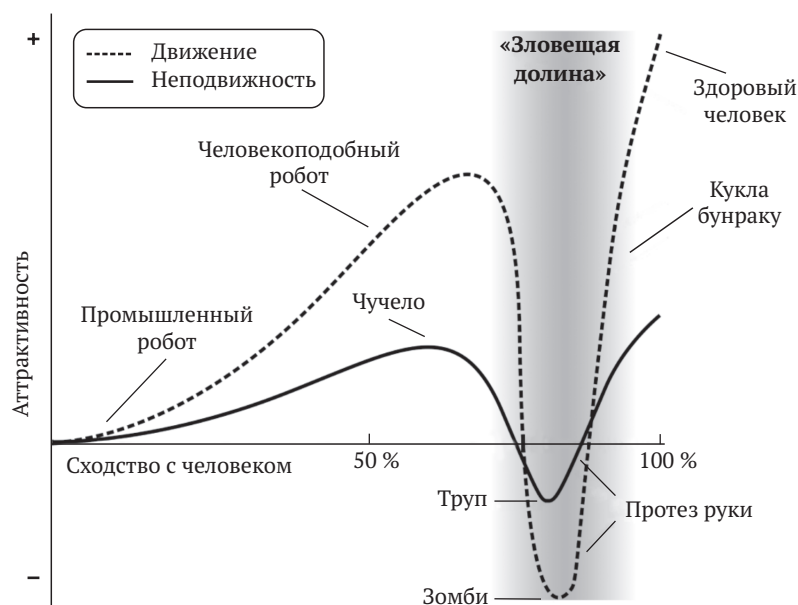

Рис. 1. График проявления эффекта «зловещей долины»
Fig. 1. Graph of the manifestation of the «uncanny valley» effect

Многие исследователи продолжили изучение рассматриваемого феномена с точки зрения разных наук: социальной кибернетики, киберпсихологии, нейропсихологии и зоопсихологии. Ими были выдвинуты гипотезы возникновения робофобного поведения и приведены дефиниции понятия «эффект «зловещей долины»». После подтверждения на практике предположения были оформлены в полноценные теории.

С позиции нейронаук феномен «зловещей долины» тесно связан с активностью зеркальных нейронов, возбуждающихся у человека в ответ на похожее поведение робота, и лицевой мимикрией, т. е. копированием выражения лица. Как результат, получение людьми противоречивой информации негативно сказывается на их эмоциональном восприятии, что было подтверждено экспериментом. Так, испытуемым показывали видеозаписи людей и роботов разной степени антропоморфности, фиксируя их показатели при помощи функциональной магнитно-резонансной томографии (рис. 2). В случаях демонстрации живого человека и робота, практически непохожего на человека, реакции людей были типичными, однако при демонстрации антропоморфных роботов прибор отмечал крайне повышенную

активность головного мозга, особенно в теменных областях и местах скопления зеркальных нейронов. Данное явление можно интерпретировать как результат диссонанса между ожиданием и реальностью [3].

Наиболее обоснованной теорией возникновения эффекта «зловещей долины» считается теория когнитивного диссонанса. Первым исследователем, описавшим этот феномен через когнитивный диссонанс, был Минсу Кан. Он указывал, что антропоморфные роботы, которые находятся между категориями «робот» и «человек», вводят людей в состояние постоянного когнитивного диссонанса и сталкиваются с неизвестностью. Если человек не находит ответы на вопросы: «Чего именно ждать от такого существа?» и «Кто управляет ситуацией?», то у него появляется страх. Идеи, базирующиеся на теории когнитивного диссонанса, используются и в современных исследованиях [4; 5].

Таким образом, на данный момент комплексные исследования, направленные на изучение эффекта «зловещей долины» с учетом установок людей по отношению к роботизации, отсутствуют. Существует множество описательных систем проявления этого феномена, однако они не указывают на причины

¹Манаенков А. Е. Эффект «зловещей долины» // N + 1 : сайт. URL: <https://nplus1.ru/blog/2016/11/07/uncanny-valley-effect> (дата обращения: 13.11.2024).

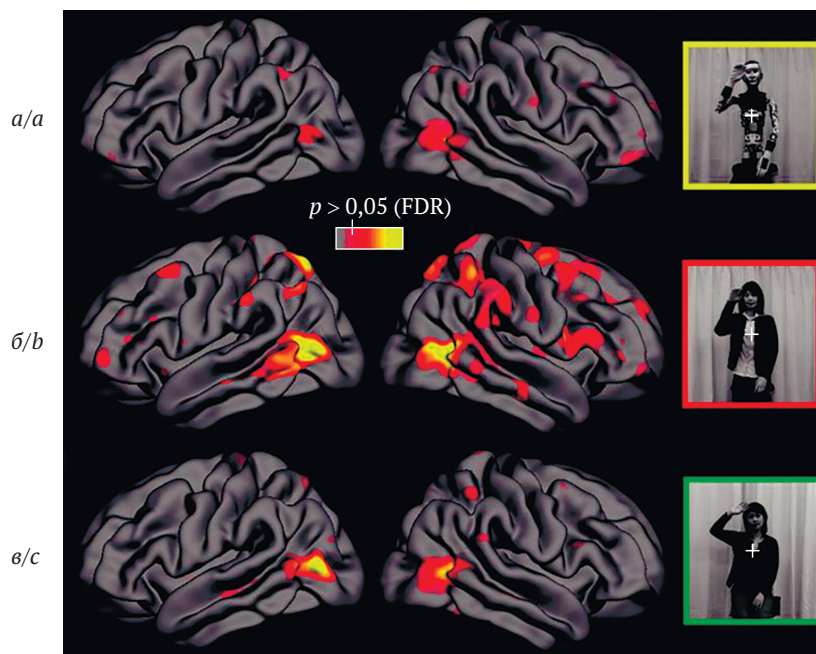

Рис. 2. Функциональная магнитно-резонансная томография головного мозга при наблюдении за роботом (а), антропоморфным роботом (б) и человеком (в)

Fig. 2. Functional magnetic resonance imaging of the brain during observation of a robot (a), an anthropomorphic robot (b) and a human (c)

разности его выражения у представителей различных социальных групп. С опорой на существующие дефиниции рассматриваемого понятия можно заключить, что проявление эффекта «зловещей долины»

представляет собой процесс, при котором робот или другой объект, выглядящий или действующий примерно как человек, вызывает отторжение у людей-наблюдателей.

Заключение

В настоящее время роботы завоевывают все большую популярность и способствуют автономизации, что приводит к значительным изменениям в социальной экосистеме: создаются новые возможности для работы, творчества, получения образования и развлечения. Отношение к роботизации неоднозначно, нередко ее воспринимают негативно. Предполагается, что по мере увеличения частоты взаимодействия людей с роботизированными объектами их аттитуды будут приобретать позитивный характер.

Несмотря на то что роботы могут вызывать у людей отторжение, в исследованиях, посвященных эффекту «зловещей долины», обычно игнорируются социально-психологические факторы такого исхода. В дальнейших работах по изучению данного феномена должны учитываться аттитуды людей по отношению к роботизации, существующие в обществе стереотипы, причины их формирования и опыт взаимодействия человека с роботизированными системами.

Библиографические ссылки

1. Сотников С.А. Роботизация как объект социологического анализа. *Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета*. 2020;2:38–42.
2. Ваторопин А.С., Чевтаева Н.Г., Ваторопин С.А. Автоматизация и роботизация как факторы роста технологической безработицы в современном обществе. *Вопросы управления*. 2017;4:70–78.
3. Saygin AP, Chaminade T, Ishiguro H, Driver J, Frith C. The thing that should not be: predictive coding and the «uncanny valley» in perceiving human and humanoid robot actions. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2012;4:413–422. DOI: 10.1093/scan/nsr025.
4. MacDorman KF, Green RD, Ho CC, Koch CT. Too real for comfort? Uncanny responses to computer generated faces. *Computers in Human Behavior*. 2009;3:695–710. DOI: 10.1016/j.chb.2008.12.026.
5. Mathur MB, Reichling DB. Navigating a social world with robot partners: a quantitative cartography of the «uncanny valley». *Cognition*. 2016;1:22–32. DOI: 10.1016/j.cognition.2015.09.008.

Статья поступила в редколлегию 14.11.2024.
Received by editorial board 14.11.2024.

МОНЕТАРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН

С. ЧАН¹⁾, Г. А. ФОФАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Указывается, что современные студенты сталкиваются с разнообразными финансовыми вызовами, которые оказывают на них существенное влияние и формируют их монетарное поведение. Отмечается, что понятие «монетарное поведение» обозначает совокупность действий и решений, связанных с управлением личными средствами (планированием бюджета, сбережений и инвестиций, использованием кредитом и т. д.), а также отношение к деньгам. Сравниваются финансовые действия молодежи из разных стран, в частности из Китая, России и Беларуси. Выявляется, что различия в привычках представителей студенчества в отношении денег обусловлены социально-экономическими факторами, цифровизацией, культурными традициями и уровнем их финансовой грамотности. Обозначаются способы улучшения монетарного поведения молодых людей.

Ключевые слова: монетарное поведение; студенты; финансовая грамотность; кредиты; цифровизация; культурные различия; экономические условия.

MONETARY BEHAVIOUR OF STUDENTS FROM DIFFERENT COUNTRIES

X. CHANG^a, G. A. FOFANOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: G. A. Fofanova (gfofanova@gmail.com)

Abstract. It is pointed out that modern students face a variety of financial challenges that have a significant impact on them and shape their monetary behaviour. It is noted that the concept «monetary behaviour» refers to a set of actions and decisions related to the management of personal funds (budget planning, savings and investment, use of credit, etc.), as well as attitudes towards money. Financial actions of young people from different countries, in particular from China, Russia and Belarus, are compared. It is revealed that differences in the money habits of student representatives are due to social and economic conditions, digitalisation, cultural traditions and their level of financial literacy. Ways to improve the monetary behaviour of young people are outlined.

Keywords: monetary behaviour; students; financial literacy; loans; digitalisation; cultural differences; economic conditions.

Образец цитирования:

Чан С, Фофанова ГА. Монетарное поведение студентов из разных стран. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;1:67–74. EDN: ZTTCAP

For citation:

Chang X, Fofanova GA. Monetary behaviour of students from different countries. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;1:67–74. Russian. EDN: ZTTCAP

Авторы:

Сяохуэй Чан – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – Г. А. Фофанова.
Галина Александровна Фофанова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Xiaohui Chang, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
2477135017@qq.com
<https://orcid.org/0009-0002-8758-9817>
Galina A. Fofanova, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
gfofanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4177-8399>

Введение

Понятие «монетарное поведение» означает совокупность действий и решений, связанных с управлением личными финансами (планированием бюджета, сбережений и инвестиций, использованием кредитом и т. д.), а также отношение к деньгам. В различных экономических ситуациях культурные нормы и финансовая грамотность современных студентов играют решающую роль в формировании их монетарного поведения. Исследуя финансовые привычки представителей молодого поколения из разных стран

с экономической, социологической и психологической точек зрения, можно выделить как общие, так и уникальные черты [1]. Результаты такого изучения являются важными для разработки образовательных программ, направленных на повышение финансовой грамотности студентов. Цель настоящей работы состоит в определении особенностей монетарного поведения молодых людей из разных стран, а также основных факторов, влияющих на их привычки в отношении денег.

Теоретическая основа исследования

Монетарное поведение представляет собой комплекс действий, связанных с использованием, сбережением, инвестированием денег и управлением ими в повседневной жизни. Оно формируется под влиянием монетарных установок (денежных установок) – устойчивых взглядов и ценностей, определяющих отношение человека к деньгам и его финансовые предпочтения. Финансовое поведение (финансовые действия) конкретизирует монетарное поведение и включает такие аспекты, как составление бюджета, пользование кредитом, планирование трат и сбережений. Результатом этого поведения являются финансовые решения (краткосрочные и долгосрочные стратегии), служащие осознанным выбором в различных экономических ситуациях. Основой для данных категорий выступает финансовая грамотность, обозначающая уровень знаний, навыков и компетенций, необходимых для эффективного управления личными средствами. В свою очередь, отношение к деньгам отражает эмоциональные и когнитивные аспекты их восприятия, например значимость денег в жизни человека, в то время как денежные установки акцентируют внимание на морально-этической и психологической сторонах монетарного поведения. Таким образом, перечисленные выше категории связаны друг с другом: финансовая грамотность формирует базу для монетарного поведения, финансовые действия зависят от отношения к деньгам и монетарных установок, которые задают общий тон восприятия денег и влияют на их роль в жизни человека.

Монетарное поведение является объектом исследования в экономике, социологии и психологии, описывающим то, каким образом люди взаимодействуют с деньгами, делают финансовый выбор и как на эти процессы влияют убеждения и эмоции [2]. Оно включает такие аспекты, как сбережение (выбор суммы денег, которую следует отложить, и способа хранения (например, в банке, наличными средствами или в виде инвестиций)), расходование (частота и количество затрат), инвестирование (принятие решений о том, куда вложить деньги, и предупреждение потенциальных рисков) и управление долгами

(погашение долгов, удержание контроля над ними, пользование кредитами). На данное поведение влияют различные факторы, включая экономические условия, культурные нормы, маркетинговые стратегии, ожидания общества, законы, уровень дохода, личные ценности и психологические особенности индивида.

Экономический подход предполагает акцентирование внимания на разумном финансовом выборе, ресурсах, находящихся в распоряжении человека, и ограничениях, с которыми он сталкивается. С точки зрения социологии на монетарное поведение оказывают воздействие такие факторы, как семья, друзья, окружающая среда и культура. В соответствии с психологическим подходом данное поведение рассматривается в качестве совокупности следующих характеристик личности: склонности к риску, уровня самоконтроля и эмоциональной устойчивости.

Денежные установки есть укоренившийся взгляд личности на деньги, который формируется воспитанием, культурным прошлым, опытом и направляет финансовый выбор. Часто финансовые ресурсы рассматриваются в качестве источника безопасности, снижающего беспокойство и дающего чувство свободы. Поскольку деньги позволяют добиться влияния и высокого социального положения, существует мнение о том, что они приравниваются к власти или статусу. Убеждение в том, что богатство, которое не должно быть целью жизни, следует приобретать честным путем, соотносится с этическими и моральными соображениями, связанными с использованием денег.

Взаимосвязь монетарного поведения, установок и отношения к деньгам формирует финансовые решения индивида [3]. Мысли людей о деньгах напрямую влияют на распоряжение ими. Следовательно, всестороннее теоретическое исследование данных категорий показывает, что для понимания монетарного поведения человека необходимо учитывать все аспекты его отношения к деньгам, включая убеждения, эмоции и конкретные действия.

Молодые люди, вступая во взрослую жизнь, часто впервые сталкиваются с необходимостью принятия финансовых решений, что сопровождается

неуверенностью в себе. Культурный контекст страны, в которой находится студент, формирует его взгляд на деньги и честность [1]. Тема монетарного поведения молодежи, особенно из разных стран, представляет интерес для многих ученых. Исследования посвящались изучению уровня финансовой грамотности студентов, влияния экономических условий, социальных и культурных факторов, цифровизации на их монетарное поведение и т. д.

В публикациях [4; 5] рассмотрены особенности отношения представителей студенчества из России к личным средствам. Д. Ю. Рогачев подчеркнул значимость финансового образования, культуры, семьи и социального окружения в формировании привычек молодых людей в отношении денег. К. Н. Король исследовал влияние экономической нестабильности и цифровизации на финансовые действия студентов.

Исследование, проведенное М. Гулартом и его коллегами, заключалось в изучении финансового поведения молодежи из Бразилии [6]. Было установлено, что уровень финансовой грамотности различается в зависимости от социально-экономического положения и уровня образования человека. Авторы указали на важность разработки стратегий в области финансовой грамотности, направленных на формирование навыков принятия решений у студентов, которые проживают в развивающихся странах.

Т. Клампис и Дж. Сальдаго проанализировали монетарное поведение молодых людей из США, уделив внимание влиянию финансовой грамотности на их выбор в отношении сбережений и расходов [7]. Исследование показало, что обучающиеся, обладающие более твердыми навыками финансовой грамотности, делают осознанный выбор и являются менее склонными к финансовым проблемам. Также ученые обозначили, что в США образовательные кредиты выступают решающим фактором для представите-

лей студенчества, что налагает на них определенные обязательства.

Финансовые привычки молодежи из Китая выявили Ч. Сяо и Д. Лю [8]. Они сфокусировались на экономических и культурных факторах монетарного поведения студентов, подчеркнув значимость быстрого экономического роста, семьи и социального окружения. В работе отражены возможные риски, связанные с популяризацией цифровых финансовых услуг среди молодого поколения.

Сравнение финансового поведения студентов из Финляндии и Южной Кореи проведено С. Тали и М. Хаккинен [9]. Были обнаружены значительные различия в культурных подходах к управлению личными средствами: в Финляндии молодые люди являются бережливыми и консервативными в отношении расходов, тогда как в Южной Корее студенты ориентированы на пользование кредитами и потребление. Ученые отметили необходимость финансового образования и государственного надзора за кредитным рынком.

Монетарное поведение населения Беларуси, включая восприятие денег, их функции и значение в повседневной жизни, рассмотрены в публикациях [10–12]. О. Н. Гаврилик описала привычки белорусов касательно денег (экономия, получение кредитов, инвестиции и управление финансовыми рисками) и роль экономических и социальных факторов в развитии денежного мышления. С. В. Еремушкина оценила программы и меры по повышению финансовой грамотности ввиду их значимости для устойчивого экономического роста и благосостояния граждан. Г. А. Фофанова выявила половозрастные различия в отношении белорусских школьников и студентов к деньгам: девочки чаще используют деньги для импульсивных покупок и преодоления трудностей, в то время как мальчики склонны экономить и испытывать тревогу по поводу личных средств.

Результаты и их обсуждение

Монетарное поведение, методы управления деньгами и уровень финансовых знаний студентов из разных стран могут значительно различаться (см. таблицу). В связи с этим образовательные программы по улучшению финансового поведения молодежи важно разрабатывать индивидуально для каждого региона, учитывая при этом многие факторы.

Рассмотрим влияние экономических условий на денежное мышление молодого поколения. В экономически стабильных и богатых государствах представители студенчества являются склонными к потребительскому поведению, более активно пользуются кредитами, планируют долгосрочные сбережения и инвестируют [19]. Молодежь из развивающихся стран обычно придерживается консервативного подхода к использованию денежных

средств, предпочитая не брать кредитов из-за высоких процентных ставок и отсутствия гарантий на их погашение, искать альтернативные способы оплаты обучения (стипендии, гранты и т. д.), отдавать приоритет текущим нуждам [20]. Таким образом, условия образовательных кредитов во многом влияют на финансовый выбор и устремления студентов [11]. Например, в США и государствах Западной Европы, в частности в Германии, им доступны образовательные кредиты с низкими процентными ставками, что способствует получению образования, несмотря на приобретение финансовых обязательств [21–23]. В странах Африки и Азии молодые люди не допускают долгов и часто совмещают учебу с подработкой для покрытия расходов на образование.

Сравнение монетарного поведения студентов из Китая, России, Беларуси, США, Бразилии, Польши и Германии
Comparison of monetary behaviour of students from China, Russia, Belarus, USA, Brazil, Poland and Germany

Критерий	Страна (годы исследования)							
	Китай (2020–2023)	Россия (2020–2023)	Беларусь (2007–2010)	США (2016–2018)	Бразилия (2016–2018)	Польша (2018–2020)	Германия (2013–2015)	
Факторы, влияющие на монетарное поведение	Культура, экономика, цифровизация	Культура, экономика	Финансовая грамотность, отношение к деньгам	Культура, экономика, кредиты	Финансовая грамотность	Финансовая грамотность	Культура, экономика	
Финансовая поддержка от семьи	Высокая	Высокая	Высокая	Умеренная	Высокая	Высокая	Низкая	
Уровень финансовой грамотности	Высокий за счет активного внедрения образовательных программ	Средний, но повышающийся благодаря образовательным программам	Средний	Высокий за счет повсеместного доступа к информации и внедрения образовательных программ	Средний	Низкий, но повышающийся за счет внедрения образовательных программ	Высокий благодаря раннему образованию	
Отношение к кредитам и займам	Осторожное	Умеренное	Осторожное	Положительное	Негативное	Осторожное	Положительное	
Доступ к кредитным картам	Умеренный. Популярность использования кредитных карт растет	Умеренный. Популярность использования кредитных карт растет	Ограниченный. Популярность использования кредитных карт растет	Высокий. Активное использование кредитных карт	Высокий. Низкий уровень использования кредитных карт	Умеренный. Низкий уровень использования кредитных карт	Высокий. Активное использование кредитных карт	
Склонность к накоплению средств	Присутствует (особенно на образование и жилье)	Присутствует (часто на крупные покупки)	Присутствует (на черный день)	Присутствует (часто на пенсию)	Присутствует (особенно на жилье)	Присутствует (часто на крупные покупки)	Присутствует (особенно на образование и жилье)	
Основные инструменты оплаты	Мобильные платежи, дебетовые карты, наличные	Мобильные платежи, дебетовые карты, наличные	Дебетовые карты, наличные	Мобильные платежи, дебетовые и кредитные карты	Дебетовые и кредитные карты, наличные	Дебетовые карты, наличные	Дебетовые и кредитные карты	

Примечание. Данные для Китая, России, Беларуси, США, Бразилии, Польши и Германии приведены из источников [8; 13–18] соответственно.

Социальные и культурные нормы играют ключевую роль в принятии студентами финансовых решений. В одних государствах деньги рассматриваются как инструмент достижения личной свободы и удовлетворения потребностей, в других – как способ поддержания социальных связей и выполнения обязательств перед семьей [15; 24]. Так, в Японии и Китае молодые люди часто чувствуют ответственность за родителей, что влияет на их финансовый выбор. Поощрение самостоятельных действий в отношении денег в раннем возрасте характерно для населения США и Германии.

Управление денежными средствами является значимой частью монетарного поведения представителей студенчества. В странах с высоким уровнем финансового образования молодые люди понимают важность составления бюджета и инвестирования, вследствие чего они избегают проблем, связанных с деньгами. Например, в Швеции, Нидерландах, США и Германии основы финансовой грамотности закладываются в раннем возрасте, а курсы по управлению личными финансами входят в учебную программу учреждений образования. Молодежь, проживающая в государствах с низким уровнем финансового образования (Индии, Бразилии и т. д.), является более подверженной рискам в отношении денег и осторожно относится к кредитованию и займам [16; 25].

Существенное воздействие на финансовые привычки студентов оказывает цифровизация. В США, Южной Корее и Китае цифровые финансовые ресурсы активно используются молодым поколением, что позволяет ему более эффективно управлять своими средствами [26; 27]. Ограниченный доступ к данным ресурсам характерен для Нигерии, Индонезии и Бразилии, но ситуация быстро меняется, ввиду чего открываются новые возможности для повышения финансовой грамотности представителей студенчества [28].

Проанализируем монетарное поведение молодежи из Китая, которое выступает примером существования традиций в современных экономических условиях. Для китайской культуры характерны коллективизм и первостепенность семейных ценностей [29]. Значимость финансовой ответственности не только за себя, но и за свою семью прививается представителям китайского населения с юных лет. Следовательно, стабильное финансовое положение является важным показателем социального статуса, мотивирующим студентов усердно работать и увеличивать семейное и собственное благосостояние для повышения качества жизни. Как правило, китайская молодежь осторожна со своими денежными средствами, что связано с такой культурной особенностью, как бережливость.

В последние годы в экономике Китая наблюдается значительный рост, который глубоко повлиял

на жизнь студентов, предоставив им больше финансовых перспектив. Расширение кредитного рынка дало молодому поколению возможность вкладывать деньги в свое образование и удовлетворять личные потребности, что в прошлом не было распространенной практикой [30; 31]. Несмотря на это, многие китайские студенты продолжают сталкиваться с финансовыми трудностями. Растущие цены на жилье и обучение в университете вынуждают их тщательно планировать распределение бюджета и экономить [32]. Кроме того, ввиду острой конкуренции и стремления добиться успеха возник риск накопления китайским населением чрезмерных долгов.

Китай находится в авангарде глобальной цифровизации финансового сектора экономики. Сервисы мобильных платежей *Alipay* и *WeChat Pay* стали неотъемлемой частью повседневной жизни китайских студентов, активно использующих эти платформы для управления своими средствами, оплаты покупок и получения кредитов [33; 34]. Применение цифровых финансовых ресурсов ускорило эти процессы и сделало их более удобными.

Таким образом, в настоящее время для китайских студентов является важным развитие финансовой грамотности, а также ответственное пользование кредитами. Данные действия позволяют эффективно управлять средствами и достичь успеха в жизни [35].

Что касается финансовых привычек студентов из России, то на них также влияют состояние экономики, социальные нормы и культурные обычаи. Населению указанной страны свойственно рассматривать деньги как инструмент, гарантирующий стабильность и безопасность. Российская молодежь известна своей бережливостью, особенно в периоды экономической неустойчивости [36]. Так, в последнее время она столкнулась с новыми финансовыми препятствиями. Колебание курса рубля, инфляция и изменение уровня жизни способствовали принятию молодыми людьми более взвешенных решений в отношении денег [37–41]. Большинство из них предпочитают избегать долгов и полагаются на собственные сбережения или занятость для финансирования обучения. Тем не менее некоторые студенты все же решаются взять образовательный кредит, который предоставляется им государством на выгодных условиях. Также молодое поколение россиян все активнее использует онлайн-платформы для торговли акциями и инвестирования в криптовалюту. Следует отметить, что недостаток финансовых знаний может привести к рискам, связанным с неосмотрительными инвестициями [11].

Выявим особенности монетарного поведения студентов из Беларуси. В данном случае значимую роль в принятии финансовых решений также играют экономическое развитие, социальные нормы, культурные особенности и система образования [42; 43]. Ввиду важности семейных ценностей для населения

названного государства молодые люди часто полагаются на финансовую поддержку своих родителей и родственников. Кроме того, на их действия в отношении денег большое влияние оказывают привычки старших членов семьи, передающиеся из поколения в поколение [14; 18].

По сравнению с экономикой Китая экономика Беларуси характеризуется более медленным ростом. Следовательно, белорусские студенты могут столкнуться с ограничениями в доступе к инвестирова-

нию и предпринимательству. Молодое поколение проявляет осторожность в использовании средств, имеет склонность к сбережению денег для будущих нужд, поскольку в условиях экономической нестабильности испытывает потребность в финансовой безопасности. Исследование [10] показало, что представители белорусского студенчества ограничены в финансовых возможностях. Данный факт выступает причиной их консервативности в принятии решений [44].

Заключение

Финансовые действия студентов из разных стран имеют сильные различия ввиду влияния экономических, социальных, культурных и образовательных факторов. Цифровизация изменила финансовые привычки молодых людей, предоставив им инновационные инструменты для управления своими средствами (например, мобильные платежные системы). Тем не менее существуют различия в доступе к этим ресурсам. В развитых государствах среди представителей студенчества более распространены кредиты и инвестиции, тогда как в развивающихся странах молодежь, как правило, избегает долгов и сосредоточивается на сбережении денег.

Результаты проведенного исследования показали, что китайские студенты склонны к накоплению средств, поскольку в их культуре важную роль играют семейные ценности. Большое внимание они уделяют достижениям и социальному положению. Можно отметить доступность для представителей китайского студенчества финансовых продуктов и технологий, что обусловило высокий уровень их финансовой грамотности.

На финансовые действия российских студентов влияет экономическая нестабильность страны. Обычно они избегают долгов и зависят от помощи

своей семьи. В настоящее время их финансовая грамотность находится на среднем уровне, однако постоянно предпринимаются действия по ее повышению.

Белорусское молодое поколение использует кредитные карты с осторожностью. Его представители являются консервативными, отдадут приоритет финансовой стабильности и безопасности. Денежная помощь семье значительно отражается на поведении белорусов в отношении средств. Следует указать, что их уровень финансовой грамотности относительно низок.

Таким образом, выявленные факторы, обусловившие различия в монетарном поведении студентов, должны учитываться при разработке эффективных стратегий по повышению их финансовой грамотности. Данные стратегии поспособствуют принятию молодежью обоснованных финансовых решений, повысят ее благосостояние и приведут к стабильности в глобальном масштабе. Настоящее исследование показало, что решающее значение для достижения высокого уровня финансовой грамотности имеют финансовое образование с раннего возраста и широкая доступность цифровых финансовых ресурсов.

Библиографические ссылки

1. Попова НВ, Пономарев АВ, Осипчукова ЕВ. Экономическое поведение молодежи: региональный аспект. *Центр инновационных технологий и социальной экспертизы*. 2023;1:175–190. DOI: 10.15350/2409-7616.2023.1.15.
2. Поликарпов ВА. Прикладное исследование монетарных стратегий экономического поведения студентов. *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки*. 2022;3:279–283.
3. Мирошниченко МА. *Цифровая трансформация: российские приоритеты формирования цифровой экономики*. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2021. 224 с.
4. Рогачев ДЮ. Особенности финансового поведения студенческой молодежи. *Народонаселение*. 2021;2:41–52. DOI: 10.91181/population.2021.24.2.4.
5. Король КН. Кредитное поведение современной молодежи России. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2018;1:144–146.
6. Goulart M, da Costa Jr, Paraboni A, Luna M. Can personality traits influence Brazilian university students' financial literacy? *Review of Behavioral Finance*. 2023;3:410–426.
7. Klumps T, Saldago J. Financial literacy and financial behaviors of college students in the United States. *American Journal of Education*. 2019;2:140–155.
8. Xiao Ch, Liu D. Financial behavior and well-being of Chinese college students. *China Economic Review*. 2021;3:89–102.
9. Tali S, Hakkinen M. Cross-cultural financial behavior of college students: a comparative study between Finland and South Korea. *International Journal of Consumer Studies*. 2020;1:38–49.
10. Гаврилик ОН. Монетарное мышление населения Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;2:95–102.

11. Еремущкина СВ. Необходимость и практика построения системы повышения финансовой грамотности населения в Республике Беларусь. В: Государственный институт управления и социальных технологий БГУ. *Инновационное развитие экономики: предпринимательство, образование, наука*. Минск: Государственный институт управления и социальных технологий БГУ; 2013. с. 192–195.
12. Фофанова ГА. Отношение к деньгам школьников и студентов. *София: электронный научно-просветительский журнал*. 2017;1:20–26.
13. Сергейчик СИ, Сергейчик МС, Максимова АА. Мировой опыт реализации проектов в области финансового образования и повышения финансовой грамотности населения. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2015;5:35–41.
14. Бойко М, Хватик Ю. Обучение финансовой грамотности: реалии и перспективы для Беларуси. *Адукатар*. 2011;2:6–11.
15. Montalto CP, Phillips EL, McDaniel A, Baker AR. College student financial wellness: student loans and beyond. *Journal of Family and Economic Issues*. 2019;1:3–21.
16. Ramalho TB, Forte D. Financial literacy in Brazil: do knowledge and self-confidence relate with behavior? *RAUSP Management Journal*. 2019;1:77–95. DOI: 10.1108/RAUSP-04-2018-0008.
17. Артемьева Н. Повышение финансовой грамотности населения для снижения рисков устойчивости финансового сектора. *Банковский вестник*. 2020;11:18–26.
18. Гагарина МА, Неврюев АН. Особенности отношения к денежному долгу у студентов и экономическое поведение в вузе. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2020;4:70–75. DOI: 10.26140/anip-2020-0904-0013.
19. Андрущак ГВ. Теория образовательных кредитов. *Вопросы образования*. 2006;1:215–232.
20. Ильиных ЮМ. Роль университетов в повышении финансовой грамотности молодежи. В: Сулейменова ЖБ, Лазуткина ЮС, Жигулина АО, редакторы. *Основные проблемы и направления воспитательной работы в современном вузе. Материалы II Международной научно-практической конференции по воспитательной работе, посвященной 75-летию Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова; 1 января – 31 декабря 2017 г.; Барнаул, Россия*. Барнаул: Издательство Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова; 2017. с. 55–57.
21. Breitbach E, Walstad WB. Financial literacy and financial behavior among young adults in the United States. In: Wuttke E, Seifried J, Schumann S, editors. *Economic competence and financial literacy of young adults: status and challenges*. United Kingdom: Verlag Barbara Budrich; 2016. p. 81–98. DOI: 10.2307/j.ctvbkk29d.7.
22. Bartholomae S, Fox JJ. A decade review of research on college student financial behavior and well-being. *Journal of Family and Economic Issues*. 2021;1:154–177.
23. Rothstein J, Rouse CE. Constrained after college: student loans and early-career occupational choices. *Journal of Public Economics*. 2011;1–2:149–163. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2010.09.015.
24. Чуканов ЕВ. Особенности монетарных установок молодежи. В: Донецкий национальный университет. *Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы IV Международной научной конференции; 31 октября 2019 г.; Донецк, ДНР. Том 5*. Донецк: Донецкий национальный университет; 2019. с. 379–382.
25. Шперлинь АВ, Плотников СГ, Майбородина НВ. Психологический анализ взаимосвязи монетарных установок и стратегий финансового поведения личности. *Профессиональное образование в современном мире*. 2020;4:4369–4378. DOI: 10.20913/26-18-7515-2020-4-20.
26. Happ R, Luescher K, Park H. Financial knowledge of university students in Korea and Germany. *Research in Comparative and International Education*. 2022;2:301–327.
27. Lee YG, Lown JM. Effects of financial education and impulsive buying on saving behavior of Korean college students. *International Journal of Human Ecology*. 2012;1:159–169. DOI: 10.6115/ijhe.2012.13.1.159.
28. Gutter M, Copur Z. Financial behaviors and financial well-being of college students: evidence from a national survey. *Journal of Family and Economic Issues*. 2011;4:699–714. DOI: 10.1007/s10834-011-9255-2.
29. Захаров ЮА, Курбатова МВ, Долганов ВС, Морозова ЕА. Новые финансовые инструменты в высшем образовании. *Университетское управление: практика и анализ*. 2004;1:77–89.
30. Быстрова НВ, Уракова ЕА, Назарова ЕН. Финансовая грамотность молодежи в условиях цифровой экономики. *Проблемы современного педагогического образования*. 2022;77(часть 1):87–90.
31. Юаньлун Ч. Монетарное мышление студенческой молодежи КНР. В: Белорусский государственный университет. *Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль). Материалы I Международного научно-методологического междисциплинарного семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума»; 10 ноября 2022 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2022. с. 377–381.
32. Asaad CT. Financial literacy and financial behavior: assessing knowledge and confidence. *Financial Services Review*. 2015;2:101–117. DOI: 10.61190/fsr.v24i2.3236.
33. Kim HC. Financial management behaviors of college students. *Journal of the Korean Home Economics Association*. 2005;7:79–91.
34. Peng C, Yin A. Research on the impacts for college students' financial management behaviors. In: International Business School of Yunnan University of Finance & Economics. *Proceedings of the 4th International symposium on business corporation and development in Southeast and South Asia under B & R Initiative (ISBCD 2019); 2019 November 24; Kunming, China*. Zhengzhou: Atlantis Press; 2020. p. 18–22.
35. Tampuri Jnr MY, Yusheng K, Asare I. Financial inclusion in China: deepening high-level financial inclusion for foreigners in China. *North America Academic Research*. 2019;6:121–147. DOI: 10.5281/zenodo.3251167.
36. Аликперова НВ. Монетарные установки молодежи в условиях социально-экономической нестабильности. *Уровень жизни населения регионов России*. 2021;3:372–381. DOI: 10.19181/lspr.2021.17.3.7.
37. Белокрылова ОС, Кузнецова ВП, Вардомацкая ЛП. Финансовая грамотность в мире цифровой экономики (региональный аспект). *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2021;1:102–107. DOI: 10.22594/2079-1690-2021-1-1-102-107.
38. Гаврилик ОН. О некоторых особенностях монетарного мышления населения. *Социологический альманах*. 2020;11: 296–303.

39. Горчакова ОЮ, Ларионова АВ, Обуховская ВВ, Козлова НВ. Исследование экономического поведения личности: связь психологических особенностей и монетарных установок. *Психолог.* 2021;5:18–35. DOI: 10.25136/2409-8701.2021.5.36807.

40. Rocca L, Cornelio CG. Financial literacy and behavior among college students: evidence from Brazil. *Journal of Financial Education.* 2020;4:112–125.

41. Дудина ОМ. Монетарное поведение молодых москвичей как реализация их монетарной культуры в условиях экономического кризиса. В: Ярашева АВ, редактор. *Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Материалы VI Международной научно-практической конференции; 8 декабря 2020 г.; Москва, Россия.* Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; 2021. с. 83–87. DOI: 10.19181/konf.978-5-4465-3137-0.2021.13.

42. Xiao Jing Jing, Tang Chuanyi, Shim Soyeon. Acting for happiness: financial behavior and life satisfaction of college students. *Social Indicators Research.* 2009;1:53–68. DOI: 10.1007/s11205-008-9288-6.

43. Голубицкая АА. Анализ финансовой грамотности населения Могилевской области как фактора развития региона. В: Гриценко ГМ, редактор. *Развитие регионального АПК и сельских территорий: современные проблемы и перспективы. Материалы XVI Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию СибНИИЭСХ СФНЦА РАН; 15–16 октября 2020 г.; Новосибирск, Россия.* Новосибирск: Золотой колос; 2020. с. 357–358.

44. Беккер ГС. *Человеческое поведение: экономический подход.* Капелюшников РИ, редактор и переводчик. Москва: Высшая школа экономики; 2003. 672 с.

Статья поступила в редколлегию 09.09.2024.
Received by editorial board 09.09.2024.

УДК 159.923

ФАКТОРЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Д. Р. ШАРИПОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проведен обзор исследований, выявивших особенности религиозного совладающего поведения индивида с травматическим опытом. Определены психологические и социальные факторы религиозности личности в контексте преодоления последствий травматического события. Раскрыто воздействие религиозной мотивации, образа Бога, локуса контроля, активной жизненной позиции и поддержки религиозной группы на проработку человеком психологической травмы. Представлено позитивное и негативное влияние религиозного копинга на индивида. Выявлены компенсаторная и смыслообразующая функции религиозности. Установлено, что проживание личностью травматической ситуации зависит не столько от наличия религиозности, сколько от особенностей вероисповедания. Отмечено, что религиозность может как способствовать, так и препятствовать адаптации человека.

Ключевые слова: религиозность; религиозная мотивация; образ Бога; религиозная группа; поддержка религиозной группы; локус контроля; механизмы психологической защиты; психологическая травма.

FACTORS OF A PERSON'S RELIGIOSITY IN THE CONTEXT OF OVERCOMING THE CONSEQUENCES OF TRAUMATIC EXPERIENCE

D. R. SHARIPOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The review of studies that have revealed the peculiarities of religious coping behaviour of individuals with traumatic experiences has been carried out. Psychological and social factors of religiosity of a person in the context of overcoming the consequences of a traumatic event are determined. The impact of religious motivation, God's image, locus of control, active life position and religious group support on working through the psychological trauma by a person is revealed. Positive and negative influence of religious coping on an individual is presented. The compensatory and meaning-forming functions of religiosity is revealed. It is established that the living of a traumatic situation by a person depends not as much on the presence of religiosity as on the peculiarities of religion. It is noted that religiosity can both promote and hinder a person's adaptation.

Keywords: religiosity; religious motivation; God's image; religious group; religious group support; locus of control; psychological defence mechanisms; psychological trauma.

Образец цитирования:

Шарипова ДР. Факторы религиозности личности в контексте преодоления последствий травматического опыта. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2025;1:75–81.
EDN: WNALJU

For citation:

Sharipova DR. Factors of a person's religiosity in the context of overcoming the consequences of traumatic experience. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2025;1:75–81. Russian.
EDN: WNALJU

Автор:

Дарья Рустемовна Шарипова – аспирантка кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент А. С. Солодухо.

Author:

Daria R. Sharipova, postgraduate student at the department of general and clinical psychology, faculty of philosophy and social sciences.
darya.sharypava@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7235-6247>

Введение

С точки зрения многомерного подхода (Г. Олпорт, Ф. Хугель, Д. Пратт, Р. Старк, И. Фукуяма) религиозность представляет собой структуру, образованную ценностными ориентациями, установками, мотивами, мировоззрением, особенностями поведения и чертами личности [1]. Важно обозначить границы понятий «религиозность», «религия», «вера», «верование» и «духовность». У. Джеймс определял религию как чувство, действие и опыт личности, ее отношение к Божеству [2; 3]. Т. А. Казанцева считала, что вера выступает системой ценностных, когнитивных и мотивационных элементов, позволяющих фильтровать информацию и принимать ее без рациональной аргументации, в то время как верование является нелогичным и некритичным согласием с религиозными убеждениями¹. В содержании данных понятий есть общий компонент – отсутствие рационального осмысления. Религия же включает веру как опыт личности, основанный на определенных ценностях, когнициях и мотивации. В отличие от термина «религиозность» к понятию «религия», помимо ценностных ориентаций, установок, мировоззрения, поведения и черт личности, причисляется отношение к Божеству. В психологической литературе наряду с явлением религиозности встречается феномен духовности. Его изучали М. Даудова и ее коллеги [3], Ф. Е. Василюк [4], В. В. Семикин [5], В. И. Слободчиков [6], Л. Н. Уварова, А. М. Рысаева [7], И. П. Зенченков [8]. Согласно В. В. Знакову духовность – это продукт знакомства человека с духовной культурой. Ученый выделял философско-психологический, психологический, культурологический и религиозный аспекты данного феномена [9]. Последний аспект указывает на связь (но не тождество) понятий религиозности и духовности.

Существуют психоаналитический, экзистенциально-гуманистический и социально-психологический подходы к исследованию религиозности. В рамках первого подхода внимание уделяется беспомощности перед силами природы и инстинктами, а также бессознательному защитному механизму. З. Фрейд, его представитель, сравнивал религиозность личности с отцовским комплексом [10]. Психоаналитическим подходом руководствовался

и К. Г. Юнг, полагавший, что религиозность помогает психическому здоровью и осмысленности жизни. Сторонники второго подхода делали акцент на смысле жизни, религиозности как средстве для понимания мира и контроля неприятной индивиду неопределенности. В. Франкл считал религиозным любого индивида, задумывающегося о смысле жизни, а Бога называл опорой и собеседником, способным указать правильный путь. Связь религиозности с более низким уровнем тревожности по поводу смерти была отмечена И. Яломом [11]. Как представитель третьего похода, С. Московичи подчеркивал большое влияние религиозности на социально-психологические процессы. Его точку зрения разделяла Д. Н. Угринович, делая акцент на отношениях, мотивах и религиозных ценностях [12].

Значимые исследования в области религиозности были проведены и русскоязычными учеными. Так, К. К. Платонов рассматривал данный феномен через чувства, сопровождающиеся иллюзией познания [13]. Для изучения религиозности в контексте общей и социальной психологии Б. С. Братусь использовал понятие веры, поскольку считал его смыслообразующим [14]. М. А. Абрамова определяла религиозность в качестве мотива поведения и указывала, что такая мотивация встречается как у религиозных, так и у нерелигиозных лиц и является движущей силой в кризисных ситуациях². Таким образом, религиозность представляется копинговым механизмом (Б. М. Куценок, С. М. Фадден).

Вопрос о роли религиозности в проживании человеком травматического события является актуальным. В связи с этим целью настоящего исследования выступают установление и классификация факторов религиозности, которые могут как способствовать, так и препятствовать преодолению психологической травмы у религиозных и нерелигиозных индивидов. Ключевые личностные характеристики, позволяющие выделить эти факторы, лежат в основе описанного выше многомерного подхода, с опорой на который и будет проводиться данное исследование. Следует отметить, что религиозность рассматривается нами без привязки к конфессии, так как она присуща личности (П. Тиллих, Ф. Озер, Г. Олпорт).

Материалы и методы исследования

Материалом для настоящего исследования послужили работы, предметом изучения в которых являлись подходы к определению религиозности, факторы религиозности личности в ситуации преодоления последствий травматического опыта, аспекты влияния религиозности на здоровье, а также особенности религиозной личности в процессе проживания

дистресса. Основным методом стал теоретический анализ. При рассмотрении научной литературы будут выделяться психологические и социальные факторы религиозности личности в контексте проживания ею психологической травмы, а также отмечаться проявления компенсаторной и смыслообразующей функций религиозности.

¹Казанцева Т. А. Вера как социально-психологический феномен и его суггестивный механизм формирования : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05. М., 2007. 19 с.

²Абрамова М. А. Фактор религиозности в системе мотивации поведения индивида : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. М., 2001. 26 с.

Результаты и их обсуждение

И. Э. Соколовская изучала механизмы защиты личности, которые помогают исключить психологическую травму из сознания [15]. Такие механизмы могут приобретать подконтрольность и с точки зрения адаптации становится основанием для преодоления травматического события. Ученый выявила, что для религиозных индивидов в большей степени характерны механизмы вытеснения (молитва и церковные обряды) и замещения (действие с недоступным объектом заменяется действием с доступным объектом – Богом, что приводит к уменьшению эмоционального напряжения и поддержанию иллюзии достижения цели) негативной информации. Стоит отметить, такие личности склонны воспринимать изменения в качестве приходящих извне (Бог послал, Бог наказал), т. е. у них активируется механизм проекции, что объясняет их обращение к Богу вместо стремления справиться с кризисной ситуацией. Также верующие слабее дифференцируют свои внутренние состояния, чем нерелигиозные люди. Им свойственны регрессия, уход от реалистического мышления, проявление поведения, уменьшающего тревожность, но характерного для более ранних этапов развития личности, а также приписывание своих эмоций другим людям, а проблем Богу. Можно заключить, что механизмы психологической защиты у нерелигиозных индивидов являются адаптивными и конструктивными (такие люди реже испытывают стресс), а у приверженцев какой-либо религии – незрелыми и неконструктивными. Данное отличие и выступает причиной формирования у последних дополнительной защиты – религиозности, которая компенсирует ущерб, нанесенный травмой, и обеспечивает социальную адаптацию.

Следует отметить, что в представлении религиозных индивидов существуют различия в образе Бога. Так, для верующих существуют милостивый Бог, принимающий их и готовый помогать, и гневный Бог, наказывающий и контролирующий их. Важно понимать, какой образ преобладает в сознании у религиозного человека. Позитивный образ Бога способствует успешному проживанию кризисной ситуации. Например, при сложностях со здоровьем он коррелирует с установкой на выздоровление, что подтверждено исследованием Дж. Фитчетта и его коллег [16]. Доминирование негативного образа Бога связано с мыслями верующих о том, что тяжелые события даются им за греховное поведение. Такая установка приводит к стрессу и сложностям в выздоровлении [17]. В исследовании [18] отмечено, что пациенты, не обращающиеся за медицинской помощью, считают свою болезнь карой божьей, испытанием. Следовательно, по сформированному у человека образу Бога можно спрогнозировать исход преодоления последствий травматической ситуации. Данный образ является психологическим фактором религиозности личности.

Здоровая внутренняя религиозная мотивация определяется состояниями «заботливый родитель» и «естественный ребенок» при сохранности «взрослой» части личности. Для такой мотивации значима неконфликтная коммуникация в религиозной группе [19]. Можно заключить, что религиозность, состоящая из когнитивных, ценностных и мотивационных элементов, фильтрующая окружающие события, задает вектор действий, который, в зависимости от характера восприятия Бога, может как содействовать, так и препятствовать проживанию психологической травмы. Данные действия подвергаются влиянию психологических (образ Бога, внешняя либо внутренняя религиозная мотивация) и социальных (неконфликтная коммуникация в религиозной группе) факторов.

Проанализируем влияние на преодоление личностью травматического события такого социального фактора, как религиозная группа. А. Л. Аи и его коллеги установили, что верующие лучше реабилитируются после операций на сердце благодаря совладающему поведению, основанному на вере и социальной поддержке [20]. Исследование [21] показало, что психологическая поддержка помогает справляться с депрессией и на этапе возникновения симптомов, и при выздоровлении, а социальная изоляция способствует появлению подавленного настроения. У индивидов с более высокой религиозной поддержкой реже наблюдались депрессивные симптомы даже при ослаблении межличностных связей, однако на практике к возможности такой поддержки прибегают только 40 % пациентов и 20 % врачей [22]. Можно сделать вывод о том, что психологическая поддержка, оказываемая представителями религиозной группы нуждающемуся во внимании человеку, является значимой [23]. В данном случае связующим компонентом между личностью и религиозной группой является вера.

В рамках аспектов жизни, страданий и неизбежности смерти религиозность может рассматриваться как экзистенциальный ресурс. Так, религия способна стать системой смыслообразования, благоприятно влияющей на психическое здоровье индивида. Религиозный копинг направлен на поиск значимости происходящего. Он может возникать там, где нерелигиозный не срабатывает, особенно в ситуациях, связанных с ухудшением здоровья, потерей жизни [24]. Следовательно, смыслообразующая функция религиозности заключается в нахождении индивидом смыслов в различных событиях с помощью веры, что обеспечивает его ресурсом для проработки травматического опыта. Стоит отметить, что формированию смысловых нарративов и созданию условий, необходимых для осознания различных жизненных ситуаций, способствуют религиозные институты.

Психологическая травма может быть связана с беспомощностью. В такой ситуации одним из средств профилактики выступает религиозность [25]. Однако важным аспектом являются активные действия индивида, что подтверждается исследованием [26], в котором сделан вывод о более быстром выздоровлении пациентов с клинической депрессией при наличии религиозной мотивации. Значимость вовлеченности индивида в события религиозного объединения для избегания депрессии отмечена Т. Б. Смитом и его коллегами [27]. Таким образом, основой совладающего поведения в рассматриваемой ситуации являются активные действия личности (психологический фактор) и ее вовлеченность в религиозную группу (социальный фактор).

Рассматривая стратегии проживания религиозной личностью психологической травмы, М. Э. Райан и Э. Дж. Франсис выделили внутренний, внешний и трансцендентный локусы контроля [28]. В число аспектов совладающего поведения, помимо активной позиции и низкого уровня восприятия угрозы, М. С. Гиббис также включил внутренний локус контроля [29]. При внутреннем локусе контроля преодоление ситуации зависит от индивида, при внешнем – от Бога, при трансцендентном – от понимания Бога. Для проработки психологической травмы эффективным механизмом считается сочетание в сознании личности внутреннего и трансцендентного типов локуса контроля. Неэффективным средством является внешний локус контроля, характеризующийся перекалыванием личностью ответственности за ситуацию на Бога. Схожую классификацию стратегий предложил К. И. Паргамент, выделивший совместную («сотрудничество» с Богом) и самостоятельную (решение проблемы своими усилиями) стратегии, а также стратегию ожидания (надежда на Бога) [30]. Можно сделать вывод о том, что религиозность не является главным фактором преодоления травматической ситуации, а лишь предоставляет индивиду ресурс в виде надежды, поскольку именно от его действий зависит результат. Следовательно, стратегии, в которых предполагается активная позиция самой личности, относятся к психологическому фактору религиозности.

Позитивное влияние религиозного копинга, связанного с духовностью и основанного на вере и доступе к поддержке со стороны религиозной общины, заключается в уменьшении дистресса. Примером могут служить работы по изучению лиц с посттравматическим стрессовым расстройством, возникшим вследствие жесткого обращения в детстве, сексуального или семейного насилия, войны. Направление этих исследований поддерживает Американская психологическая ассоциация, которая признает религиозные традиции важным аспектом этичного лечения [31]. К психологическим факторам религиозности личности относятся религиозные убежде-

ния, которые могут как помогать, так и препятствовать преодолению травматического опыта. Данный аспект требует изучения в отдельной работе.

Обращение к религии с целью преодолеть травматическое событие способно привести к негативным изменениям [32; 33]. Так, индивид может чувствовать осуждение и отвержение со стороны Бога, что усилит психологический дистресс. Отмечаются случаи использования религиозных убеждений для оправдания жестокости, а также ситуации совершения насилия верующими над другими людьми. Данные обстоятельства становятся причиной выбора людьми иного средства для преодоления посттравматического состояния [31].

Ф. Э. Гарсия и его коллеги указали, что позитивным последствием религиозного копинга является посттравматический рост, а его негативным последствием выступают посттравматические симптомы [34]. При низком уровне религиозного копинга обнаружена его сильная связь с поиском социальной поддержки и посттравматическим ростом, однако при высоком уровне этого копинга взаимосвязь данных характеристик слабая. Иными словами, такие психологические характеристики, как, например, негативный образ Бога, пассивность и перекалывание ответственности за решение ситуации на Бога, не способствуют поиску ресурса для совладающего поведения. Религиозность, как копинговый механизм, ведущий к позитивным изменениям, обеспечивает проработку травмы ввиду определенных психологических и социальных факторов, ценностных ориентаций, установок, мотивов, мировоззрения, поведения и черт личности.

В работах [35–37] подтверждается значимость психологического (объяснение индивидом окружающих событий с помощью религиозных убеждений для того, чтобы контролировать ситуацию) и социального (поддержки религиозной группы) факторов для успешного проживания травматической ситуации. Ю. П. Тобалов выделял у православных индивидов такие особенности, как поиск социальной поддержки и самоконтроль. А. О. Гнутова и М. Ю. Рогозина обнаружили, что личности с высоким уровнем религиозности являются социально активными и склонными не признавать свой вклад в решение проблемы, ищут в религии поддержку и утешение, стабилизируя эмоциональность и снижая степень своей ответственности. В то же время люди с низким уровнем религиозности в трудной ситуации либо игнорируют проблему, либо активно и последовательно действуют для ее разрешения, принимая на себя ответственность. Следует обозначить, что такое поведение может быть не связано с религиозностью. Таким образом, у многих верующих, в зависимости от характера ценностных ориентаций, установок, мотивов, мировоззрения и черт личности, отмечаются более примитивные механизмы

психологической защиты (компенсаторная функция религиозности), стремление к получению поддержки от религиозной группы, а также наличие внешнего локуса контроля. Изучая влияние религии на психическое здоровье женщин, имеющих опыт сексуального насилия и не имеющих такового, Б. Х. Чанг и его коллеги также сделали вывод о том, что религиозность коррелирует с улучшением психического здоровья, способствует преодолению последствий травмы.

Рассмотрим взаимосвязь между надеждой, религиозной вовлеченностью и психическим здоровьем. Эта корреляция исследовалась в работе [38] на выборке ветеранов и военнослужащих с симптомами посттравматического стрессового расстройства. Было выявлено, что надежда, положительно воздействующая на психику и снижающая риск самоубийства, имеет обратную связь с симптомами данного расстройства, депрессией, тревогой у ветеранов и также с симптомами дистресса у военнослужащих. В то же время религиозная вовлеченность не оказывает положительного влияния на взаимосвязь между надеждой и перечисленными симптомами независимо от демографических, военных, социальных и психологических факторов. По этой причине религиозную вовлеченность и надежду нельзя отнести к факторам религиозности, способствующим проработке личностью психологической травмы.

Анализ статей по теме религиозности в контексте чрезвычайных ситуаций (рассмотрена 51 статья с 1975 по 2015 г.) показал, что религиозность положительно воздействует на лица, пережившие катастрофу. Однако такой результат в большей степени зависит от особенностей вероисповедания и доступа индивида к ресурсам религиозной общины [39]. Таким образом, в очередной раз подтверждается зна-

чимось для проживания травматического события ресурсов религиозной группы и некритично принятой индивидом системы ценностных, когнитивных и мотивационных элементов.

Следует отметить, что у религиозных людей, недавно переживших травму, наблюдается более высокий уровень удовлетворенности жизнью, чем у нерелигиозных. Однако важным фактором является восприятие индивидом Бога независимо от того, верит ли человек в него [40]. Например, нерелигиозные, имеющие травматический сексуальный опыт люди, в сознании которых доминирует образ гневного Бога, часто страдают самобичеванием и посттравматическим стрессовым расстройством. В свою очередь, дистресс может привести к усилению религиозности. Иными словами, религиозность воздействует на преодоление травматической ситуации и наоборот. Данный вывод свидетельствует о значимости учета образа Бога и рассмотрения религиозности без привязки к конфессии личности при прогнозировании проживания ею последствий травматического события.

В работе [41] выдвигалась гипотеза о том, что верующие способны быстрее преодолеть кризисную ситуацию, чем неверующие, однако она не подтвердилась. Было отмечено, что результаты зависят не только от наличия религиозности, но и от особенностей вероисповедания личности.

Религиозность может способствовать лучшей проработке психологической травмы, однако для некоторых религиозных течений характерно продвижение идеи отказа от медицинской или иной помощи, что впоследствии причиняет индивиду вред. В связи с этим изучение содержания религиозных установок, ценностей, мотивов и мировоззрения человека является важным.

Заключение

В настоящем исследовании рассмотрены работы, посвященные изучению религиозного совладающего поведения у лиц, имеющих тяжелые заболевания, депрессию, посттравматическое стрессовое расстройство, опыт жестокого обращения в детстве, сексуального и семейного насилия, стихийных бедствий, войн. Определено, что религиозность, будучи структурой, состоящей из установок, ценностных ориентаций, мотивов, особенностей мировоззрения, поведения и черт личности, воздействует на индивида при выборе им способа преодоления последствий травматического опыта. В данном контексте выявлены факторы религиозности личности. К психологическим факторам относятся религиозная мотивация (внешняя, внутренняя), образ Бога (позитивный, негативный) и локус контроля (внешний, внутренний, трансцендентный). Социальными факторами являются поддержка религиозной группы,

активная жизненная позиция и принятие либо отвержение религиозной группой.

На проживание психологической травмы положительно влияют внутренняя религиозная мотивация, позитивный образ Бога, внутренний либо трансцендентный локус контроля, поддержка религиозной группы и принятие индивида ею, а также активная жизненная позиция личности. Негативное воздействие оказывают внешний локус контроля, пассивная жизненная позиция, негативный образ Бога и отвержение религиозной группой.

Успешность адаптации личности зависит от образа Бога в ее сознании. Образ строгого и сурового Бога связан с возникновением у человека самобичевания, посттравматического стрессового расстройства, а образ милостивого Бога соотносится с положительным исходом преодоления травматического опыта. Значимым фактором является поддержка религиозной

общины (высокое качество социальных связей, внимательность к другим людям), которая обеспечивает ощущение безопасности, принадлежности. Важно, чтобы коммуникация в религиозной общине не вступала в конфликт с личностным мировоззрением. Религиозные практики способствуют появлению ощущения надежды, придают значимость событиям. Смыслы, обретенные в ходе религиозной жизни, уменьшают масштаб негативных травматических переживаний. Результат проживания психологической травмы зависит не только от наличия религиозности, но и от особенностей вероисповедания личности. Наиболее благоприятный исход наблюдается при совместной стратегии, т. е. при активных действиях личности и вере, обеспечивающей необходимую надежду на улучшение.

Обращение к религии может привести к позитивным и негативным изменениям. Позитивное влияние религиозного копинга, связанного с религиозным преодолением, верой и доступом к поддержке религиозной общины, заключается в снижении дистресса, уменьшении посттравматических симптомов, повышении вероятности посттравматического роста. Такая личность является активной, находится

в поиске смысла происходящего. В этом случае религия представляет собой экзистенциальный ресурс, который выступает средством профилактики выученной беспомощности. При негативных последствиях религиозного копинга индивиды (особенно те, в сознании которых преобладает образ гневного Бога) отказываются от психологической и социальной помощи, изолируются, считают травматическую ситуацию наказанием, испытывают злость на Бога, ощущают осуждение и отвержение с его стороны, что усиливает дистресс. Таким образом, религиозность способна как содействовать, так и препятствовать преодолению травматического события.

С точки зрения проработки индивидом психологической травмы религиозность может выполнять компенсаторную (преобладание таких механизмов психологической защиты, как вытеснение, замещение, проекция и регрессия) и смыслообразующую (наличие религиозного смысла у всего, что происходит) функции. Перспективой для дальнейших исследований может стать изучение содержания религиозных убеждений, установок, ценностей, смыслов, мотивов и традиций, которые способствуют прогнозированию совладающего поведения индивида.

Библиографические ссылки

1. Чумакова ДМ. Религиозность личности: основные подходы, структура и диагностика. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*. 2011;42:111–114.
2. Джеймс У. *Многообразие религиозного опыта*. Лурье СВ, редактор; Махалиева-Мирович ВН, Шик НВ, переводчики. Москва: Наука; 2017. 415 с.
3. Даудова ДМ, Аминова ДК, Ибрагимова ДЯ, Цахаева АА. Понятие «духовность» в психологическом контексте. В: Дагестанский государственный педагогический университет. *Наука и образование: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы научной сессии профессорско-преподавательского состава, посвященного 90-летию ученого, педагога, организатора образования Ахмеда Магомедовича Магомедова; 29–30 октября 2020 г.; Махачкала, Дагестан*. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет; 2021. с. 173–176.
4. Васильев ФЕ. *Переживание и молитва: опыт общепсихологического исследования*. Щур ВГ, Толстова ТП, редакторы. Москва: Смысл; 2005. 191 с.
5. Семикин ВВ. *Психологическая культура в образовании человека*. Санкт-Петербург: Союз; 2002. 155 с.
6. Слободчиков ВИ. Христианская психология в системе психологического знания. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2007;2:90–97.
7. Уварова ЛН, Рысаева АМ. Понятие «духовность» в современной психологии. *E-scio*. 2022;6:1–5.
8. Зенченко ИП. Теоретический анализ феномена духовности в контексте психики человека. *Вестник Донецкого национального университета. Серия Д, Филология и психология*. 2020;1:138–142.
9. Знаков ВВ. *Психология понимания: проблемы и перспективы*. Шапошникова ОВ, редактор. Москва: Институт психологии РАН; 2005. 448 с.
10. Фрейд З. *Будущее одной иллюзии*. Полянский В, Коган Я, Ермаков И, переводчики. Москва: АСТ; 2009. 251 с.
11. Ялом И. *Экзистенциальная психотерапия*. Дрбаквива ТС, переводчик. Москва: Класс; 1999. 576 с.
12. Угринович ДМ. *Психология религии*. Баранова НА, Степанов ЮВ, Архипенко МВ, редакторы. Москва: Политиздат; 1986. 352 с.
13. Платонов КК. *Психология религии: факты и мысли*. Никоненко С, Уманец Н, редакторы. Москва: Политиздат; 1967. 238 с.
14. Братусь БС, Инина НВ. Вера как общепсихологический феномен сознания человека. *Вестник Московского университета. Серия 14, Психология*. 2011;1:25–38.
15. Соколовская ИЭ. Механизмы психологических защит в связи с религиозностью личности. *Мир науки, культуры, образования*. 2014;4:46–49.
16. Fitchett G, Rybarczyk BD, DeMarco GA, Nicholas JJ. The role of religion in medical rehabilitation outcomes: a longitudinal study. *Rehabilitation Psychology*. 1999;44(4):333–353. DOI: 10.1037/0090-5550.44.4.333.
17. Гусева ЕС. Эмоциональное отношение к Богу как важнейший компонент религиозности. *Культура. Духовность. Общество*. 2015;19:69–81.
18. Sloan RP, Bagiella E. Claims about religious involvement and health outcomes. *Annals of Behavioral Medicine*. 2002;24(1):14–21.
19. Гусева ЕС. Транзактный подход к описанию религиозной личности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015;1(часть 4):882–885.

20. Ai AL, Park CL, Huang B, Rodgers W, Tice TN. Psychosocial mediation of religious coping styles: a study of short-term psychological distress following cardiac surgery. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007;6:867–882. DOI: 10.1177/0146167207301008.
21. Lara ME, Leader Ju, Klein DN. The association between social support and course of depression: is it confounded with personality? *Journal of Abnormal Psychology*. 1997;106:478–482.
22. MacLean CD, Susi B, Phifer N, Schultz L, Bynum D, Franco M, et al. Patient preference for physician discussion and practice of spirituality. *Journal of General Internal Medicine*. 2003;1:38–43. DOI: 10.1046/j.1525-1497.2003.20403.x.
23. Chang BH, Noonan AE, Tennstedt ShL. The role of religion/spirituality in coping with caregiving for disabled elders. *Gerontologist*. 1998;4:463–470. DOI: 10.1093/geront/38.4.463.
24. van Uden M, Zondag HJ. Religion as an existential resource: on meaning-making, religious coping and rituals. *European Journal of Mental Health*. 2016;11:3–17. DOI: 10.5708/EJMH.11.2016.1-2.1.
25. Rotenberg VS. Religious education as a prevention of learned helplessness and depression: theoretical consideration. *Activitas Nervosa Superior*. 2012;1–2:1–9.
26. Koenig HG, George LK, Peterson BL. Religiosity and remission of depression in medically ill older patients. *American Journal of Psychiatry*. 1998;4:536–542. DOI: 10.1176/ajp.155.4.536.
27. Smith TB, McCullough ME, Poll J. Religiousness and depression: evidence for a main effect and the moderating influence of stressful life events. *Psychological Bulletin*. 2003;4:614–636. DOI: 10.1037/0033-2909.129.4.614.
28. Ryan ME, Francis AJP. Locus of control beliefs mediate the relationship between religious functioning and psychological health. *Journal of Religion and Health*. 2012;3:774–785. DOI: 10.1007/s10943-010-9386-z.
29. Gibbs MS. Factors in the victim that mediate between disaster and psychopathology: a review. *Journal of Traumatic Stress*. 1989;2:489–514. DOI: 10.1002/jts.2490020411.
30. Pargament KI. *The psychology of religion and coping: theory, research, practice*. New York: Guilford Press; 2001. 548 p.
31. Bryant-Davis T, Wong EC. Faith to move mountains: religious coping, spirituality, and interpersonal trauma recovery. *American Psychologist*. 2013;8:675–684. DOI: 10.1037/a0034380.
32. Connor KM, Davidson JR, Lee LC. Spirituality, resilience, and anger in survivors of violent trauma: a community survey. *Journal of Traumatic Stress*. 2003;5:487–494. DOI: 10.1023/A:1025762512279.
33. Koenig HG. Research on religion, spirituality, and mental health: a review. *Canadian Journal of Psychiatry*. 2009;5:283–291. DOI: 10.1177/070674370905400502.
34. García FE, Páez D, Reyes-Reyes A, Álvarez R. Religious coping as moderator of psychological responses to stressful events: a longitudinal study. *Religions*. 2017;4:62. DOI: 10.3390/rel8040062.
35. Тобалов ЮП. *Совладение с трудными жизненными ситуациями у верующих: на материале православных христиан и мусульман* [диссертация]. Москва: Российский государственный социальный университет; 2004. 192 с.
36. Гнуптова АО, Рогозина МЮ. Религиозность как ресурс личности в трудной жизненной ситуации. В: Беспалова СВ, редактор. *Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы V Международной научной конференции; 29 октября 2020 г.; Донецк, ДНР. Том 9*. Донецк: Донецкий национальный университет; 2020. с. 231–233.
37. Chang BH, Skinner KM, Boehmer U. Religion and mental health among women veterans with sexual assault experience. *International Journal of Psychiatry in Medicine*. 2001;1:77–95. DOI: 10.2190/ONQA-YAJ9-W0AM-YB3P.
38. Koenig HG, Youseff NA, Smothers Z, Oliver JP, Boucher NA, Ames D, et al. Hope, religiosity, and mental health in US veterans and active duty military with PTSD symptoms. *Military Medicine*. 2020;1–2:97–104. DOI: 10.1093/milmed/usz146.
39. Aten JD, Smith WR, Davis EB, van Tongeren DR, Hook JN, Davis DE, et al. The psychological study of religion and spirituality in a disaster context: a systematic review. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2019;6:597–613. DOI: 10.1037/tra0000431.
40. Kucharska J. Religiosity and the concept of God moderate the relationship between the type of trauma, posttraumatic cognitions, and mental health. *Journal of Trauma & Dissociation*. 2018;5:535–551. DOI: 10.1080/15299732.2017.1402399.
41. Milstein G. Disasters, psychological traumas, and religions: resiliencies examined. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2019;6:559–562. DOI: 10.1037/tra0000510.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 111.852(075.8)

Наливайко И. М. Эстетика : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0223-01 «Философия» / И. М. Наливайко, Г. Т. Махмудова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 88 с. Библиогр.: с. 82–86, библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/322119>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 21.11.2024, № 017421112024. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Эстетика» предназначен для студентов специальности 6-05-0223-01 «Философия». В ЭУМК содержатся базовые учебные материалы: краткий конспект курса лекций, тематика семинарских занятий, тестовые задания, тематика эссе, контрольных и рефератов, курсовых и дипломных работ, учебная программа, вопросы к экзамену, список рекомендуемой литературы.

Адресуется студентам факультета философии и социальных наук, а также всем интересующимся эстетикой.

УДК 159.9:330(075.8) + 330.16(075.8)

Стволыгин К. В. Экономическая психология : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0921-01 «Социальная работа», 6-05-0921-01 «Социальная работа и консультирование» / К. В. Стволыгин ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 102 с. Библиогр.: с. 99–102. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/322123>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 21.11.2024, № 017521112024. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Экономическая психология» предназначен для студентов специальностей 6-05-0921-01 «Социальная работа», 6-05-0921-01 «Социальная работа и консультирование».

Содержание ЭУМК позволит студентам усвоить методологические основы экономической психологии и психологические закономерности экономического поведения личности, приобрести теоретические знания и практические навыки в области экономической психологии.

УДК 101.1:316(06)

Человек. Культура. Общество : сб. науч. ст. 21-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. философии и соц. наук Белорус. гос. ун-та (Минск, 26 апр. 2024 г.) / БГУ ; редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) [и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 979 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/323219>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 16.12.2024, № 019116122024. Текст : электронный.

В сборник включены доклады студентов, магистрантов и аспирантов естественно-научных и гуманитарных факультетов БГУ, в частности факультета философии и социальных наук, а также других учреждений высшего образования Беларуси, представленные на 21-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов «Человек. Культура. Общество».

УДК 2-1(075.8)

Данилов А. В. **Аналитическое религиоведение** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0221-01 «Теология» / А. В. Данилов ; БГУ, Ин-т теологии. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 348 с. : схемы. Библиогр.: с. 345–348. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/323788>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.12.2024, № 020330122024. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Аналитическое религиоведение» предназначен для магистрантов специальности 7-06-0221-01 «Теология». В ЭУМК содержатся учебно-методические материалы: курс лекций, визуальные схемы, глоссарий по основным понятиям учебного курса, тестовые задания, учебная программа и список рекомендуемой литературы.

Адресуется магистрантам института теологии, а также всем интересующимся религиоведением.

УДК 2-1(075.8)

Данилов А. В. **Феноменология религиозного символа** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 01 01 «Теология» / А. В. Данилов ; БГУ, Ин-т теологии. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 453 с. : рис. Библиогр.: с. 451–453. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/323797>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.12.2024, № 020430122024. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Феноменология религиозного символа» предназначен для студентов специальности 1-21 01 01 «Теология». В ЭУМК содержатся учебно-методические материалы: курс лекций, визуальные схемы, глоссарий по основным понятиям учебного курса, тестовые задания, учебная программа и список рекомендуемой литературы.

Адресуется магистрантам института теологии, а также всем интересующимся религиоведением.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Рубанов А. В.</i> Житейская мудрость А. Шопенгауэра	4
<i>Барковская А. В.</i> Кросс-культурные контексты метафизики	16

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Мозалевская Д. А.</i> Сетевая модель социальной организации и ее применение в исследовании политических процессов	20
--	----

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Курилович Н. В.</i> Брачно-семейные ценности студентов Белорусского государственного университета	26
<i>Чжан Н.</i> Образовательные каноны конфуцианства и культура чтения студентов современных китайских университетов	35

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ткачëв И. В.</i> Иерархия мотивов и структура мотивации использования электронных социальных сетей студентами	44
<i>Чжао С., Фурманов И. А.</i> Половозрастные различия в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в китайских и белорусских семьях	55
<i>Сорока А. А.</i> Аттитюды по отношению к роботизации как предиктор проявления эффекта «зловещей долины»	63
<i>Чан С., Фофанова Г. А.</i> Монетарное поведение студентов из разных стран	67
<i>Шарипова Д. Р.</i> Факторы религиозности личности в контексте преодоления последствий травматического опыта	75
Аннотации депонированных в БГУ работ	82

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rubanau A. V.</i> The worldly wisdom of A. Schopenhauer	4
<i>Barkovskaja A. V.</i> Cross-cultural contexts of metaphysics.....	16

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Mozalevskaya D. A.</i> The network model of social organisation and its application in the study of political processes	20
--	----

SOCIAL RESEARCHES

<i>Kurilovich N. V.</i> Belarusian State University students' marriage and family values	26
<i>Zhang N.</i> Confucian educational canons and the reading culture of modern Chinese university students	35

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Tkachov I. V.</i> Hierarchy of motives and structure of motivation for the use of electronic social networks by students	44
<i>Zhao S., Fourmanov I. A.</i> Gender and age differences in parent-child conflict resolution tactics in Chinese and Belarusian families	55
<i>Soroka A. A.</i> Attitudes towards robotisation as a predictor of the manifestation of the «uncanny valley» effect	63
<i>Chang X., Fofanova G. A.</i> Monetary behaviour of students from different countries	67
<i>Sharipova D. R.</i> Factors of a person's religiosity in the context of overcoming the consequences of traumatic experience	75
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	82

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 1. 2025**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *М. Д. Баранова*

Технические редакторы *М. А. Панкратова, М. М. Баулина*

Корректоры *П. А. Нгомека, А. С. Якименко*

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 1. 2025**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *M. D. Baranova*

Technical editors *M. A. Pankratova, M. M. Baulina*

Proofreaders *P. A. Ngomeka, A. S. Yakimenko*